

Свами Вивекананда
ДЖНЯНА-ЙОГА

Лекции, пересмотренные и изданные Свами Сараданандой

Перевод со второго калькуттского издания Я.К.Попова

СПб.: Типография И.В.Леонтьева, 1914

Песнь Саньясина

Раздайся песнь! Та песнь, чья родина далеко, куда не может никогда достичь мирской порок, – в пещерах гор, среди лесов глубоких, покой которых никогда не смел нарушить ни один вздох сладострастья, ни жажда славы и богатства; где катится поток истины, знания и следующего за обоими – блаженства... Пой громко эту песнь, отважный Саньясин:

"Аум тат сат, Аум!"

Разбей свои оковы, привязывающие тебя к низменному миру, из блестящего ли от золота, или из темного неблагородного металла... Из любви или ненависти, добра или же зла, или чего бы то ни было другого, но двойственного тоже... Знай, раб есть раб, – ласкают ли его, или же бьют, он не свободен, так как цепи, хотя бы и из золота, не менее крепки, чем всякие другие. Так сбрось же их, отважный Саньясин, и говори:

"Аум тат сат, Аум!"

Пусть исчезнет тьма и те блуждающие огоньки, которые своим мерцанием только усиливают мрак! Пусть в тебе угаснет жажда жизни! Она влечет душу от рожденья к смерти и от смерти к новому рожденью. Тот побеждает все, кто самого себя сумеет победить. Знай это и никогда не отступай, отважный Саньясин, и говори:

"Аум тат сат, Аум!"

Говорят: "кто сеет – должен жать", и каждая причина принести следствие должна: хорошая – хорошее, дурная – злое. И никто не уклонится от закона, но тот, кто носит форму, какой бы ни была она, тот вынужден носить и цепи. Таков закон... Неизмеримо выше всех форм и всех имен Атман, свободный вечно. Знай, смелый Саньясин, – ты – Тот! и говори:

"Аум тат сат, Аум!"

Не знают истины все, кому грезятся бессмысленные сны, отец, мать, дети, жена и верный друг... О, неимущий пола Сущий! Чей Он Отец и чье дитя? Чей друг, чей враг Тот, кто был всегда Один и навсегда Один пребудет? Он – все во всем, и вне Его ничто не существует. И ты, отважный Саньясин, ты – Тот! И зная это, пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Есть лишь Один – Свободный, Всеведущий и Сущий! Без имени, без формы и без цвета... В нем – *Майя*, которой снятся эти сны, а Он свидетель их, проявленный в виде природы и души. Ты – Тот! Знай это, смелый Саньясин, и пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Там, где ты думаешь найти свободу, ни этот мир, ни тот тебе ее не может дать. Бесплодны твои искания в святилищах и книгах. В твоей руке спасительная нить, влекущая тебя к познанию и свободе... Не жалуйся напрасно! Брось все, что тебя держит, отважный Саньясин! И пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Говори всему: "Мир вам! Я ничему живущему не угрожаю. Я все во всем, как в том, что пребывает наверху, так и во всем, что ползает в низинах. Я отвергаю жизнь и здесь, и там, все небеса и земли, и самый ад, все страхи и надежды..." Так рви же, рви свои оковы, отважный Саньясин! И пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Не обращай внимания на то, живет ли плоть твоя, или же умирает. Ее задача кончена, и Карма пусть ее уносит. Пускай один венцы на эту форму возлагает, другой ударами ее осыпает, но ты молчи и знай, что там не может быть ни похвалы, ни порицанья, где и хвалящий, и хвалимый, и порицаемый, и порицающий его – Одно... Итак, спокоен будь, отважный Саньясин! И пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Истина не приходит в ту обитель, где алчность, слава и сладострастие живут... Совершенным быть не может, кто смотрит на женщину, как на жену; ни тот, кто обладает хотя бы самым малым, ни тот, кто поддается гневу... Никто из них ворота Майи не пройдет. Брось это все, отважный Саньясин! Брось все и пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Тебе не нужен дом... Пусть ни одно жилище тебя не сможет удержать! Небесный свод – твоя незыблемая кровля, трава постель; а пища то, что случай тебе даст. Хорошо ли она приготовлена, или же дурно, пусть это для тебя будет все равно! Нет такой пищи, ни питья, которые могли бы осквернить стремящееся к самопознанию твое "Я"... Уподобляйся вечно бегущему потоку... Уподобляйся, отважный Саньясин! И пой:

"Аум тат сат, Аум!"

Немногим истина известна... Невежды будут ненавидеть и насмехаться над тобой, великий! Но не обращай внимания на них. Иди, свободный, с одного места на другое и помогай им выходить из мрака покрывала Майи, без трепета перед страданием, без жажды мимолетных радостей земных. Будь выше их, отважный Саньясин! И пой:

"Аум тат сат, Аум"!

Так непрестанно, изо дня в день, укрепляй душу, покамест силы Кармы истощатся... Нет более рождения, ни "я", ни "ты", ни смертного, ни Бога! Я стану всем; все станет "Я" и неомрачаемым блаженством! Знай, смелый Саньясин, – ты Тот! И пой:

"Аум тат сат, Аум"!

Предисловие

Книга эта, как показывает ее оглавление, состоит из четырнадцати лекций, прочитанных Свами Вивеканандой в Лондоне в 1896 году.* Первоначальной записью этих лекций читатели обязаны Х. Х. Годвину, умершему в июне 1898 года в Уткамонде, и г-же М. Е. Иолдо из Бруклина в Нью-Йорке. Двенадцать из них были напечатаны г-м Стерди месячными выпусками в 1897 году.

* Издатель, Свами Сарадананда, не упомянул о трех лекциях, прочитанных в том же году в Нью-Йорке и также помещенных в этой книге.

В настоящем виде все лекции были составлены при жизни Свами и им одобрены. Труд же нынешнего издателя состоял теперь только в исправлении опечаток и устранении немногих неточностей в выражениях, что, надеюсь, не сделало менее яркими "своеобразную особенность и энергию" речи Свами, как о ней удачно выразился г. Стерди.

Наиболее важным в своих Лондонских лекциях Свами Вивекананда считал изложение на новом языке идеи "Майи". В этом он, вероятно, встретил и наиболее затруднений.

Специальное обсуждение этой идеи начинается с лекции о "Действительном и кажущемся человеке" и продолжается в лекции об "Абсолюте и Проявлении". Но эта идея составляет, в сущности, главный предмет всей серии лекций; лекции же о "Реализации", "Свободе" и "Практической Веданте" почти настолько же посвящены ее обсуждению, как и те три (2-я, 5-я и 6-я), которые носят ее название.

Сарадананда
Богур Мот. Сентябрь, 1911

МАЙЯ И ИЛЛЮЗИЯ

Почти все вы слышали слово *Майя*. Обыкновенно его употребляют для обозначения обмана чувств, иллюзии, очарования. Я нахожу такое его

употребление неправильным: а так как выражаемое им понятие составляет один из устоев, на которых покоится Веданта, то, чтобы при дальнейших моих лекциях не быть непонятым, я остановлюсь на нем несколько дольше и попрошу у вас немного терпения. В литературе Вед слово *майя* сначала встречается, действительно, в смысле очарования: мы находим там такую, например, фразу: "Индра через свою *майю* принимал различные формы". Здесь слово *майя* очевидно выражает нечто как бы магическое. Но в то время, когда это написано, теория *майи* еще не была разработана, а потом это слово в течение долгого времени и совсем не встречается, хотя идея им выражаемая продолжает развиваться. Позже встречаем вопрос: "Почему мы не можем знать тайн Вселенной?" – и ответ на него: "Потому что занимаемся пустыми разговорами и удовлетворяемся чувственными предметами, а также потому, что увлекаемся желаниями и закрываем действительность как бы туманом". Здесь слова *майя* нет, но проскальзывает идея о ней: причиной нашего незнания выставляется род тумана, заслоняющего от нас истину. Значительно позже, в одном из Упанишад, слово *майя* опять появляется; но к этому времени значение его подверглось уже значительным изменениям. Предлагались и отвергались разные его толкования, пока, наконец, выражаемая этим словом идея не установилась окончательно. В Шветашватара Упанишаде мы читаем: "Знай, что природа это *майя*, а разум, управляющий *майей* – Сам Господь".

До великого Шанкарачарья наши философы употребляли это слово в разных значениях. Теорией его занимались отчасти и буддисты, и у них оно получило значение очень близкое к тому, что теперь называется идеализмом. Среди буддийских философских школ была одна, совершенно не признававшая существования внешнего мира. Она считала его иллюзией и называла *майей*. Отсюда и получило начало употребление этого слова в смысле, указанном в первых строках настоящей главы. Но *майя* Веданты в последней форме ее развития – не идеализм и не реализм, и даже не теория. Она просто обозначение того, что представляем собой мы и нас окружающее. Как я уже говорил вам, умы, создавшие Веды, упорно стремились к открытию и исследованию принципов. Их задача состояла в том, чтобы проникнуть в самую сущность вещей, и у них не было времени заниматься подробностями, или ожидать, пока они будут выработаны; их как бы влекла какая-то высшая сила все вперед и вперед, и не давала им остановиться. Поэтому во всех Упанишадах мы на каждом шагу встречаем главные положения, вполне согласные с положениями, устанавливаемыми впоследствии, так называемой современной наукой, тогда как второстепенные подробности в них часто ошибочны. Там мы находим, например, идею об эфире, составляющую основание одной из позднейших научных теорий, и идея эта является в форме гораздо более развитой, чем какую она получила до сих пор у новейших ученых. Но это только пока дело ограничивается принципом; когда же авторы Упанишад хотят показать применение этого принципа, они делают массу ошибок. Затем в Ведах, а именно в Брахманах, находим теорию всюду проникающего жизненного принципа, различные проявления которого составляет вся жизнь вселенной. В Самхитах есть длинный гимн пране, проявляющейся в форме жизни. Некоторым из вас, может быть, будет интересно узнать, что в философии Вед есть также теории возникновения жизни на земле, очень похожие на предлагаемые некоторыми новейшими учеными. Так, вы, конечно, знаете, что существует теория, по которой жизнь на

земле предполагается принесенной с других планет; в Ведах же некоторые философы говорят, что она принесена с Луны.

Эти ранние мыслители очень решительны в обращении с принципами и удивительно смелы в предложении широких обобщений. В разрешении вопросов о тайнах вселенной, которое они старались получить исследованием внешнего мира, они достигли всего, что только было возможно. Где их принципы оказываются недостаточными, там и специальные исследования новейшей науки не могли подвинуть вопрос ни на один шаг к разрешению. Если теория эфира не могла в древнее время разрешить вопроса о тайнах вселенной, то и разработка в подробностях этой теории не приблизила нас к истине; если теория всепроникающего жизненного принципа оказалась неудовлетворительной, как теория вселенной, то она не стала лучше и теперь, по разработке ее подробностей, так как подробности не могут изменить принципа. Этим я хочу сказать, что в исследовании принципов Индусские мыслители были также смелы, а в некоторых случаях и гораздо смелее, чем новейшие. Отыскивая принципы, они пришли к некоторым обобщениям, более широким, чем те, к каким приходили, как до них, так и после. Скажу больше – у них есть некоторые теории, к которым новейшая наука еще должна прийти и, может быть, даже, не как к строго обоснованным теориям, а только как к гипотезам. Например, они не только выработали в общих чертах теорию эфира, но пошли дальше и нашли, что ум не что иное как более тонкий эфир, а затем открыли эфир еще более тонкий. Все это, однако, не разрешало вопроса, что такое мы и что такое окружающий нас мир. На этот вопрос теперь обыкновенно отвечают: наше знакомство с миром и нами самими только что начинается; подождем несколько тысячелетий, и вопрос будет разрешен. – Нет, говорит Ведантист, никакое познание внешнего мира никогда не даст ответа на этот вопрос. Разум ограничен, а за его пределы перейти невозможно. Человеческий разум не может отрешиться от понятий времени, пространства и/закона причинности. Как ни один человек не может выйти из своей кожи, так никто не может выйти за пределы, определенные для него и всех нас законами времени и пространства. Всякая попытка разрешить вопрос о причинности, времени и пространства бесполезна, потому что сам вопрос уже включает в себе признание существования этих трех, а это совсем не доказано. Что же говорит о существовании мира Веданта? Она говорит, что этот мир не имеет существования безусловного, но существует относительно, существует по отношению к моему уму, вашему уму и умам всех остальных существ. Мы воспринимаем этот мир посредством наших пяти чувств, а если б у нас было еще шестое чувство, мир представлялся бы нам чем-то совсем другим; если бы было еще новое чувство, он казался бы нам опять другим и т.д. Поэтому мир не имеет существования, т.е. существования неизменного, вечного, независимого от способов его восприятия. Нельзя, однако, сказать, что он вовсе не существует, так как мы его видим, ощущаем, живем в нем и действуем на него и посредством его. Поэтому, вселенная, как мы ее воспринимаем, и существует и не существует. Явное противоречие.

Переходя от отвлеченных вопросов к обыкновенным повседневным мелочам нашей жизни, мы видим, что и вся наша жизнь сплошь состоит из противоречий, из смешения существований и несуществований. То же противоречие и в нашем знании. Кажется, что человек может узнать все, если только как следует захочет. Но раньше, чем сделает несколько шагов, он встречает несокрушимую стену, через которую проникнуть не может, видит, что

все его действия заключаются внутри круга, из которого выйти невозможно. Даже в вопросах наиболее близких и дорогих для него, которые день и ночь тревожат его и требуют разрешения, он оказывается бессильным, потому что не может подняться выше уровня своего разума; и, хотя желание достигнуть этого крепко заложено в нас, мы знаем, что лучшее, что мы можем сделать, – это сдерживать и останавливать себя в этом стремлении. Всякое побуждение нашего сердца постоянно влечет нас к эгоистичным поступкам, и в то же время какая-то высшая сила предупреждает нас, что хорошо только бескорыстие. Каждый ребенок рождается оптимистом. Ему снятся золотые сны. В юности его оптимизм еще усиливается. Молодой человек с трудом верит, что существуют такие вещи, как упадок сил, разрушение, смерть. Увы, приходит старость, и жизнь обращается в груды развалин. Грезы разлетаются, и старик становится пессимистом. Так переходим мы от одной крайности к другой, получая постоянно безжалостные толчки судьбы, не зная, куда она ведет нас и не замечая, что мы рабы ее. Это напоминает мне знаменитую песню в Лалита Вистара, биографии Будды. Будда родился, говорится в этой книге, чтобы спасти человечество, но среди роскоши дворца забыл о своем посланничестве. Чтобы пробудить в нем воспоминание, явились ангелы и спели ему песню, припев которой был: "Мы плывем по реке существования, которая есть постоянное изменение, не имеющее ни остановки, ни отдыха". Такова жизнь всех нас, идущих все вперед и вперед, не зная передышки. Что же нам делать? Человек, у которого вдоволь еды и питья – оптимист. Он просит не говорить ему о нищете; она его пугает. Не говорите ему о горестях и страданиях мира. Идите к нему и скажите, что все прекрасно. "Да", скажет он, – я обеспечен: посмотрите на меня – у меня хороший дом, я не думаю ни о холоде, ни о голоде. Не рисуйте же мне этих ужасных картин. Если есть другие, которые умирают от холода и голода, идите к ним и проповедуйте им, что это в порядке вещей". Но вот другой человек, ужасно страдавший в жизни. Он не хочет и слышать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь прекрасном и радостном. "Пугайте всех", говорит он. "Почему другие будут смеяться, когда я плачу? Я должен заставить всех плакать вместе со мной, так как я несчастен, и единственно, что меня может утешить, это что и все другие тоже несчастны".

Так мы совершаем наш путь среди оптимизма и пессимизма. Затем есть еще ужасная вещь – смерть. Весь мир идет к смерти. Все умирает. Все наши успехи, все, чем мы гордимся, – наши реформы, наша роскошь, наше богатство, наши науки; все имеет один конец – смерть. Что все кончается смертью, в этом никто не сомневается. Города возникают и исчезают, государства создаются, процветают и распадаются, планеты разрываются и рассыпаются в пыль, уносимую атмосферами других планет. Это продолжается с безначальных времен. А где же конец? – Конец всего – смерть. Смерть – конец жизни, красоты, богатства, могущества и добродетели. Умирают святые, умирают и грешники; умирают короли, умирают и нищие. Все идет к смерти, и все-таки продолжается эта ужасная привязанность к жизни: мы не можем отделаться от нее. Это *майя*.

Мать заботливо взращивает дитя. Вся ее душа, вся жизнь в этом ребенке. Ребенок растет и из него выходит грубое животное, которое каждый день бьет свою мать; но ее привязанность к нему не ослабевает, а когда разум, наконец, пробуждается в ней, она подавляет его мыслью о любви. Мало она думает о том, что это совсем не любовь, а нечто другое, овладевшее ее нервами, какие-

то пути, которые, как бы ни старалась, она не может стряхнуть с себя. – И это *майя*.

Все мы стараемся добыть золотое руно. Каждый думает, что именно он овладеет им: но как мало его в мире! Всякий разумный человек видит, что его шансы добыть это руно очень слабы, что вероятность не более одной двадцатимиллионной, и все-таки никто не может удержаться от борьбы за него, хотя большинство никогда ничего не достигает, это тоже *майя*.

Смерть день и ночь ходит крадучись по земле, а мы думаем, что будем жить вечно. Однажды спросили царя Юдистхиру, какая самая удивительная вещь в мире? И царь отвечал: "Всякий день вокруг нас умирают люди, а каждый думает, что он никогда не умрет". Опять *майя*, – страшное противоречие в нашем уме, нашем знании, нашей жизни и во всем нас окружающем. – Везде это ужасное противоречие; удовольствие, следующее за страданием, и страдание – за удовольствием.

Появляется реформатор и хочет устранить существующее зло. Но прежде чем он устранит небольшую его часть в одном месте, в двадцать тысяч раз больше зла окажется в другом. Старый дом разваливается; поправьте одну его стену, разрушение распространится на другую. Наши проповедники в Индии восстают против бедствий, приносимых индусским женщинам обязательным вдовством, а на Западе величайшим несчастьем для женщины считается невыход замуж. Помогайте вдовам в одной стране, потому что они несчастны; помогайте не вышедшим замуж в другой, – они тоже несчастны. Это похоже на застарелый ревматизм: если вы прогоните его из головы, он перейдет в спину, выгоните из спины – бросится в ноги. Одни люди становятся богаче других, и положение в обществе, образованность и культура делаются их достоянием. Знание, также обширное и великое, культура, такая прекрасная, переходят в руки немногих избранных. Страшно подумать! Являются реформаторы и делят все поровну. Если на время массы и станут от этого несколько счастливее в смысле физического благосостояния, то с дальнейшим ростом культуры это физическое счастье опять исчезнет. Малейшая частица счастья, которым мы наслаждаемся, причиняет где-нибудь в другом месте равное количество несчастья. Молодой человек может не замечать этого, но для того, кто пожил довольно долго и достаточно упорно боролся, это ясно. Таково действительное положение вещей. И это *майя*.

Такое положение оказывается постоянно везде и во всем, и найти разрешение вопроса, "зачем это так?" – невозможно. На этот вопрос нельзя ответить, потому что невозможно его логически формулировать. В нем нет ни как, ни почему. Мы не можем остановиться на нем достаточно долго, чтобы ответить на него: не можем ни на один момент удержать его, он ежеминутно ускользает от нас. Мы похожи на слепую машину. Что же нам делать? Можно стараться воздержаться от бескорыстия, от стремления приносить добро ближним; но даже и в этом мы делаем только то, что вынуждены; не можем поступать по произволу. В настоящую минуту я должен стоять пред вами и читать вам лекцию, а вы принуждены сидеть и слушать; не делать этого мы не можем. Затем вы пойдете домой; одни с мыслью, что чему-то научились, другие – что слушали человека болтавшего вздор; я тоже уйду, думая, что учил вас. И это – *майя*.

Итак, *Майя* – это утверждение существующих фактов этой вселенной и ее деятельности, и их страшного, неразрешимого противоречия. Люди обыкновенно пугаются, когда им говорят это о них, но мы должны быть смелее; скрывать факты не значит найти лекарство. Заяц, преследуемый собаками, прячет голову в землю и считает себя в безопасности, и мы, думая найти убежище в оптимизме или пессимизме, похожи на этого зайца. Но это не лекарство.

Против теории *майи* существуют возражения, исходящие, как вы увидите, от тех, кто пользуется от жизни большей частью благ. Здесь, в Англии, трудно быть пессимистом, и все говорят, что мир удивительно совершенствуется. Но для каждого из нас мир таков, каковы мы сами. Говорят, что Христианство самая лучшая религия и в доказательство указывают на удивительное богатство христианских наций. Но это плохое доказательство. Ведь, богатство этих наций основано на несчастье других народов, на ограблении их; и, если бы оно зависело от религии, то допустив, что весь мир стал христианским, эти нации должны были бы обеднеть, так как не осталось бы никого, кого они могли бы грабить. Очевидно, такое доказательство само себя разбивает. Животные живут за счет растений, люди за счет животных, или, что еще хуже, за счет друг друга, сильный за счет слабого. Это везде и всегда вокруг нас; и это *майя*.

Нам каждый день говорят, что зато со временем все будет хорошо. Хотя это более чем сомнительно, но, допустив даже, что это так, почему же это будущее достигается таким дьявольским способом? Почему добро получается таким скверным путем, а не путем добра? Почему в моих настоящих страданиях меня должно утешать то, что мои потомки в каком-то будущем веке будут счастливы? Это – тоже *майя*, и объяснения ей нет.

Мы часто слышим, что одним из отличительных признаков эволюции служит уменьшение зла, и что, вследствие этого в будущем останется в мире только добро. Это очень приятно слышать; оно удовлетворит наше тщеславие, или, по крайней мере, тщеславие тех, кто получил от мира достаточно благ, кто не раздавлен колесами этой, так называемой эволюции. Для них и им подобных это действительно хорошо и удобно, а что стадо обыкновенных людей страдает, – стоит ли об этом заботиться; пусть себе другие умирают, о них незачем думать. Прекрасно! Но беда в том, что это рассуждение от начала до конца ложно. Оно, во-первых, считает доказанным, что сумма проявляющегося в этом мире добра и зла величина постоянная. Во-вторых, делает еще более сомнительное допущение, именно, что вследствие так называемой эволюции, количество добра увеличивается, а зла – уменьшается, и, значит, настанет время, когда все зло исчезнет и останется только добро. Это легко говорить, но можно ли доказать, что количество зла уменьшается? Не с таким ли основанием, можно сказать, что оно все время возрастает? Возьмите дикаря, живущего в лесу, ничего не знающего о развитии ума, не умеющего читать и никогда не слышавшего о такой вещи, как письмо. Проткните его тело штыком, и он выздоровеет, тогда как гораздо более культурный человек, получивши на улице царапину, умирает. Машины делают все дешево, создают прогресс и эволюцию; но они же давят миллионы, чтобы сделать одного богаче остальных, а всю массу человеческих существ обратить в рабов. Это существующий порядок вещей. Наслаждение человека-животного только физическое; его страдания и удовольствия зависят от органов чувств. Если у него нет достаточно еды, или что-нибудь случится с его телом, он тотчас становится

несчастливым. Счастье и несчастье для него начинаются и кончаются в его чувствах. Но как только человек начинает развиваться, как только его горизонт расширяется, горизонт его несчастья также попутно увеличивается. Дикарь в лесу не знает, что такое ревность, не знает, что значит быть привлеченным к суду, не знает регулярной уплаты податей, не знает похвал и порицаний общества, не знает постоянной в течение дня и ночи тирании человеческого дьяволизма, забирающегося в тайники каждого сердца. Он не знает, что человек со всем его бесполезным учением, со всей его гордостью, может стать в тысячу раз больше зверем, чем всякое другое животное. Таким образом, когда мы освобождаемся от исключительного господства чувств, мы развиваем высшие способности наслаждения, но в то же время и высшие способности страдания, так как наши нервы становятся тоньше и более способны чувствовать. Мы видим, что во всяком обществе человек неразвитый очень мало значения придает оскорблениям, а если чувствует, то разве палочные удары, тогда как джентльмен не может снести грубого слова, до того он стал нервным. Его способность страдать увеличилась вместе с чувствительностью к удовольствию. Когда мы увеличиваем нашу способность быть счастливым, мы увеличиваем нашу способность страдать, и, по моему скромному мнению, если мы делаем успехи в способности к счастью в арифметической прогрессии, то наша способность к несчастью увеличивается в геометрической. Те, кто родился в лесу, мало зависят от общества, тогда как мы, ушедшие далеко вперед, знаем, что чем больше мы развиваемся, тем больше чувствуем на себе его гнет, и, трудно сказать, не оттого ли получается три четверти наших сумасшедших. – Это *майя*.

Мы видим, таким образом, что слово *майя* не предлагается как теория для объяснения мира. Оно только утверждение факта, что в самом основании нашего существования есть противоречие; что куда бы мы ни пошли, мы должны пройти через это ужасное противоречие, что, где есть добро, там должно быть и зло, и где зло, там должно быть и добро: что за жизнью всегда, как тень, следует смерть, что все, кто смеется сегодня, будет завтра плакать, а кто теперь плачет, будет после улыбаться. И это положение вещей не может быть исправлено. Конечно, мы можем вообразить в будущем место, где будет только добро и не будет вовсе зла, где мы будем только радоваться и никогда не будем плакать, но греза эта невозможна по самой природе вещей, так как условия везде и всегда останутся те же. Где есть сила, заставляющая нас улыбаться, там сторожит нас также сила, приносящая слезы. Где есть сила, дающая нам счастье, там подле нас прячется сила, делающая нас несчастными.

Таким образом, философия Веданта не оптимизм и не пессимизм. Она берет вещи как они есть, признавая факт, что этот мир есть смешение добра и зла, счастья и несчастья. Увеличьте одно, и вместе с этим увеличится другое. Мир никогда не будет хорошим, потому что уже в выражениях этой идеи заключается противоречие. Но он также не может быть и дурным. Веданта путем анализа открывает великую тайну, что добро и зло вовсе не существуют как отдельные самостоятельные сущности. Нет вещи в нашем мире, которую вы можете назвать безусловно хорошей, и нет вещи, которая только дурна. То же явление, которое сегодня кажется хорошим, завтра может оказаться дурным. Та вещь, которая причиняет горе одному, может быть причиной радости другого; огонь обжигающий ребенка, может сварить пищу голодному; нервы, приносящие ощущение боли, приносят и чувство удовольствия.

Остановить зло, поэтому, можно только одним способом, – останавливая также добро. Другого способа нет. Чтобы остановить смерть, мы должны остановить жизнь. Жизнь без смерти и счастье без несчастья заключают в самых своих определениях противоречие и не могут быть осуществимы, так как в каждом случае оба они проявления одной и той же вещи. То, что я считал хорошим вчера, я не считаю таким сегодня. Когда я оглянусь назад, на всю мою жизнь, и вспомню идеалы, которые у меня были в разное время, я нахожу то же самое. Одно время моим идеалом была езда на паре быстрых лошадей; теперь мне не надо этого. В другое время, когда я был ребенком, я думал, что буду совершенно счастлив, если выучусь готовить известное лакомство. Затем я думал, что было бы счастьем иметь жену и детей, и много денег. Над всем этим ребяческим вздором я теперь смеюсь. Веданта говорит, что настанет такое время, когда, оглянувшись назад, мы будем смеяться над нашими идеалами, заставляющими нас бояться потерять свою индивидуальность. Каждый хочет сохранить возможно дольше свое тело. Существует взгляд, что мы были бы очень счастливы, если бы могли сохранить его на бесконечное время; но наступит день, когда мы и над этим будем смеяться. Если таков порядок вещей, то мы попадаем в безнадежное противоречие, что нет ни существования, ни несуществования, но смешение обоих, ни счастья, ни несчастья, но то и другое вместе. Тогда, какая же польза от Веданты и всех прочих наших религий и философий? А прежде всего, какая польза делать добро? Этот вопрос неизбежно приходит на ум, и люди постоянно спрашивают: "Если таково положение вещей, что, как бы вы ни старались делать добро, зла остается столько же и, сколько бы вы ни старались распространять счастье, остаются те же громадные горы страдания, то какая польза делать что бы то ни было?" – Ответ на это, во-первых, тот, что раз единственный способ чувствовать себя счастливым заключается в труде для уменьшения страдания других, то вам и не остается ничего другого. К этому выводу раньше или позже приходит каждый. Образованный человек открывает это раньше, невежественный позже; глупому открытие это обходится дороже, умный заплатит за него меньше. Во-вторых, хотя мы знаем, что никогда не наступит время, когда вселенная будет полна счастья и в ней совсем не будет несчастья, тем не менее надо стараться содействовать этому. И хотя бы при этом несчастье и увеличилось, мы должны делать свое дело. Обе эти силы, счастье и несчастье, будут содействовать жизни вселенной, пока не наступит время, когда мы пробудимся от нашего сна и перестанем строить замки из песка, что мы теперь только и делаем. Это мы должны усвоить, и для этого нам потребуется много, много времени.

Веданта говорит, что Бесконечное видимо как конечное. В Германии на этом основании пытались построить философскую систему, и такие же попытки делаются даже теперь в Англии.

Основное положение всех этих философий, если их проанализировать, в том, что Бесконечное старается выразить себя в этой вселенной, и должно наступить время, когда оно, наконец, достигнет своей цели, т.е., все без остатка перейдет в проявленное, или другими словами, Бесконечное истощится, перейдя в конечное. Здесь, прекрасно использованы слова: бесконечное, проявленное, выражение; но человек, привыкший мыслить логически, может спросить, на каком же основании можно утверждать, что конечное может быть Бесконечным, например, единица двадцатью миллионами таких же единиц. Абсолютное и Бесконечное, став вселенной, должно быть ограничено, потому

что все постижимое чувствами, умом или рассудком должно по необходимости быть ограниченным; И выходит, что ограниченное равно неограниченному. Это явная бессмыслица, и потому невозможно.

Веданта же говорит: верно, что Абсолют или Бесконечное стремится выразить себя в конечном; но придет время, когда Он увидит, что это невозможно и пробьет отбой. Этот отбой и будет действительным началом религии. Отречение – порог религии. Для новейших людей трудно подумать об отречении. По словам американцев, я, говоря об отречении, похож, на человека из мира, который в течение последних пяти тысяч лет был мертв и похоронен. То же, быть может, скажут и английские философы. И тем не менее в жизни верен только один призыв: – Отрекись! Откажись! Напрягайте, как хотите, ваш ум, делайте всё возможное, чтобы найти другой способ разрешения этих противоречий, и все-таки вы их не разрешите, пока ваш ум не проснется от долгого и ужасного сна. Время это, наконец, наступит, ребенок бросит свои игрушки и начнет плакать, чтобы мать взяла его. Он найдет, что "желание не удовлетворяется исполнением его, но еще больше усиливается пламя, когда в него льют масло". Таковы все удовлетворения чувств и ума, все наслаждения, на которые способна человеческая душа. Все они ничего не стоят; они в *майе*, в тенетах, которые мы не в состоянии разорвать. Мы можем без конца бегать взад и вперед внутри их, не находя выхода и, борясь за крупицу наслаждения, будем всегда встречать массу подавляющего нас несчастья. Как ужасно такое положение вещей! Представляя его себе, я не могу не прийти к заключению, что теория *майи*, положение, что все в этом мире *майя* – дает лучшее и единственное объяснение жизни. Какая в ней масса бедствий! Разные нации и расы пытались устранить их разными средствами, но все встречали одни и те же затруднения, и ни одной не удалось достигнуть успеха. Если в одном месте зло доходило до минимума, в другом месте нагромождались еще большие его массы. Так продолжается и теперь. Индусы, чтобы хотя немного сократить разврат, ослабили своих детей слишком ранними браками, которые, практикуясь долгое время, привели расу к вырождению, хотя никто не станет отрицать, что браки в детском возрасте уменьшают в народе безнравственность. Итак, заботясь о нравственности нации, мы были вынуждены ослаблять силы населения этими ужасными детскими браками. Но разве европейцы застрахованы от этого? Нисколько. Чистота – это жизнь нации. Разве вы не видите из истории, что первый признак смерти народа – всегда безнравственность? Когда она появляется, конец нации близок. В чем же, наконец, разрешение вопроса? Если родители выбирают для своих детей мужа и жену, зло так называемой свободной любви сокращается, но в жизни молодых людей остается слишком мало поэзии. Дочери Индии, например, гораздо более практичны, чем сентиментальны. Но и выбор себе супруга самими юношами и девушками тоже не много приносит счастья обоим. В общем, индусские женщины, впрочем, очень счастливы; едва ли кто в Индии слышал о ссоре мужа с женой, тогда как в Соединенных Штатах, где свобода в этом отношении наибольшая, едва ли найдется одна счастливая семья. По крайней мере, число несчастных браков там так велико, что превосходит всякое описание. Да не меньше их и в Европе. Что же из этого следует? – Прежде всего то, что идеалы индивидуализма не приносят счастья. Все мы добиваемся его, но прежде, чем достигаем сколько-нибудь в одном отношении, нас постигают несчастья в другом. Стоит ли тогда делать добро? – О, да! И с большим усердием, чем когда этого не знали. Это знание уничтожит наш фанатизм. Англичанин не станет больше осыпать бранью индуса, говоря: "О,

этот проклятый индус, как он обращается со своими женщинами"... Он научится уважать разные обычаи чужих наций. Будет меньше фанатизма и больше духа. Фанатики не могут трудиться. Они утрачивают три четверти энергии. Работает тот, кого зовут уравновешенным, спокойным, практичным. Исступленные фанатики не много сделают. Способность работать увеличится вследствие понимания действительного положения вещей, так как при этом будет больше терпения. Вид несчастий и зла не выведет нас из равновесия и не заставит гоняться за призраками. Когда мы будем знать, что мир может идти вперед только таким путем, у нас явится терпение. Ведь допустим, например, что все люди стали добрыми, останутся еще животные, которые должны стать людьми и пройти через те же испытания, а за ними и растения. Мы знаем наверно, что мощная река течет к океану, и что плывущие в ней куски соломы и обломки разбитых судов, как бы ни стремились идти назад, в конце концов, – хотят они или нет, – все будут принесены в этот бесконечный океан. Также и в ! жизни, со всеми ее радостями и горестями, улыбками и слезами, верно одно, что она течет к океану бесконечности и вопрос только во времени, когда вы и я, растения и животные, и каждая частица где бы то ни было существующей жизни будем принесены в бесконечный океан Жизни, Свободы и Бога.

Позвольте мне еще раз сказать, – так как эта ошибка часто повторяется, – что положение Веданты не включает в себе ни оптимизма, ни пессимизма. Она не говорит, что весь этот мир – зло, но не говорит также что он весь – добро. Она утверждает, напротив, что наше зло не более важно, чем наше добро, и наше добро имеет не больше ценности, чем наше зло. Оба они части одного целого. Таков мир, и, зная его природу, мы должны терпеливо трудиться. Но вы спросите: зачем, для чего трудиться? Если таково действительное положение вещей, то что же мы можем сделать? Почему не сделаться агностиками? Новейший агностик ведь также находит, что разрешения вопроса нет, или, как мы говорим в Индии, нет выхода из-под этого покрывала Майи. Поэтому удовлетворимся тем, что есть, и будем наслаждаться жизнью. – Опять заблуждение, страшное и в высшей степени не логичное. Заблуждение в том, что ставящий так вопрос под окружающей нас жизнью, очевидно, понимает только чувственную жизнь. В этом даже лучшие из нас тогда мало чем отличаются от животных. Но я уверен, что между нами нет ни одного, чья жизнь только чувственная: для нас (присутствующих на лекции и читателей) она нечто значительно большее. Наши чувства и мысли – также части нашей жизни, и разве стремление к идеалу, к совершенствованию не наиболее важная составная часть целого? По мнению агностика, мы должны брать жизнь как она есть. Но она включает также наши личные радости и горести, наши идеалы и чувства, и прежде всего, неустанное искание идеала, стремление к совершенству, составляющее основу жизни. Агностик принимает за жизнь все существующее, минус этот последний элемент, и так как он пришел к заключению, что способ ее улучшения не может быть найден, то и отбросил все его поиски. Но мы должны быть свободны в этом отношении, и потому не можем быть агностиками и смотреть на мир их глазами.

Итак, *майя* Ведантиста это природа, вселенная. Все религии, от самой грубой до наиболее возвышенной, представляют собой попытки выйти из этой *майи*. Выражаются ли они в мифологии и символах, в историях богов и ангелов, демонов и домовых, святых и ясновидцев, великих людей или пророков, или в отвлеченностях философии, все они имеют одну цель, стремление вывести нас за пределы *майи*, открыть нам нечто, что выше нее. Одним словом, все они

стремятся к свободе. Сознательно или бессознательно, человек чувствует, себя связанным, что он – не то, чем хотел бы быть. Это приходит ему на ум, как только он начинает смотреть вокруг себя. Он сразу видит, что он в рабстве, что внутри его есть что-то, что хочет улететь туда, куда тело не может следовать за ним, но что приковано к низу окружающими его путями. Даже в самых низших религиозных системах, в которых умершие предки и другие духи, большей частью свирепые и жестокие, – стерегут дома своих друзей и очень любят кровопролития и крепкие напитки, – даже там мы находим это одно общее побуждение свободу. Человек, поклоняющийся богам, видит в них прежде всего большую свободу, чем в себе самом: если дверь заперта, это для богов ничего не значит; они проходят сквозь стены, физические преграды не представляют для них никаких препятствий. Эта идея свободы растет, пока не придет к понятию об Одном Личном Боге, неподчиненном ограничениям *майи*.

Теперь я как бы слышу голос, более значительный, чем мой, и чувствую, как будто мы слушаем обсуждение этого вопроса древними индусскими мудрецами в их лесных убежищах. При одном из таких обсуждений, когда даже самый старейший и святой не пришел к решению вопроса, вдруг встал юноша и заявил: "Слушайте дети бессмертия! Вы, живущие в высших сферах! Я нашел путь! Есть путь из этого мрака, и этот путь – достижение Того, Кто выше всякой темноты". В том же Упанишаде говорится, что мы окружены *майей* и что это ужасно, так как пробиться через нее невозможно. Если человек скажет: "Позвольте мне сесть на берегу этой реки и перейти ее в брод, когда вся вода выльется в океан", то он будет так же умен, как тот, кто говорит, что будет трудиться, пока мир станет хорошим, и тогда будет наслаждаться результатом своего труда. Ни то, ни другое не случится. Наш верный путь не с *майей*, но против *майи*. Это второе, что надо усвоить. Мы рождены не помощниками природе, но противниками ее. Мы хозяева цепей, а стараемся приковать ими себя. Природа говорит: Зачем этот дом? Я не дала тебе его: ступай, живи в лесу. А человек на это: нет, я построю дом и буду бороться с тобой, – и строит дом. Вся история человечества – история постоянной борьбы с так называемыми законами природы, и в конце концов побеждает человек. Обращаясь к внутреннему миру, мы видим, что и там происходит та же борьба. Между человеком-животным и духовным человеком, между светом и тьмой. И здесь человек выходит победителем. Он как бы пробивает себе дорогу из Природы к идее о Свободе.

Итак, мы понимаем теперь, что такое *майя*, и знаем, что философы Веданты нашли, что выше *майи* есть нечто несвязанное ей и что, если мы поднимемся туда, где находится это нечто, то и сами будем выше *майи*. Эта идея, общая всем религиям, и есть то, что называется Теизмом. Но в Веданте она представляет только начало религии, а не конец. Идея о личном Боге, Творце и Вседержителе вселенной, Правителе *майи* или природы, согласно идеям Вед, не конец, а только начало. Эта идея потом растет, пока Ведантист не находит, что Тот, кто стоял вне человека, был на самом деле Тот, что был в нем самом. Это Тот, Кто был свободен, но думал, что связан.

ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И КАЖУЩИЙСЯ

Велико доверие человека к своим чувственным, впечатлениям, и тем не менее, в жизни как отдельных людей, так и целых рас, наступает время, когда, – каким

бы действительно они ни считали тот мир, в котором живут, – у них невольно является вопрос: "Действительно ли все это существует? Даже к человеку, который не находит времени задавать себе подобные вопросы, каждая минута которого занята какими-либо удовольствиями, – даже к нему, – рано или поздно, приходит смерть, и он принужден бывает спросить: "Действительно ли все это было?" Религия начинается и кончается этим вопросом. Уже в отдаленной древности, у которой нет писаной истории, в таинственные сумерки мифологии, когда занималась тусклая заря цивилизации, мы находим тот же вопрос: "Что станет со всем этим? Что из него реально?"

Один из наиболее поэтических Упанишад, Катха Упанишад, начинается вопросом. "У нас спорят о том, что будет с человеком, когда он умирает. Одни утверждают, что он уничтожается навсегда, другие настаивают, что он продолжает жить. Кто из них прав?" Ответы давались разные. Вся область метафизики, философии и религии полна ответами на этот вопрос. Но были стремления и затушить его, подавить пылкость ума, спрашивающего: "Что же дальше? что реально?" Пока, однако, существует смерть, все эти попытки будут одинаково безуспешны. Мы можем толковать сколько угодно, что не находим дальше ничего, и утверждать, что все наши надежды и желания ограничиваются настоящим, можем усиленно стараться заключить себя в тесные рамки наших чувств, но хотя бы все извне помогало в этом и весь мир соединился, чтобы помешать нам перейти за пределы настоящего, вопрос – "Действительно ли смерть конец всего, за что мы держимся, как за самое реальное из всех реальностей, как за самое существенное из всех сущностей?" – будет возбуждаться вновь и вновь. В момент смерти мир уходит от нас и исчезает; и, подойдя к краю этой пропасти, за которой расстилается бесконечная зияющая бездна, каждый ум, как бы он ни был тверд, отшатнется и спросит: "Да действительно ли это так? Действительно ли надежды всей жизни, созданные мало-помалу энергией великих умов, исчезают в одну секунду? Неужели они не имели никакого основания?" На этот вопрос необходимо ответить. Время не ослабляет его значения, но скорее усиливает. Затем у всех нас существует стремление к счастью. Мы гонимся за всем, что может сделать нас счастливыми, и следуем за чувствами, безумно приводящими нас к внешнему миру. Молодой человек, пользующийся в жизни успехами, если вы спросите его, реален ли мир, ответит утвердительно, – он считает его вполне реальным; но он же через несколько лет, испытав, как счастье постоянно ускользало от него, скажет, что жизнь иллюзия. Он видел, что его желания неисполнимы, что куда бы он ни шел, везде наталкивается на несокрушимую стену, через которую не может перейти, что результатом каждой деятельности чувств является реакция. Все преходяще: наслаждение и страдание, роскошь и богатство, сила и слабость, даже сама жизнь, все одинаково мимолетно.

Человеку остается два положения. Одно – заявить вместе с нигилистами, что все – ничто, что мы ничего не знаем и ничего не можем знать ни о прошедшем, ни о будущем, ни даже о настоящем. Следует помнить, что тот, кто отрицает прошедшее и будущее и признает только настоящее, просто сумасшедший, так как одинаково логично отрицать существование отца и матери и признавать существование только ребенка. Отрицая прошедшее и будущее, необходимо отрицать и настоящее. – Это будет чистый нигилизм, но я никогда не видел человека, который хотя бы в течение одной минуты был последовательным нигилистом, болтать же можно все, что угодно. Другое положение состоит в искании объяснения, в стремлении найти среди этого вечно меняющегося и

исчезающего мира что-нибудь реальное, постоянное, неизменное. Есть ли что-нибудь подобное в нашем теле, этой совокупности материальных частиц? Это был вопрос, разрешение которого искали на протяжении всей истории человеческого ума. В истории древних времен мы находим проблески света, которые схватывали человеческие умы. Там мы видим людей, которые даже в то время выходили на шаг за пределы своего тела и нашли нечто, хотя и очень похожее на тело, но отличное от него, гораздо более цельное, более совершенное и остающееся даже тогда, когда тело разрушалось. В гимне Риг-Веды, обращенном к богу Огня при сжигании мертвых, мы читаем следующие слова: "О, Огонь, возьми его нежно в свои объятия; дай ему совершенное светлое тело и отнеси его туда, где обитают отцы, где нет больше горестей, где нет больше смерти". Эту самую идею вы встретите в каждой религии и с ней другую, в высшей степени замечательную. Во всех без исключения религиях, облечены ли их идеи в мифологию, или выражены ясным языком философии, или прекрасными образами поэзии, везде принимается, что человек в его настоящем состоянии представляет собой вырождение того, чем он был. Что человек теперь – вырождение прежде бывшего человека, это единственное ясное положение, вытекающее из всех Писаний и Мифологий. Оно составляет основную мысль истории грехопадения Адама в Еврейском Писании, и постоянно повторяется в священных книгах Индусов, в грезах о периоде, который они называют веком истины, когда ни один человек не умирал, если сам не хотел умереть, когда он сохранял свое тело столько, сколько хотел, и его ум всегда был тверд и ясен. В этом веке не было ни смерти, ни зла, ни бедности; настоящее же состояние – извращение того совершенного. Рядом с этим мы везде находим историю о потопе. Эта история уже одна указывает, что настоящие века считаются испорченными прежними. Мир все больше и больше развращался, пока потоп не смыл большую часть человечества, после чего опять началось его улучшение. Теперь мы медленно карабкаемся вверх, чтобы опять достигнуть прежнего состояния чистоты. Все вы знаете историю потопа, как он описан в Ветхом Завете. Та же история распространена у древних Вавилонян, Египтян, Китайцев и Индусов. Рассказывают, что древний мудрец Ману молился на берегу Ганга, когда к нему подплыл маленький пескарь, прося защиты. Ману посадил его в стоящий перед ним горшок с водой и спросил: "Чего ты хочешь?" Пескарь сказал, что он ищет убежища, так как его преследует большая рыба. Ману отнес его домой, но к следующему утру тот стал таким большим, что занял весь сосуд, и сказал Ману: "Я не могу больше жить в этом горшке". Хозяин поместил его в чан, но на следующий день и чан уже не вмещал его, и он объявил, что не может дольше оставаться в чане. Ману пустил его в реку: но к следующему утру рыба заполнила всю реку, и Ману пустил ее в океан. Тогда рыба заявила своему спасителю: "Ману, Я Создатель Мира и принял этот вид, чтобы прийти к тебе и предупредить, что намерен потопить мир. Ты должен построить ковчег и поместить в него свое семейство и по паре всякого рода животных. Из воды поднимется утес. Привяжи к нему ковчег и, когда вода спадет, спустись на землю и насели ее". Земля была опустошена потопом, но Ману спас свое семейство, по паре всякого рода животных и семена всяких растений, а когда наводнение прекратилось, сошел и населил землю, и мы все называемся "ман", потому что произошли от Ману.* Человеческий язык представляет собой стремление выразить во внешних символах находящуюся внутри нас истину. Ребенок, речь которого состоит из неопределенных и непонятных звуков, делает попытку, я в этом вполне уверен, – выразить в них самую высокую философию; только у ребенка нет ни органов, ни средств для выражения. Язык самого глубокого философа и выражения

ребенка различаются только в степени, а не в роде. То, что мы теперь смотрим, как на выражения в высшей степени логичные и математически правильные, отличается от мистического языка мифологии древних только в степени. Все одинаково заключают в себе великую идею, которая, так сказать, силится найти для себя выражение. В древней мифологии часто встречается настоящая суть истины, а за новейшими изящными и отделанными фразами, – приходится с грустью сказать, – часто нет ничего, кроме отъявленной бессмыслицы. Поэтому, мы не должны отбрасывать что бы то ни было только потому, что оно облечено в форму мифологии, и не сходится с понятиями какого-нибудь ученого новейшего времени.

* "Ман", санскритский корень – думать.

Если мы смеемся над религиями, потому что большинство из них требуют верить известным вещам на том основании, что это сказал такой-то пророк, то должны еще больше смеяться над новыми, так называемыми образованными людьми. В девятнадцатом веке, если человек цитирует Моисея, Будду или Христа, над ним смеются; но назовите тем же людям имя Гексли, Тиндаля или Дарвина, и все, что сказали последние, они проглотят "без соли". "Это сказал Гексли" – и для многих этого совершенно достаточно. Вот так свобода мысли! Древняя вера была религиозным суеверием, а новая – научное суеверие: но в первом и через первое мир получал великие духовные истины, а во втором и через второе – только разврат и алчность. В этом только между ними и разница.

Вернемся, однако, к мифологии. Во всех ее историях мы находим одну главную идею, что человек представляет собой вырождение того, чем он был. Новейшие исследования, по-видимому, решительно отвергают это. По мнению эволюционистов, человек развился из моллюска, и потому то, что говорит о нем мифология, не может быть верно. Но в Индии существует идея, могущая примирить эти мнения. Индийская мифология содержит в себе так называемую циклическую теорию, принимающую, что всякое совершенствование происходит в форме волны, что подъем и падения в нем чередуются: то, что было гребнем, в следующий момент становится впадиной и наоборот. Такое движение совершается в течение циклов. Даже исходя из посылок новейшего исследования, становится очевидным, что человек не может представлять собой только совершенствование. Всякая эволюция предполагает инволюцию. Всякий новейший ученый скажет нам, что из машины вы можете получить только такое количество энергии, какое раньше вложили в нее, что ничто не может быть произведено из ничего. Следовательно, если человек, – совершенный человек, человек-Будда, человек-Христос, – только эволюция моллюска, то моллюск – инволюция Будды. Если это не так, то откуда же произошли эти великие личности? Что-нибудь не может произойти из ничего. Таким образом, мы примиряем писания с новой наукой. Та энергия, которая медленно проявляется, проходя через фазы развития, пока не станет совершенным человеком, не может произойти из ничего. Она должна существовать где-то раньше, и, если моллюск, или протоплазма, есть самый отправной пункт, до которого вы можете проследить эту энергию, тогда эта протоплазма, так или иначе, должна заключать в себе все дальнейшие возможности. В настоящее время много спорят, составляет ли совокупность материальных частиц, которую мы называем телом, причину появления силы, называемой душой или мыслью, или тело – проявление последних. Все

религии мира учат, что тело – проявление силы мысли, а не наоборот. Но новые школы считают, что то, что мы называем мыслью, просто результат действия частей машины, называемой телом. Принимая на время положение, что душа или мысль, или как бы вы ее ни называли, – произведение машины, результат физических и химических соединений материи, составляющей тело. У нас все еще останется вопрос, на который надо ответить: Что же тогда производит тело? Какая сила соединяет все его частицы в данной форме? Что это за сила, могущая брать материю из всей массы ее и придавать ей одну форму для моего тела, другую для другого тела и т.д.? Что производит все это бесконечное разнообразие? Сказать, что сила, называемая душой – только результат особого соединения частиц материи, называемого телом, значит ничего не сказать. Как это соединение произошло? Где была сила, которая его произвела? Если вы предположите существование еще какой-нибудь другой силы, как причины этих соединений, и скажете, что душа, которая проявляется только в соединении с известной массой материи сама результат соединения, – это не ответ. Принимать теорию следует только ту, которая объясняет, если не все, то большую часть фактов и не противоречит другим известным фактам. Более логично принять, что сила, вторая берет материю и образует из нее тело, та самая, которая проявляется через это тело. Говорить, что мысли, проявляющиеся через тело, результат расположения его молекул и вовсе не имеют независимого существования – бессмыслица. Никакая сила, развиваемая материей, не может быть силой мысли. Скорее можно доказать, что не существует то, что мы называем материей, так как оно – только некоторое состояние силы. Можно сказать, что твердость, плотность и другие его свойства суть результаты движения. Масса воздуха, движущаяся с достаточно большой скоростью, оказывается более плотной, чем стол. Неосязаемая атмосфера, движимая со скоростью урагана, скручивает и ломает стальной прут: такую видимую твердость дает ей простое движение. Таким образом, понятно, что неприметный и нематериальный эфир, получивший вихревое движение, может принять полное сходство с самой материей. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, легко доказать, что то, что мы называем материей, в действительности не существует; противоположное же не может быть доказано. Но что же тогда эта сила, которая проявляется в теле? – Всем нам ясно, что, чем бы она ни была, она берет частицы материи и образует из них такие формы, как человеческое тело. Никто другой не является здесь, чтобы создавать тела для вас или для меня. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь за меня ел. Я должен сам принимать и усваивать пищу и вырабатывать из нее тело, кровь, кости. Что же это за таинственная сила, действующая в нас? Идеи о прошлом и будущем, по-видимому, пугают человека. Многим они кажутся пустыми теоретическими рассуждениями. Возьмем поэтому настоящее. Что такое та сила, которая действует в нас теперь? Мы видели, что во всех писаниях древности на источник этой силы смотрели как на светлое существо, имеющее тело, похожее на материальное, но продолжающее существовать даже после разрушения последнего. Позже, однако, выступает на сцену более высокая идея, – что такое тело не может представлять чистой силы. Все, что имеет форму, должно быть само результатом соединения частиц и требует чего-то другого за собой, что приводило бы его в движение. Таким образом, это светлое тело, требуя, для того, чтобы существовать, чего-то, что не есть оно само, должно требовать и для своей деятельности чего-то другого. Это нечто, называемое душой, или по-санскритски, Атман, посредством внутреннего светлого тела, действует на наружное грубое. Светлое тело принимается за вместилище ума, Атман же

выше этого тела, но и не ум: он направляет ум и через него тело. У вас один Атман, у меня другой, и каждый из нас имеет отдельного Атмана и отдельное тонкое тело, через которое мы и действуем на внешнее тело. Что же такое Атман, эта душа человека, которая не тело и не ум, и какова его природа? Об этом было много споров, послуживших к возникновению разных философских школ. Я попробую изложить вам некоторые заключения, к которым они пришли относительно Атмана. Все различные философии согласны в том, что Атман, чем бы он ни был, не имеет ни формы, ни границ, и потому должен быть всюду присутствующим. Время и пространство получают начало в уме. Закон причинности не может существовать без времени. Без идеи о последовательности не может быть идеи о причинности. Поэтому время, пространство и причинность находятся в уме, а так как Атман выше ума и бесформен, то он должен быть также вне времени, пространства и причинности. Если же он вне времени, пространства и причинности, то он должен быть бесконечен. Затем следует самое высшее умозрение нашей философии. Бесконечных не может быть два. Если душа бесконечна, то она должна быть только одна, и идея о разных душах, – т.е., что вы имеете одну, я – другую и т.д., – невозможна. Действительный (реальный) человек, поэтому, есть бесконечный, всюду присутствующий дух, и при том он только один; кажущиеся же люди только сокращенные отражения этого одного действительного человека. И так, все мифологии верны в том смысле, что видимый человек, как бы он ни был велик, только тусклое отражение действительного человека, который за ним. Действительный человек, дух, будучи выше как причины, так и следствия, и не связанный временем и пространством, должен быть свободен. Он никогда и ни чем не был и не может быть связан. Только кажущийся человек, отражение действительного, ограничен временем, пространством и причинностью, и потому не свободен; или, по выражению некоторых наших философов, кажется не свободным, но на самом деле свободен. Таково действительное состояние наших душ, – вездесущие, духовная природа и бесконечность, которыми мы уже обладаем. Всякая душа бесконечна, и потому не может быть речи о ее рождении или смерти.

На одном экзамене экзаменатор, задавая детям разные вопросы, между прочим спросил: "Почему земля не падает?" Большинство детей молчало, некоторые отвечали, что она не падает вследствие притяжения, но одна шустрая девочка ответила вопросом: "Да куда же она могла бы упасть"? И в самом деле, вопрос учителя не имел смысла, – куда бы земля могла упасть? ей некуда ни подниматься, ни падать, так как в бесконечном пространстве нет ни верха, ни низа; они существуют только относительно. Где может быть место, откуда бы приходило и куда уходило бы бесконечное? Когда человек перестает думать о прошлом и о том, что его ожидает в будущем, когда он отбросит всякую мысль о теле, потому что тело, будучи ограничено, приходит и уходит, – тогда он поднялся до высшего идеала. Действительный человек не тело и не ум, так как даже последний растет и убывает, – но дух, который выше их и один живет вечно. Тело и ум только названия рядов сменяющихся друг друга явлений, реки, в которых всякая частица воды постоянно течет вперед, хотя на каждую находящуюся перед нами совокупность этих частиц мы смотрим как на ту же самую реку. Всякая частица нашего тела постоянно меняется: ни одно тело не остается тем же самым в течение нескольких минут; но сплошной ряд впечатлений, оставляемых им в уме, заставляет нас смотреть на него, как на то же самое. То же справедливо и относительно ума: в один момент он чувствует

себя счастливым, в другой несчастным; в один момент сильным, в другой – слабым. Это вечно меняющийся водоворот. Он не может быть духом, потому что тот бесконечен: изменение же может быть только в ограниченном. Сказать, что бесконечное изменяется, – бессмыслица. Вы и я, как тела, можем двигаться, и каждая частица в этой вселенной находится в состоянии постоянного движения; но вся вселенная в совокупности, как одно целое, не может ни двигаться, ни изменяться. Движение всегда относительно. Я двигаюсь относительно этого стола, или какого-либо другого предмета; всякая частица вселенной может переменять место относительно других частиц; но вся вселенная, как одно целое, относительно чего она может двигаться? Ведь кроме нее нет ничего. Таким образом, бесконечное-единое неизменяемо, недвижимо, абсолютно и одно реально. Наша реальность, поэтому, состоит в Абсолютном, а не в ограниченном. Думать, что мы маленькие, ограниченные, постоянно изменяющиеся существа, значит повторять старое заблуждение, как бы это ни казалось удобным. Вы действуете во всех вещах, двигаетесь всеми ногами, говорите всеми устами, живете во всех сердцах: вы – Всеведущее, всюду присутствующее Существо. Слыша это, люди пугаются: они все повторяют, что не должны терять свою индивидуальность. Но я хотел бы знать, что такое человеческая индивидуальность. – У ребенка нет усов; с возрастом у него появляются усы и борода. Если его индивидуальность в теле, она теперь потеряна. Если я лишаюсь глаза или руки, моя индивидуальность, если она в теле нарушена. Пьяница не должен бросать пьянство, чтобы не утратить своей индивидуальности. Из боязни этого никто не смеет изменять своих привычек. Но позвольте сказать вам, что никакой индивидуальности нет ни в чем, кроме Бесконечного. Это единственное состояние, которое не меняется; все остальное изменяется постоянно.

Наша индивидуальность не может заключаться и в памяти. Представьте себе, что я получил удар по голове и забыл мое прошлое. Что же? потерял я мою индивидуальность? уничтожился? Я не помню два или три года моего детства, и, если память и существование одно и то же, значит все забытое не существовало, – ту часть моей жизни, которую я не помню, я не прожил. Это очень странное понятие об индивидуальности. В действительности, мы еще не индивидуумы. Мы только стремимся к индивидуальности, к истинной природе человека, к Бесконечности. Живет только тот, чья вселенная; и чем больше мы сосредоточиваем нашу жизнь на таких ограниченных предметах, как наше тело, тем мы ближе к смерти. Мы действительно живем только в те моменты, когда наша жизнь в других, во вселенной; то же время, когда мы сосредоточиваемся на этой маленькой жизни, это смерть, настоящая смерть. Вот почему является и страх смерти. Страх этот может быть побежден только тогда, когда человек ясно видит, что пока во вселенной есть хоть одна жизнь, живет и он сам. "Я во всем, в каждом теле. Я во всем живущем. Я вселенная, вся она – мое тело. Как я могу умереть, пока остается хотя одна частица ее? Кто говорит, что я умру? Ты Он! О, моя душа, ты – Он!" Тогда человек утрачивает страх смерти, становится бессмертным. Смешно говорить о бессмертии ничтожных постоянно изменяющихся вещей. Один санскритский философ говорит: Только дух индивидуален, потому что только он бесконечен: бесконечное не может быть разделено, не может быть раздроблено на части. Он остается вечно тем же неделимым, индивидуальным человеком, действительным человеком. Кажущийся человек только стремление выразить, проявить индивидуальность, которая выше его, и развитие человека не касается его духа. Те изменения, которые происходят перед нами, когда злой становится добрым, или когда, –

как любите вы утверждать, – животное становится человеком, происходят не в духе. Представьте, что между вами и мной стоит экран, заслоняющий вас от меня, и в этом экране маленькое отверстие, через которое я могу видеть некоторых из вас, сидящих против меня. Предположите затем, что это отверстие становится все больше и больше. По мере того, как оно увеличивается, сцена передо мной раскрывается, а, когда отверстие сравняется по величине с экраном, я буду видеть всех вас. В этом случае вы несколько не изменились, остались теми же, чем были и раньше. Расширилось отверстие, и вы проявились. Тоже происходит и с духом. Вы уже свободны и совершенны, только в настоящем цельном виде остаетесь скрытыми от глаз, и видна лишь ничтожная частица целого.

Что такое эти идеи о религии и Боге и поиски будущего? Почему человек старается искать Бога? Почему у всех народов, во всех состояниях общества человек ищет где-то совершенный идеал, в человеке, в Боге, или в чем-либо другом? – Потому что эта идея внутри нас. Это бьется ваше собственное сердце, только вы не знаете этого и принимаете за что-то постороннее. Это Бог внутри вас побуждает вас искать Его, воочию познать Его. После долгих поисков здесь и там, в храмах и церквях, на земле, на небе и во всех направлениях, мы возвращаемся, наконец, назад, заканчивая круг в точке, от которой отправились, назад к нашей собственной душе, и находим, что Тот, Кого искали по всему свету, к Кому обращались с молитвами и слезами в храмах и церквях, на Кого смотрели как на тайну всех тайн, скрытую за облаками, что Он был ближе всего к нам, что это наше собственное Я, сущность нашей собственной жизни, наше тело и наша душа. Я – Ты и Ты – я! Такова ваша собственная природа. Удостоверьтесь в ней, проявите ее. Вы не сделали чистыми; вы уже были чисты. Вам нет надобности совершенствоваться; вы совершенны уже теперь. Вся природа похожа на экран, закрывавший собой действительность. Всякая ваша хорошая мысль, всякое ваше доброе дело – это как бы разрывание покрывала, чтобы могли обнаружиться за ним Бесконечность, Бог. В этом вся история человека. Чем тоньше становится покрывало, тем сильнее видимый за ним свет будет сиять своей собственной сущностью, потому что сиять – в его природе. Его нельзя знать, и мы напрасно стремимся узнать его разумом. То, что познаваемо, не может быть тем, что оно есть, так как оно вечный субъект. Знание ограничено. Знать – значит объективировать; Он же вечный субъект. Он – всегда присутствует во вселенной. Он – ваше Я. Как можем мы знать то, что мы уже есть? Каждый человек есть Тот и стремится выразить Его различными способами. Почему так много кодексов этики? В чем объяснение систем нравственности? Во всех них основная идея одна, только выраженная в разных формах. Идея эта – желание делать добро другим. Самый высший руководящий человечеством мотив есть милосердие ко всем людям, ко всем животным. Но оно, во всех его различных формах, не есть ли выражение вечной истины: "Я – это вселенная; вся эта вселенная – одно". Если нет, тогда в чем же мы должны искать основание милосердия? Почему я должен стараться делать добро ближним? Что меня побуждает к этому? – Интуитивное сознание тождественности всего, симпатия ко всему. Самое черствое сердце чувствует иногда свое единство с остальными существами. Даже человек, который приходит в ужас, когда ему говорят, что так называемая индивидуальность заблуждение, что недостойно цепляться за эту призрачную индивидуальность, даже этот человек скажет вам, что в совершенном самоотречении основание всей нравственности. Но что такое совершенное

самоотречение? Самоотречение значит отречение от призрачного "я", от всякого эгоизма. Идея об "я" и "мое" – аханкара и Мама результат прошлого суеверия, и чем больше это настоящее "я" удаляется, тем более проявляется в своем полном блеске Действительное Я. Самоотречение это центр, основание, суть всякого нравственного учения, и, – знает ли об этом человек или нет, – весь мир медленно приближается к нему, более или менее осуществляя его. Только большинство человечества делает это бессознательно. Пусть же оно поступает сознательно, пусть приносит в жертву свое "я", зная, что оно не настоящее Я, а только уменьшенное его отражение. Теперешний человек представляет собой только один проблеск той бесконечной реальности, которая за ним, одну искру того бесконечного огня, который есть Все; истинная же его природа – сама Бесконечность.

Какая, однако, польза, следствие, результат такого знания? В нынешнее время мы все вообще измеряем пользой, проще говоря, числом фунтов, шиллингов и пенсов. Но по какому праву кто бы то ни было может требовать, чтобы истина оценивалась на деньги или выгоды? Предположите, что пользы нет, разве истина от этого уменьшится? Полезность не доказательство истины, и тем не менее в этом знании заключается громадная польза. Каждый добивается счастья, но большинство ищет его в вещах преходящих и нереальных. Еще никто никогда не находил счастья в чувствах, или чувственных наслаждениях; счастье может быть найдено в духе. Следовательно, самая высшая польза человечества состоит в том, чтобы найти духовное счастье. Следующее, что необходимо помнить, это что незнание – мать всех несчастий, и что думать, будто Бесконечное может жаловаться и плакать, что Оно конечно – высшая степень невежества. Верх невежества состоит в том, что бессмертный, вечно чистый дух считает себя маленьким умом, маленьким телом. Оно причина всякого эгоизма. Как только я смотрю на себя, как на маленькое тело, хочу сохранить его, помогать ему, содержать его в довольстве даже на счет других тел, я тотчас становлюсь отдельным от других, а как скоро является идея об отдельности, она открывает дверь злодеяниям и ведет ко всяким несчастьям. Польза в том, что если хотя бы маленькая часть человеческих существ отбросит сегодня свой эгоизм, свою узость и ничтожность, эта земля завтра станет раем. Машинами же и улучшениями, зависящими от материального знания, такой результат никогда достигнут не будет; они только увеличат несчастья, как масло, подлитое в огонь, усиливает пламя. Без знания духа материальное знание только прибавляет огонь, давая в руки эгоистов лишнее орудие забирать себе то, что принадлежит другим, делая их более способными жить на счет жизни других, вместо того, чтобы отдавать им свою жизнь.

Другой вопрос, практично ли это? Может ли оно быть осуществлено в современном обществе? Но, позвольте сказать, – Истина не обязана преклоняться перед каким бы то ни было обществом, древним или новым. Общество должно преклониться перед истиной, или умереть. Всякие сообщества и всякие существа имеют в основе истину, и истина не должна приспособляться к ним. Если такая высокая истина, как бескорыстие, не может осуществляться в обществе, то лучше бросить это общество и идти в лес. Этим человек проявит свое мужество. Есть два рода мужества. Первый состоит в том, чтобы бросаться на пушечное жерло. В этом отношении, тигр и волк смелее человека. Но есть другой род смелости, духовный. Царь-завоеватель совершает нашествие на Индию. Его учитель просит его найти несколько индийских мудрецов. После долгих поисков, он находит очень старого

человека, сидящего на камне. Царь поговорил с ним немного, остался очень доволен его рассуждениями и попросил его идти с ним в его страну. – "Меня совершенно удовлетворяет этот лес". – "Я царь всего мира. Я дам тебе деньги, почести, богатство". – "Меня не интересуют эти вещи". – "Но, – сказал царь, если ты не пойдешь, я велю убить тебя". Старик расхохотался. "Вот самая глупая фраза, когда-либо тобой сказанная. Ты не можешь меня убить. Меня не может иссушить солнце, ни огонь сжечь и никакое оружие убить, так как я не рожденный, бессмертный, всемогущий, вездесущий, вечно живущий дух". Во время восстания 1857 года был один Свами Садху, великая душа. Солдат-магометанин нанес ему смертельную рану. Солдата схватили мятежники, привели к Садху и предложили убить его. Но монах повернулся к нему, сказав: "Брат, ты – Он", и испустил дух. Это тоже мужество. Зачем толковать о вашей физической силе и указывать на ваши западные учреждения, если вы не можете согласовать ваше общество с истиной, устроить его так, чтоб в нем нашлось место для высочайшей истины? Что такое ваши хвастливые толки о вашей силе и величии, если ваше первое и последнее слово об истине – "Это не практично". Разве практичны только фунты, шиллинги и пенсы? Если так, то почему вы хвастаете вашим общественным устройством? То общество самое великое, в котором самые высшие истины оказываются наиболее практичными. И если общество еще не приспособлено к осуществлению в нем высших истин, сделайте его таким. Сделайте его таким, если можете, и чем скорее, тем лучше. Воспряньте духом, осмелитесь верить в истину, осуществлять истину! Мир нуждается в нескольких сотнях смелых мужчин и женщин. Конечно, истинно мужественным быть очень трудно, в животной же храбрости тигр и волк, одаренные ей от природы, – вам не уступят, а крошечный муравей далеко превзойдет вас. Но к чему говорить без конца об этой физической храбрости. Проявляйте храбрость человека, который радостно встречает смерть, утверждает, что он дух и что во всей вселенной нет руки, которая могла бы убить, нет грома, могущего поразить, нет огня, могущего сжечь его: храбрость того человека, который смеет знать истину и осуществлять ее в жизни. Это свободный человек, истинная душа. И такое бесстрашие можно проявлять и в нынешнем, и в каком угодно обществе.

"Атмана надо сначала слушать, потом думать о нем и, наконец, созерцать его".

Современное общество очень склонно слишком много говорить о труде и порицать всякую мысль. Труд – вещь очень хорошая, но он не больше как результат мысли. Слабое проявление энергии, начавшееся в мысли, вытекает через мускулы, и это называется работой. Где нет мысли, там не будет и работы. Поэтому, наполняйте мозг высокими мыслями, высшими идеалами и имейте их перед собой день и ночь. Это принесет, в результате, огромную работу. Не говорите о вашей греховности, но говорите вашему уму, что вы чисты. Мы гипнотизировали себя мыслью о своём ничтожестве и о том, что рождены и должны умереть: и потому живем в постоянном страхе.

Одна беременная львица, отправляясь на добычу, увидела стадо овец. Она бросилась на него, и это усилие стоило ей жизни. Родившийся при этом львенок остался без матери. Овцы взяли его на свое попечение и выкормили его. Он вырос среди них, питался, как они, травой, блеял, как они, и хотя сделался взрослым львом, но по своим стремлениям и потребностям, а также по уму был совершенной овцой. Прошло некоторое время, и вот другой лев подошел к стаду, и каково же было его удивление, когда он увидел собрата-

льва, подобно овцам, убегающего при приближении опасности. Он хотел подойти к нему но, как только немного приблизился, овцы убежали, а с ними и лев-овца. Второй лев стал следить за ним и однажды, увидев его спящим, прыгнул на него и сказал: "Проснись! Ведь ты лев." – "Нет!" – заблеял тот в страхе, – "я овца". Даже когда ему сказали, что он лев, он не поверил и продолжал блеять. Тогда пришедший лев потащил его к озеру и сказал: "Смотри! Вот наши отражения, мое и твое". Овца-лев взглянул прежде на льва, потом на свое отражение в воде, и в тот же момент у него явилась мысль, что он сам лев. Он перестал блеять, и раздалось его рыкание. Вот и я говорю вам: вы львы, а не овцы. Вы души чистые, бесконечные, совершенные. Могущество всей вселенной в вас. "Зачем ты плачешь, мой друг? Для тебя нет ни рождения, ни смерти. Зачем ты плачешь? Для тебя нет ни болезней, ни страданий. Ты подобен бесконечному небу; по нему могут пробегать разноцветные облака, поиграют немного и исчезнут, но оно всегда то же, вечно голубое". Применим эти слова к себе. Почему мы видим зло? – В лесу стоял пень. Ночью проходил вор и сказал: "Это полицейский". Пришел туда же юноша, чтобы встретить свою возлюбленную, и подумал, что это она; пришел и ребенок, наслушавшийся историй о привидениях, и начал плакать и кричать, что это привидение. А все время это был только пень! Мы видим мир таким, каковы мы сами; то, что у нас внутри, мы видим вне нас. Положите на стол мешок с золотом и оставьте там ребенка. Если придет вор и возьмет золото, будет ли знать ребенок, что оно украдено? – У ребенка нет внутри вора, и он не увидит вора и вне себя. Не говорите о порочности мира чего грехах. Плачьте, что вы сами все еще принуждены видеть порочность. Плачьте, что вы не можете не видеть везде греха, и если хотите помочь миру, не осуждайте его. Не ослабляйте его еще больше. Что такое грех и что такое несчастье, как не результаты слабости? Людей с детства учат, что они грешны и слабы. Мир постоянно ослаблялся такими мыслями. Учите же его, напротив, что, даже самые слабые в проявлении, все прекрасны, что все они дети бессмертия. Пусть положительная, сильная, целебная мысль с самого детства входит в их умы. Отбросьте ослабляющую, парализующую мысль. Будьте сами открыты для великих мыслей. Говорите вашему собственному уму: "Я – Он! Я – Он!" Пусть это день и ночь звучит в вашем уме, подобно песне, и даже на пороге смерти твердите: "Я – Он!" В вас сосредоточены бесконечные силы мира. – Это истина. Гоните суеверие, до сих пор омрачавшее ваш ум. Будьте смелы. Знайте истину и осуществляйте ее. Цель может быть далека, но проснитесь! Воспряньте! Боритесь и не останавливайтесь до тех пор, пока не достигнете цели

ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И КАЖУЩИЙСЯ (II)

С тех пор, как человек начал думать, он постоянно устремляет свой взор вперед, стремится заглянуть в будущее. Он хочет знать, куда он идет, где очутится после того, как его тело разрушится. Предлагались разные теории, системы и объяснения, и все они, одна за другой, были отвергнуты, и это будет продолжаться всегда, пока существует человек, пока он думает. В каждой из этих систем есть доля истины, и во всех них масса неверного. Я постараюсь изложить вам сущность результатов исследований, которые были сделаны в этом отношении в Индии: попытаюсь согласовать различные мнения по этому предмету, возникавшие от времени до времени у Индийских философов, попробую объединить результаты, добытые как психологами, так и

метафизиками, а если окажется возможным, то и те, к которым пришли новейшие ученые мыслители.

Задача всей философии Веданты заключалась в отыскании единства. Индусский ум не заботится о частностях, он всегда ищет общего, больше того – всеобщего. "Что есть то, зная что, становится известным все остальное"? Это наш единственный вопрос. Все наши усилия направлены к отысканию того, знание чего делает для нас понятной всю вселенную, подобно тому, как знание состава одного комка глины дает понятие о составе всего, сделанного из глины. К этому направлены все наши поиски.

По мнению мыслителей – ведантистов, вся вселенная состоит из одного вещества, которое они называют *Акаша*. Все нас окружающее, все что мы воспринимаем зрением, обонянием, осязанием, или вкусом, все это только дифференцированное проявление этой *Акаши*, тонкой и всепроникающей первичной материи. Все, что мы описываем как твердое, жидкое, или газообразное, все формы, образы, тела, – земля, солнце, луна, звезды, – все состоит из этой Акаши.

Под чьим же воздействием на Акашу из нее образовалась вселенная? Рядом с Акашей существует всеобъемлющая сила. Все, что во вселенной обнаруживается как сила, – притяжение, отталкивание и даже мысль, только проявления этой одной силы, называемой индусами *Праной*. Прана, действуя на Акашу, создает вселенную. В начале цикла Прана как бы спит в бесконечном океане Акаши; она существует, но бездеятельна. Затем, под ее воздействием, океан Акаши приходит в движение, и из него выделяются все небесные системы: группы солнц, лун и звезд, и земля с ее человеческими существами, животными и растениями. Таким образом, согласно мыслителям-ведантистам, все проявления силы состоят из *Праны*, материя же во всех ее формах – сгущенная *Акаша*. Когда цикл кончается, все, что мы называем твердым, переходит в следующую, более тонкую форму, в жидкость, жидкости превращаются в газы, газы – в еще более тонкие и простые состояния, и так далее, пока все не обратится опять в первоначальную Акашу, а все, называемое движением, притяжением и отталкиванием, не перейдет постепенно в первичную Прану. После этого, в течение некоторого долгого периода, Прана спит, а затем опять просыпается, производит всевозможные формы и, когда новый цикл приходит к концу, все опять успокаивается. Таким образом, процесс творения представляет как бы ряд волн, или, по выражению современной науки, бывает статическим в течение одного периода и динамическим – в течение другого. Одно время он остается потенциальным, другое становится активным. Это чередование продолжается вечно. Сказанное до сих пор известно и новейшей науке, и дальше этого физические исследования идти не могут. Но это не все; исследование на этом остановиться не могло. Пока вся вселенная сведена к двум составным элементам, к материи и энергии, или к тому, что древние философы в Индии называли Акаша и Прана, но мы не нашли еще то Одно, что дает знание всего остального. Следующий шаг должен был заключаться в отыскании начала в обеих. И дальнейшее исследование привело к заключению, что эти два элемента произведены еще более высшей сущностью, которую называли мыслью, космическим "Махатом". Мысль – это всюду распространенное проявление существования, более тонкое, чем Акаша и Прана, на которые она кажется разделенной. Вначале существовала мировая мысль, затем она проявилась,

изменилась и развернулась в две – Акашу и Прану, сочетаниями которых и произведена вся вселенная.

Теперь мы перейдем к психологии. Когда я смотрю на вас, ощущение видения передается мне глазами и от них переносится чувствующими нервами мозга. Но внешние глаза не органы зрения, они только внешние орудия. Если действительный орган, находящийся в мозгу и получающий там ощущение, разрушен, то, хотя у меня и есть два глаза, я не буду видеть. Ваше изображение на сетине моих глаз может быть безукоризненно, а я все-таки вас не увижу. Поэтому орган не то, что орудия, или глаза, а должен находиться за ними. То же следует сказать и о всех других ощущениях. Нос не орган обоняния, а только орудие, орган же позади него, в мозгу. Для каждого чувства мы имеем, во-первых, орудие, внешнюю часть физического тела, а позади него, в том же теле, орган. Но и этого не достаточно. Предположим, что я говорю вам и вы слушаете меня очень внимательно. В это время раздается звон колокольчика, но вы его не слышите. Что при этом произошло? Колебания воздуха достигли вашего уха, произвели сотрясение вашей барабанной перепонки, и впечатление передано слуховым нервом в мозг. Почему же вы не слышали звона? Если весь процесс, включая и передачу впечатления мозгу, закончен, почему вы не слышали? – Потому, что чего-то еще не доставало. Прежде всего, ваш ум не был соединен с органом, а если ум разобщен с органом, то, какие бы новости орган не принес ему, он их не получит. Ум может получить известие только тогда, когда сообщен с органом. Но и это еще не все. Орудия могут принести ощущение, органы могут получить его, ум может быть сообщен с органом, и все-таки восприятие не будет полным. Необходим еще один фактор; нужна реакция в уме, при которой только и является знание. То, что находится вне меня, как бы посылает в мой мозг сведения о текущих событиях; там их получает ум и представляет интеллекту, который относит их к соответственным группам раньше полученных впечатлений и посылает назад ряд реакций, с которыми и наступает восприятие. Здесь, таким образом, уже проявляется воля. Состояние ума, при котором происходит реакция, называется "Буддхи" или интеллект.* Но и здесь еще не конец. Остается еще одна ступень. Представим себе, что мы имеем камеру и перед ней экран, и я хочу отбросить на этот экран какое-нибудь изображение. Что я должен сделать? – Я должен направить через камеру лучи света так, чтобы они упали на экран и были там собраны в группы. Очевидно, экран, на котором предполагается получить картину, должен быть неподвижен, потому что лучи, которые я направляю, должны сойтись на нем группами, расположенными в требуемом, строго определенном порядке, что будет невозможно, если экран движется. То же требуется и в случае ощущения, которое наши органы, получая внутри нас, передают уму, и которое ум, в свою очередь, представляет интеллекту. Процесс не может быть закончен, если нет чего-нибудь постоянного, какой-нибудь, так сказать, поверхности, на которой могла бы образоваться картина, чего-нибудь, на чем могли бы соединиться все различные впечатления. Что же объединяет изменяющееся целое, представляющее собой наше существо? Что сохраняет единство этого с каждым часом меняющегося движения? На чем все наши различные впечатления собираются, устанавливаются и образуют объединенное целое? – Мы пришли к заключению, что это должно быть нечто неподвижное относительно тела и ума, некий индивидуум, в котором приносимые умом и интеллектом ощущения помещаются, группируются и образуют одно целое. Это нечто, этот индивидуум называется душой человека. Итак, мы видим в

человеке тело и ум, и позади ума нашли душу. Во вселенной позади Акаши и Праны видели Мировой Ум, а за ним есть также Мировая Душа, называемая Богом. Эта Мировая Душа по разворачивании становится всемирным разумом, который затем разворачивается в Прану и Акашу. Происходит ли то же и у отдельного человека? Создает ли и у него душа – ум, а ум тело? Другими словами, составляют ли его тело, ум и душа три разные сущности, или они только различные состояния одного и того же единого существа? Первый шаг к разрешению этого вопроса уже нами сделан. Мы знаем, что у человека есть внешнее тело и позади него: органы, ум, интеллект и душа. Для начала допустим, что душа нечто отдельное от тела и даже от ума. Относительно этого, мнения религиозного мира делятся: учения, известные под общим названием дуалистических, принимают, что находящаяся позади интеллекта душа качественна, обладает разными изменяющимися свойствами, и что чувства наслаждения, удовольствия и страдания принадлежат ей; не-дуалисты, напротив, не признают за душой никаких свойств, говорят, что она бескачественна.

* Чтобы яснее понять разницу между тем, что Свами называет "умом" (манас) и интеллектом (буддхи), будет полезно пояснение, которое дает философия Санкхья. В пруд падает камень. Удар камня приводит воду в состояние сильного колебания, которое распространяется в глубину и затем отражается назад, вверх, в форме отчетливых кругов. Представим себе, что пруд состоит из *читты*, или материи ума. Эта читта, приведенная, подобно воде при ударе камнем, в состояние грубого колебания, соответствует *манасу*, или уму; более же глубокое и тонкое состояние читты, в которое колебание проникло, но где реакция еще не наступила и присутствует только потенциально, называется *буддхи*, или интеллектом. Реакция в воде обнаруживается рябью или определенной формы кругами, в умственной же материи восприятием. Приведенное здесь объяснение принадлежит Капилле, автору философии Санкхья, которая предшествовала буддизму. Все последующие Индусские мыслители приняли его за основное положение совершенно так, как Западная наука принимает принципы Ньютона. – *Сарадананда*.

Я рассмотрю сначала учение дуалистов и попытаюсь представить вам их взгляд на душу и ее судьбу, затем – противоположную систему, и, наконец, постараюсь найти ту гармонию, к которой нас приводит не-дуализм. Первые говорят, что так как душа отлична от ума и тела и не состоит из акаши и праны, то она должна быть бессмертна. Но почему должна? Что мы понимаем под смертью? Под смертью мы понимаем просто *разложение*. Разложение возможно только для таких вещей, которые представляют собой результат соединения. Все, составленное из двух или трех составных частей, должно рано или поздно разложиться, т.е., умереть; то же, что не результат соединения, неспособно к разложению, или, другими словами, умереть не может. Только оно бессмертно, только оно существует вечно. Оно и создано, так как все созданное есть соединение. Никто никогда не видел, чтоб что-нибудь было создано из ничего; все, что мы знаем, представляет собой соединение в новых формах вещей, уже существовавших раньше. Если это так, то душа человека, как простой элемент, должна была существовать от вечности и будет вечно существовать. Даже лишившись тела, душа будет продолжать жить. Согласно ведантистам, когда тело перестает жить, жизненные силы человека сосредоточиваются в его уме, ум обращается в прану, прана входит в душу человека, и душа выходит из тела, как бы одетая в то, что они называют тонким, умственным, или духовным телом, – называйте его как хотите. В этом теле находятся *санскар*ы человека. Что такое эти

санскары? Ум похож на озеро и каждая мысль подобна волне в нем. Как в озере волны поднимаются, падают и исчезают, совершенно так же и в материи ума постоянно возникают и затем исчезают волны мысли. Исчезают они не навсегда, но только становятся все тоньше и тоньше, и затем остаются, готовые по первому зову воспрянуть. То, что мы называем воспоминанием, не что иное, как вызывание в форме волны некоторых мыслей, из числа перешедших в это тонкое состояние. Таким образом, всякое сделанное нами дело и даже все, что мы думали, прочно сидит в нашем уме. Все оно там, только в тонкой форме. Когда человек умирает, вся сумма полученных им при жизни впечатлений остается в его уме и продолжает действовать на тонкую материю. Душа, одетая, так сказать, в эта впечатления и в тонкое тело, выходит (из грубого тела), и ее дальнейшая судьба определяется равнодействующей всех сил, представляющих собой различные впечатления. Согласно Упанишадам, для души есть три рода предназначений.*

* Здесь Свами старается изложить Упанишад по-английски. Чтобы пояснить ход мыслей самого Свами по этому предмету, полезно привести извлечение из его письма, написанного тотчас после этой лекции. Он пишет: "Дуалисты утверждают, что душа после смерти идет в Солнечную сферу, оттуда в Лунную и оттуда в Электрическую, откуда ее провожает Пуруша в Брама-Локу. Адвайтисты считают, что душа (джива) никуда не уходит, все же эти сферы, или слои, вселенной – только чрезвычайно разнообразные продукты акаши и праны; самый низший и наиболее плотный – Солнечная сфера, состоящая из видимой вселенной, в которой прана является физической силой, а акаша чувственной материей. Следующий, окружающий Солнечную сферу, называется лунной сферой (хотя она не имеет никакого отношения к видимой луне) и служит обителью богов. В ней прана является в виде психических сил, а акаша – в виде Танматр, или тонкой материи. За нею – Электрическая сфера, или состояние, в котором прана почти не отличается от акаши и представляет собою не то силу, вроде электричества, не то материю. Дальше идет Брама-Лока, где нет уже ни праны, ни акаши, но обе они превратились в умственную материю, или первичную энергию. Здесь джива наполняет всю вселенную, как *самашти*, или вся совокупность мирового ума, Махата. Это Пуруша, абстрактная мировая душа, но не Абсолют, так как в ней есть еще множественность. Затем джива вполне, наконец, объединяется, достигая того единства, которое и есть ее конечная цель. Адвайтизм говорит, что все эти состояния не более как видения, возрастающие последовательно перед дживой, которая сама остается недвижимой. Появление (Сришти) и исчезновение этих видений происходит одинаковым образом, только первое значит возвращение (души) в прежнее состояние, а второе "выход" из него. *К.Е.Т.С. Нью-Йорк. 13 февраля 1890 г. Сарадананда.*

Те, которые достигли уже значительного духовного развития, следуют по направлению солнечных лучей и попадают в так называемую – Солнечную сферу. Через нее они приходят в Лунную сферу, а из нее – в сферу Света. Здесь они встречают другую душу, уже блаженную, которая ведет нового пришельца вперед, в самую высшую из всех сфер, называемую Брама-Лока, или сфера Браммы, где душа достигает всеведения и могущества и становится почти так же могущественна и всезнающа, как Сам Бог. В этой сфере, согласно воззрениям дуалистов, она остается на веки, а по мнению не-дуалистов, сливается при конце цикла с вселенной. Следующий класс людей, творивших добрые дела из-за эгоистических побуждений, результатами совершенных ими добрых дел приводится, сейчас после смерти, в так называемую Лунную сферу, где находятся разные небеса; здесь они приобретают тонкие тела и свойства

богов и живут, наслаждаясь в течение долгого периода небесным блаженством. Когда же этот период оканчивается, старая карма возвращается к ним, и они попадают опять на землю. Они спускаются, говорят дуалисты, через все упомянутые области в сферу воздуха и облаков и, наконец, достигают земли с дождевыми каплями. Попав на землю, они прицепляются к какому-нибудь зерну, которое случайно съедает человек, способный снабдить их материалом для нового тела. Последний класс, порочные люди, становятся после смерти привидениями или демонами и живут где-то между лунной и земной сферами. Одни из них стараются причинять вред людям, другие – относятся к ним дружелюбно. Прожив в этих условиях некоторое время, они опять попадают на землю и становятся животными, а затем освобождаются и возвращаются опять на землю же в виде людей, получая таким образом еще раз возможность путем труда достигнуть спасения.

Земля называется *Карма-Бхуми*, сфера Кармы. Только на ней человек вырабатывает свою Карму; в состояниях же богов, привидений, демонов и животных, когда он испытывает следствия совершенных им на земле добрых или дурных дел, или, как говорят, получает за них награду или наказание, новая карма не вырабатывается.

Особенно хорошая или дурная карма приносит плоды скоро. Например, если человек всю жизнь делал много зла и совершил только несколько добрых дел, последствие этих добрых дел является немедленно, а затем наступает очередь для последствий дурных поступков. Люди, совершившие несколько очень хороших или великих дел, но общий характер жизни которых был дурен, становятся богами и наслаждаются божеским могуществом, пока сила их добрых дел не истощится. Затем они возвращаются на землю людьми, чтобы загладить старое зло. Те же, чья жизнь состояла почти сплошь из дурных поступков, равно как совершившие страшные злодеяния примут тела привидений и демонов, и, только по истощении причиненного ими зла, немногие добрые дела, ими совершенные, сделают их опять людьми. Путь к Брама-Локе, из которой нет больше падения или возврата, называется *Дэвояна*, т.е. путь к Богу, а путь в небеса – *Питрияна*, или путь к отцам. Человек, таким образом, согласно философии Веданты, самое великое существо во вселенной, и земля или мир труда – самое лучшее место в ней, потому что в нем человеку представляется наиболее средств стать совершенным. Ангелы и боги, или как бы вы их ни называли, должны стать людьми, если хотят быть совершенными, так как человеческая жизнь представляет собой великое средоточие самых удивительных для этого возможностей.

Дальше мы приходим к другому роду философии. Буддисты отрицают всю только что приведенную мною теорию души. "Какая польза", говорит Буддист, "предполагать нечто, как субстрат или основу тела и ума? Почему не позволить мысли идти дальше? Зачем принимать, кроме организма, состоящего из ума и тела, еще третью сущность, называемую душой? Разве самого организма недостаточно для его объяснения?" Эти аргументы очень сильны и рассуждение вполне правильно. В целях опытного наблюдения мы можем считать, что организм служит достаточным объяснением себя самого; так по крайней мере, многие думают. Зачем тогда мы будем предполагать существование души, как субстрата, как чего-то, что не ум и не тело, но основание обоих? Остановимся на этом положении. Примем, что существует

только ум и тело. Тело, как мы знаем, есть название постоянно меняющегося потока материи. Ум название постоянно меняющегося потока мыслей или сознания. Что же производит их кажущееся единство? – Говорю "кажущееся", потому что в действительности единства в них нет. Это то же, как если я возьму горящий факел и буду его быстро вращать перед собой. Вы увидите огненный круг, но круга тут никакого не будет, а будет только ряд последовательных положений факела, оставляющий в глазах впечатление круга. Так же нет действительного единства и в теле. Это масса материи, постоянно бегущей вперед, и назвать одним можно только всю массу этой материи, но не меняющиеся ее части. Нет единства и в уме: каждая мысль его отлична от всех прочих мыслей, и только бегущий поток их производит иллюзию единства. Итак, нет никакой надобности в третьей сущности; общее явление тела и ума – это все, что есть в действительности. За ним нет ничего.

Некоторые секты и школы усвоили в последнее время эту буддийскую идею и утверждают, что она их собственное новое открытие. В большей части Буддийских философий основная идея заключалась в том, что этого мира совершенно достаточно, и нет никакой надобности искать какой-то особой причины его. Они говорят: Эта чувственная вселенная – все, что существует; зачем придумывать еще что-то для ее объяснения? Все есть совокупность качеств, зачем еще нужна какая-то гадательная сущность? Идея о сущности вытекает из быстрой смены качеств, а вовсе не из чего-то неизменного, существующего позади них. Мы видим, как поразительны некоторые из этих аргументов, и они легко находят поддержку в обыкновенном опыте человечества; ведь, в самом деле, ни один из миллиона людей не может, не в состоянии думать о чем-либо кроме явлений? Для огромного большинства человечества природа кажется изменяющейся, вращающейся, соединяющееся и перемешивающейся массой изменений. Очень немногие схватывают позади нее проблеск спокойного моря; для нас же вселенная представляется только изборожденной волнами. Таким образом, есть два мнения: одно – что за умом и телом, есть некая неизменяемая и неподвижная сущность, и другое, – что во вселенной нет такой вещи, как неподвижность и неизменяемость, что все – изменение, и кроме изменения нет ничего. Это разногласие устраняется, когда мы поднимаемся до следующей идеи, принадлежащей не-дуалистической философии.

Эта философия заявляет, что дуалисты правы, предполагая позади всего нечто, как не изменяющийся задний план. Она говорит, что мы не можем понимать изменение, не имея чего-нибудь неизменного, что можно было бы ему противопоставить; что понимать изменяемое можно, только думая о менее изменяемом, а это, в свою очередь, покажется нам более изменяемым по сравнению с чем-либо другим, которое изменяется еще меньше, и т.д., пока не придем к тому, что должны будем принять нечто никогда и нисколько не изменяющееся. Вся сумма явлений должна была существовать раньше в состоянии непроявленном, спокойная и молчаливая, вследствие равновесия противоположных сил, или, что то же, когда никакая сила не действовала, так как силы действуют только тогда, когда происходит нарушение их равновесия. И вселенная всегда стремится вернуться опять к состоянию равновесия. Заявляя, что есть нечто неизменяемое, дуалисты совершенно правы, но их утверждение, что это неизменяемое не тело и не ум, а что-то отличное от обоих, – неверно. Также и Буддисты, пока говорят, что вся вселенная – ряд постоянных изменений, совершенно правы; так как, пока я отличен от

вселенной, пока стою в стороне и смотрю на нее, как на нечто проходящее передо мной, пока есть две вещи – зритель и видимая вещь, до тех пор всегда будет казаться, что вселенная одно из изменений, меняющееся постоянно в течение всего времени. Но истина в том, что в этой вселенной есть как изменение, так и неизменяемость. Нет Того, чтобы душа, ум и тело представляли три отдельные сущности; но все они представляют один организм, состоящий из этих трех. Одна и та же вещь кажется теперь телом, потом умом и затем чем-то, что выше тела и ума, но только не всеми тремя в одно и то же время. Тот, кто видит тело, не видит в это время ума; видящий ум не видит того, что он называет душой; а для того, кто видит душу, тело и ум исчезают. Видящий только движение, никогда не видит абсолютного покоя, а для того, кто видит абсолютный покой, исчезает движение. Веревку принимают иногда за змею. Тот, кто смотря на веревку, видит змею, не видит веревки; а, когда иллюзия пропадает, и он смотрит на веревку, змея исчезает.

Есть только одна всеобъемлющая сущность, и она одна кажется, как многое. Эта Сущность, Душа, или Я, представляет все, что существует во вселенной. На языке не-дуалистов, Она Брахман, кажущийся многообразным вследствие разных имен и форм. Посмотрите на волны в море. Ни одна волна не отделена от моря. В чем же причина, что они кажутся отличными от него? – В названии и форме. Если отбросить имя и форму, останется только море. Также нет различия и во вселенной. Вся она Одна Единая Сущность, кажущееся же многообразие создается только именем и формой. Как в каждой освещенной солнцем капле воды получается точное изображение солнца, так Душа, Я, Единая Сущность вселенной, отражаясь во всевозможных шариках, носящих разные имена и формы, кажется различной. На самом деле, она Одна. Нет ни "Я", ни "Вы"; это все Одно. Все – или "Я", или "Вы". Идея о двойственности, о двух ложна, и вся вселенная, как мы обыкновенно ее знаем, результат ложного знания. Когда наступит правильное понимание и человек увидит, что нет двух, а только Одно, он поймет, что он сам – вселенная. "Я – это вселенная, как она теперь существует, со всеми ее постоянными изменениями; оно выше всяких перемен, выше всех качеств, вечно совершенное, вечно блаженное".

Поэтому есть только один Атман, одно Я, вечно чистое, вечно совершенное, неизменяющееся и неизменяемое. Оно никогда не меняется, и все изменения во вселенной – только как бы грезы этого одного Я. Его имена и формы рисуют все эти грезы. Форма создает отличие волны от моря. Но представьте, что волна улеглась: осталась ли форма? – Нет, она исчезла. Существование волны вполне зависит от существования моря, но существование моря совсем не зависит от существования волны. Форма остается только до тех пор, пока есть волна; но, когда волна теряет форму, она не может остаться и исчезает. Имя и форма – причина того, что называется *майя*. Это *майя* делает нас индивидуальными, заставляет одного казаться различным от другого. Но она сама не имеет существования. О *майе* нельзя сказать, что она существует. Нельзя сказать, что существует форма, потому что она зависит от существования другой вещи; но нельзя сказать, что и не существует, раз мы видим, что она производит все эти различия. Согласно философии Адвайта, *майя* или неведение, – или имя и форма, или, как ее называют в Европе, "время, пространство и причинность", – есть часть, маленькая частица одной Бесконечной Сущности, внушающая нам идею о множественности вселенной, тогда как в действительности вселенная – Одно.

Пока человек думает, что есть две сущности, он ошибается, узнавая же, что она только Одна, становится прав. Это ежедневно доказывается, как в физическом, так в умственном и духовном планах. Сегодня я показал вам, что вы и я, также как солнце, луна и звезды, – только имена различных скоплений материи, постоянно меняющих место и вид. Частица энергии, которая несколько месяцев назад была в солнце, теперь может быть в человеческом теле, завтра – в теле животного, а послезавтра – в растении. Она будет вечно переходить из одной формы в другую, потому что все эти формы не что иное, как непрерывная, бесконечная масса материи, разделенная только названиями и формами. Одно место ее называется солнцем, другое – луной, третье – звездами, следующее человеком, следующее – животным, следующее растением и т.д. С другой точки зрения, эта самая вселенная есть океан мысли, в котором каждый из нас представляет точку, называемую отдельным умом. Вы, я, и каждый человек; все это умы, и самая вселенная, с точки зрения знания, когда глаза освобождены от иллюзии, и ум стал чистым, кажется непрерывным абсолютным Существом, вечно чистым, неизменным, бессмертным. Что же тогда остается от учения дуалистов о конечной судьбе мира и человека, по которому, когда человек умирает, он идет на небо или в ту или другую сферу, а очень порочные люди становятся привидениями, животными и т.д.? – Никто никуда не идет, говорит не-дуалист. Как вы можете куда-нибудь идти, когда вы бесконечны? Где место, в которое вы могли бы идти? Как маленькая девочка сказала о земле: "куда же земля может упасть?" – так и не-дуалист говорит о душе: "куда она может пойти?" Самый вопрос о рождении и смерти, с его точки зрения – бессмыслица. Кто приходит и кто уходит? Где вас нет? Где то небо, в котором бы вы уже не находились? "Я" человека вездесуще, – куда оно может идти? Где его нет, куда бы оно пошло? Оно уже всюду. Таким образом, весь этот детский бред, это ребяческое заблуждение относительно рождения и смерти, о небе и высшем и низшем мирах, для совершенного, исчезают немедленно, а для почти совершенного – после того, как ему будут показаны разные сцены вплоть до Брама-Локи. Оно остается только у людей невежественных. Как же случилось, что весь мир верит в рождение и смерть и в путешествие на небо? – Представим себе, что я читаю книгу. Страница за страницей прочитывается мной и переворачивается. Что же изменяется; кто приходит и уходит? – Не я, но книга. Вся природа это книга, открытая перед душой. Глава за главой прочитывается и переворачивается, и постоянно, от времени до времени, открываются новые сцены. Одна прочитывается и переворачивается, является другая, но душа – вечно остается той же самой. Меняется природа, но не душа человека. Душа никогда не изменяется. Рождение и смерть – в природе, а не в вас. Невежда обманывается, думая, что движется солнце, а не земля; совершенно как мы, думая, что умираем мы, а не природа. В обоих случаях это галлюцинации. Галлюцинация относительно рождения и смерти совершенно того же рода, как та, которую мы испытываем, сидя в железнодорожном поезде, когда думаем, что движутся поля, а не поезд. Когда люди обладают известным складом ума, – принадлежат к тому же плану существования, – они видят сущность, как землю, солнце, луну, звезды; и все, того же плана, видят то же самое. Но кроме нас могут быть миллионы существ других планов существования. Им все представляется иначе, и они никогда не увидят нас, а мы не увидим их. Мы видим только тех, кто имеет тот же склад ума, т.е., находится на одном с нами плане. Только те музыкальные инструменты отвечают друг другу, которые имеют одинаковый строй. Таким образом, если колебания, называемые "человеческими вибрациями", изменятся, – люди не будут видны больше, вся

"человеческая вселенная" исчезнет и вместо нее перед нами окажется другая сцена, явятся, может быть, боги, боги и божеская вселенная, а может быть – для порочного человека – дьяволы и дьявольская вселенная, но все это будет только различным видом той же одной вселенной. Эта самая вселенная, видимая с человеческого плана как земля, солнце, луна, звезды и все прочее, с плана порока будет видима желающими попасть на небо, как небо: тем же, кто мечтает попасть на небо, к Богу, сидящему на престоле, и стоят там, славословя Его, после смерти представляются видения того, что было в их уме; эта самая вселенная изменится для них в обширное небо со всякого рода крылатыми существами, летающими вокруг, и богами, сидящими на тронах. Все эти небеса – создание самого человека. Адвайтист находит, что все, что говорит дуалист верно, но что оно произведение его собственной фантазии. Все эти сферы, дьяволы, боги, перевоплощения и переселения, все это мифология, выдумки, также как и вся человеческая жизнь. На это обыкновенно отвечают: "мы не должны считать это мифологией – только это и верно". В такое заблуждение люди постоянно впадают. Они прекрасно понимают, когда другие вещи называются выдумками, но никогда не согласятся применить то же название к их собственным положениям. Все, как оно кажется, конечно выдумки, но самая большая ложь в том, что люди считают себя телами, которыми они никогда не были и никогда не могут быть. Молясь Богу, мы все время молимся нашему собственному скрытому Я. Самая худшая ложь, какую мы когда-нибудь говорили себе это, что мы родились грешниками или злыми людьми. Только тот, кто сам грешник, видит грешника в другом. Злой смотрит на вселенную, как на ад, более добрый видит в ней небо, тогда как совершенные существа знают, что она – Бог. У последнего покрывало спадает с глаз, и он видит, что его зрение изменилось, – дурные сны, мучившие его целые годы, исчезли, и он, считавший себя человеком, богом или дьяволом и думавший, что живет в низших или высоких местах, на земле или на небе и т.п.; видит, что на самом деле он вездесущ, что время в нем, а не он во времени, все небеса в нем, а не он в небе, и все боги, которым он молился, – в нем. Он видит, что сам был создателем богов, демонов, людей и растений, животных и камней; и истинная природа человека восстает перед ним, раскрытая, более высокая, чем небеса, более совершенная, чем вселенная, более бесконечная, чем бесконечное время, более вездесущая, чем вездесущий эфир. Только таким образом человек становится бесстрашным и свободным, все его заблуждения прекращаются и все горести и страхи исчезают навсегда. Для него нет более рождений и смерти: уходит страдание и с ним наслаждение; земля исчезает и с ней небеса, тело и ум; вся вселенная как бы переходит в потенциальное состояние. Постоянные движения, стремления и борьба сил прекращаются, и то, что проявлялось как сила и материя, как борьба природы, как сама природа, как небо и земля, растения, животные, люди и ангелы, – все превращается в бесконечную, непрерывную, неизменную сущность, и человек видит, что составляет с этой сущностью одно. "Как разноцветные облака, проходя по небу, остаются на нем секунду и исчезают", совершенно так же проходят перед душой все эти видения земель, небес, луны, богов, удовольствий и страданий: все они уходят, оставляя одно бесконечное, голубое, неизменное небо. Небо никогда не меняется; меняются только облака: мы же ошибочно думаем, что меняется небо. Так же, только по недоразумению, мы считаем себя нечистыми, ограниченными, отдельными. В действительности, человек – Одна Единая Сущность.

Теперь возникают два вопроса. Во-первых, "Можно ли убедиться в этом? До сих пор ведь это только теория, философия; но можно ли убедиться опытом, что эта теория верна?" – Да, возможно, В этом мире и теперь живут люди, у которых иллюзия навсегда исчезла, и это достижимо и для других. Что же, достигши такого состояния, люди тотчас умирают? – Не так скоро, как мы думаем. Два колеса, соединенные общей осью, вращаются вместе. Если я буду держать одно колесо и перерублю ось, то колесо, которое я держу, остановится, но в другом еще сохранится живая сила и прежде чем упасть оно будет некоторое время вращаться. Чистое и совершенное существо, душа – это одно колесо, а внешняя галлюцинация тела и ума – другое: они соединены осью деятельности, кармой. Знание это топор. Он разрубит связь между обоими, и колесо – душа остановится, перестанет переноситься с одного предмета на другой, перестанет жить и умирать, перестанет думать, что она природа и имеет нужды и желания, и увидит себя совершенной и ничего нежелающей. Но в другом колесе, колесе тела и ума – останется живая сила прежних действий, и оно будет жить, пока эта живая сила не истощится. Тогда тело и ум уничтожатся, и душа станет свободной. Больше для нее уже не будет хождения на небо и обратно, ни даже в Брама-Локу и другие высшие сферы, так как куда и откуда она могла бы ходить? Человек, достигший в этой жизни такого состояния, для которого, хотя бы на одно мгновение, изменился вид мира и стала видна действительность, называется "Живой Свободой"? Цель ведантиста достигнуть такой живой свободы.

Однажды я путешествовал в Западной Индии, в пустынной стране, на берегу Индийского океана. День за днем я шел пешком по пустыне и каждый день с удивлением видел прекрасные озера, окаймленные деревьями, отражения которых дрожали в воде. "Какое великолепие! думал я. – И это называют пустыней"! Почти месяц я странствовал, видя эти чудные озера и растительность. Но в один день у меня явилась сильная жажда, и я захотел напиться. Я направился к одному из этих прекрасных озер: но, когда приблизился к нему, оно исчезло с быстротой молнии. С такой же быстротой в моем уме блеснула мысль: "Это был мираж, о котором я раньше знал только из книг". Вместе с этим я подумал, что, ведь, целый месяц видел этот мираж и не догадывался. На следующее утро я продолжал свое путешествие. Опять появилось озеро, но теперь я уже знал, что это не настоящее озеро. То же бывает и в этой вселенной. Все мы путешествуем в воображении по этому миру, видя его изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год и не зная, что видим только мираж. В один день он исчезает, но затем является опять; тело наше остается под влиянием прежней Кармы, и мираж возвращается. Обманчивое представление об этом мире будет возвращаться и овладевать нами все время, пока мы связаны кармой, мужчины и женщины, растения и животные, наши привязанности и обязанности; все будет возвращаться, но не с прежней силой. Силой приобретенного знания сила Кармы будет сломана и ее ЯД утрачен. Она преобразуется, так как вместе с ней будет являться мысль, что теперь мы знаем ее и понимаем огромную разницу между действительностью и миражем. Мир уже не будет тем, что прежде. Но в этом есть и опасность.

Во всех странах мы видим людей, придерживающихся этой философии и говорящих: "Я выше добродетели и порока, а значит – не связан никакими нравственными законами и могу делать все, что хочу". Да и в вашей стране можно встретить людей, которые говорят: "Я не связан: я сам – Бог:

предоставьте мне делать, что я хочу". Но это не верно. Правда, душа не подчинена никаким физическим, умственным и нравственным законам. В законе – рабство, вне закона свобода. Правда, что свобода природное право души, ее природа, что она просвечивает через все покровы материи в форме кажущейся свободы человека. В каждый момент нашей жизни мы чувствуем, что свободны, что не можем ни жить, ни говорить, ни дышать без того, чтобы чувствовать, что свободны; но в то же время остается всегда слабая мысль, что мы похожи на машины, а вовсе не свободны. В чем же тогда истина? Не чистое ли заблуждение эта идея о свободе? Одна часть людей считает заблуждением идею о свободе, другая идею о рабстве. Кто же прав?

Человек действительный не может не быть свободным: он становится связанным только тогда, когда входит в мир Майи, имени и формы. Свободная воля – название неправильное. Как воля может быть свободна? Воля начинает существовать не раньше того, как истинный человек становится рабом. Воля человека связана: но то, что проявляет эту волю, вечно свободно; и даже в состоянии рабства, – которое мы называем человеческой жизнью, или божеской жизнью, или жизнью в небесах, или на земле, – в нас все-таки остается воспоминание о свободе, которая составляет наше божественное право, за которое все мы сознательно или бессознательно боремся.

Когда человек достиг свободы, как он может быть связан каким бы то ни было законом? Никакой закон во вселенной не может связать его, потому что сама эта вселенная принадлежит ему. Он сам – вселенная. Про него можно сказать только, или что он – вселенная, или что для него нет вселенной. Как же может он думать о подобных вещах, как пол, страна и т.п.? Как может говорить: "Я мужчина, я женщина, я ребенок?" Не ложь ли это? Узнав истину, как он может говорить, что то составляет право мужчины, а это – право женщины? Никто не имеет никаких прав, так как никто даже не существует отдельно от остальных. Нет ни мужчин, ни женщин: душа вечно бесполовая, вечно чистая. Ложь говорить, что я мужчина или женщина, или принадлежу той или другой стране. Весь мир мое отечество, вся вселенная моя, потому что я одет ей, как моим собственным телом. И однако ж, мы видим людей, отстаивающих эти теории и в то же время творящих дела, которые нельзя назвать иначе, как скверными. А если мы спросим их, почему они так поступают, они говорят, что мы заблуждаемся, так как они не делают ничего дурного. Где основания, по которым можно судить, что хорошо и что дурно? Основания следующие: Хотя добро и зло – условные проявления души, но зло – более внешняя, а добро – более внутренняя оболочка действительного человека, действительного "я". Если человек не проникнет через слой зла, он не достигнет слоя добра и, ; если не пройдет через оба слоя, – не достигнет сущности "я". Пока дурные побуждения не вполне переработаны, пока прежняя нечистота не вполне истреблена, невозможно для человека убедиться опытом в истине. Когда же истина им постигнута, при нем остаются только хорошие впечатления прошлой жизни, остаток хорошей живой силы. Если такой человек продолжает жить в теле и трудиться, он трудится только ради добра, его уста произносят только благословение; его руки делают только добрые дела, в его уме только хорошие мысли. Он весь – живое благословение. Такой человек, куда бы он ни пошел, будет способен своим присутствием изменить самых порочных людей в святых. Если он даже не будет говорить, его появление между людьми будет счастьем для человечества. Могут ли такие люди делать какое-нибудь зло? Могут ли они совершать дурные поступки? Вы должны помнить, что между убеждением и

болтовней разница, как между двумя полюсами. Болтать может каждый, даже попугай; но болтовня – одно, а убеждение совсем другое. Философии, учения, доказательства, книги и теории, церкви и секты и все подобные вещи хороши каждая сама по себе; но когда является опытное убеждение, они теряют всякое значение. Карты хороши, но когда вы сами увидите изображенную на них страну и потом взглянете на карту, какая огромная разница! Совершенно также, те кто путем опыта убедился в истине, не нуждаются в логических умозаключениях и прочей умственной эквилибристике, чтобы понять ее. Для них их жизнь как бы сгустилась и стала более чем осязаемой. Мудрецы Веданты говорят: "Совершенно, как держа плод в руке и, глядя на него, говорите. – "Вот он здесь", – так и те, кто опытом познал истину, скажут: "Вот Я". Вы можете спорить с ними годы, но они будут только улыбаться и относиться ко всем вашим словам, как к детскому лепету. Они познали истину и спокойны. Представьте, что вы видели какую-нибудь страну, и, вот, приходит к вам человек и старается доказать, что такая страна никогда не существовала. Он может продолжать свои доказательства до бесконечности, но приведет вас только к заключению, что самое подходящее для него место – дом для умалишенных. Человек познавший говорит: "Все людские толки об их маленьких религиозных системах детский лепет; истинная сущность, душа религии, – это опытное познание". Религию можно познать опытом: но готовы ли вы к этому? Хотите ли этого? Если вы действительно постараетесь, вы достигнете такого опытного познания, и только тогда будете истинно религиозным; пока же не достигли такого познания, вы ничем не отличаетесь от атеиста. Атеист, по крайней мере, искренен, а в человеке, который говорит, что верит, но никогда не пробует убедиться опытом, нет искренности.

Дальше идет вопрос, что же следует за приобретением опытного познания? Предположим, что мы убедились в единстве вселенной, в том, что мы Единое Бесконечное Существо, Я; что это "я", которое проявляется во всех различных феноменальных формах. Что же затем станется с нами? Не сделаемся ли мы бездеятельными, не спрячемся ли в углу, не сядем ли там и не будем ли ждать смерти? Какую пользу принесет наше познание миру? Опять этот старый вопрос! Прежде всего, какое право имеет кто-нибудь спрашивать, какую пользу принесет это миру. Что под этим понимается? Ребенок любит лакомства и, видя, что вы занимаетесь исследованием в какой-нибудь области электричества, спрашивает вас: "можно ли на то, что вы делаете, купить пирожного?" "Нет", – отвечаете вы. "Тогда какая от него польза?" – Также разумно и рассуждение взрослых: "Какая польза от этого миру? Даст ли оно ему деньги?... Нет? – Тогда какая от него польза?" Но опытное религиозное познание приносит миру и бесконечную пользу. Люди боятся, что, когда достигнут его, узнают, что есть только Одно, то источник любви иссякнет, они утратят все, что любят, и оно исчезнет для них не только в этой жизни, но и в будущей. Они воображают, что деятели мира заботились о своей индивидуальности. Но человек любит только тогда, когда находит, что действительный предмет его любви не какая-нибудь низменная, ничтожная смертная вещь, когда видит в нем не комок земли, но самого Бога. Жена больше полюбит своего мужа, если будет считать его самим Богом, муж будет больше любить жену, если узнает, что она Бог. Та мать больше всего любит своих детей, которая смотрит на них, как на самого Бога, тот человек будет любить своего величайшего врага, который знает, что этот его враг сам Бог. Человек будет любить святого, о котором знает, что он – Бог, но будет любить также и самого грешного из людей, если знает, что сущность этого грешного

человека – также Он, Господь. Тот, двигает мир, для кого его маленькое я умерло, а на его месте стоит Бог. Для него вся вселенная будет преображенной. Все болезненное и горестное для него исчезнет, всякая борьба прекратится. Эта вселенная, вместо того, чтобы быть тюрьмой, в которой мы каждый день боремся и соперничаем из-за куска хлеба, станет для нас театром. Как прекрасна будет тогда вселенная! Только такой человек имеет право воскликнуть: "как прекрасен этот мир!" Благой результат для мира от такого познания таков, что, если б человечество узнало сегодня хотя маленькую частицу этой великой истины, весь мир изменился бы и вместо борьбы и ссор наступило бы царство мира. Те грубые побуждения, которые заставляют нас противодействовать всякому другому, исчезли бы навсегда из мира. Исчезла бы навеки всякая борьба, всякая ненависть, всякая зависть и всякое зло. Тогда на земле жили бы боги, и земля стала бы небом. Какое зло могло бы быть на ней, когда боги играли бы с богами, боги работали бы с богами и боги одаряли бы любовью богов? Вот какая бесконечная польза была бы от этого божественного познания. Оно изменило бы и преобразило все, что мы видим в обществе. Вы не думали бы больше о человеке, как о злом, и в этом был бы первый успех. Вы больше не насмехались бы над бедным мужчиной, или женщиной, которые сделали ошибку. Добродетельная женщина не смотрела бы свысока и с презрением на ту, которая бродит по ночам, так как и в ней она видела бы Самого Бога. Вы не думали бы больше о ревности и наказании. Все это исчезло бы, и любовь, великая идеальная любовь стала бы настолько могущественна, что не нужно было бы ни веревки, ни кнута, чтобы надлежащим образом направлять человечество.

Если бы одна миллионная часть живущих в этом мире мужчин и женщин просто присели бы на несколько минут и сказали: "Все вы – Бог: вы люди, животные, все живые существа, – все вы проявление одного живого Божества!" – то весь мир изменился бы в полчаса. Вместо того, чтобы рассыпать повсюду ненависть и испускать потоки зависти и злых мыслей, люди всех стран думали бы: "Все это Он; Он все, что мы видим и чувствуем". Как можете вы видеть зло, если в вас самих нет зла? Как можете видеть вора, если его нет в глубине вашего собственного сердца; как можете видеть разбойника, если сами не разбойник? Будьте добры, и зло для вас исчезнет. Вся вселенная таким образом изменится. В этом польза общества; в этом цель всей человеческой организации.

Эти мысли были продуманы и разработаны отдельными лицами в древнее время в Индии. По разным причинам, вроде односторонности учителей и покорения иноземцами, они не могли распространиться; но они остаются великими истинами, и всегда, когда были осуществляемы человеком, этот человек становился божественным. Теперь наступает время, когда эти мысли распространятся по всему миру. Вместо того, чтобы быть запертыми в монастырях и заключенными в философских книгах, доступных лишь образованным людям: вместо того, чтобы быть исключительным достоянием сект и немногих ученых, мысли эти будут рассеяны по всему миру, и станут собственностью святого и грешника, мужчин и женщин и детей, образованных и невежд. Они проникнут в окружающую нас атмосферу, и самый воздух, которым мы дышим, будет говорить нам при каждом вдохании: "Ты – Тот". И вся вселенная, с ее мириадами солнц и лун, в один голос будет возглашать: "Ты – Тот"!

МАЙЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ О БОГЕ

Мы видели, что идея Майи, составляющей одно из основных учений адваистической Веданты, встречается в зародыше уже в Самхитах, в которых находим также, в той или иной форме, все идеи, получившие окончательное развитие в Упанишадах. Большинство из вас теперь ознакомились с идеей Майи и знаете, что это слово иногда неправильно переводится словом "иллюзия". Такой перевод неудачен и неправилен. Слово *Майя* не выражает собой также никакой теории, оно просто утверждение фактов, как они существуют во вселенной. Чтобы вполне усвоить его значение, надо обратиться к Самхитам и проследить развитие этого понятия с самого его зародыша. Мы видели, как явилась идея о Дэвах. Вначале Дэвы были просто могущественные существа и ничего больше. Большая часть из вас приходили в ужас, читая в древних писаниях Греков, Евреев, Персов и других, что древние боги делали иногда вещи, крайне, на наш взгляд, отвратительные. Читая эти книги, мы совершенно забываем, что живем на исходе 19-го века, а эти боги были существа, в которых верили тысячи лет назад, и забываем также, что люди, поклонявшиеся им, не находили ничего несообразного в их характерах, ничего страшного в описываемых таким образом богах, потому что они сами были очень похожи на них. Можно заметить, что это один из важнейших уроков, которые нам дает жизнь. Судя о других, мы всегда судим о них согласно нашим собственным идеалам. Но этого не должно быть. Каждого следует судить по его идеалам, а не по идеалам других. В отношениях с нашими ближними мы постоянно впадаем в эту ошибку, и, по моему мнению, огромное большинство наших споров и ссор происходит по той простой причине, что мы всегда стараемся судить о богах, идеалах и побуждениях других – по нашим собственным идеалам и побуждениям. Под влиянием известных условий я могу поступить известным образом; и, если вижу, что другой делает то же, заключаю, что и он действует по тому же побуждению, упуская из виду что тот же самый результат мог получиться вследствие тысячи совершенно других причин. Можно совершать то же действие, что и я, по побуждению совершенно отличному от моего. Таким образом, обсуждая древние религии, мы не должны смотреть на них с той точки зрения, с которой теперь склонны судить других, но должны, так сказать, привести себя в умственное состояние тех ранних времен.

Понятие о жестоком и безжалостном Иегове Ветхого Завета приводит многих в содрогание. Но почему? Какое они имеют право считать, что Иегова древних иудеев должен согласовываться с условными понятиями о Боге настоящего времени? Мы не должны забывать, что после нас будут люди, которые могут посмеяться над нашими идеями о религии и Боге, также как мы смеемся над идеями древних. Но через все эти понятия проходит золотая нить единства, и цель Веданты заключалась в том, чтоб распутать эту нить. "Я – та нить, на которую нанизаны все эти идеи, из которых каждая подобна жемчужине", – говорит Господь Кришна, и дело Веданты установить существование этой связующей нити, как бы несообразны, отвратительны и даже ужасны ни казались отдельные идеи, по сравнению с современными понятиями. Следует помнить, что в то время, когда эти идеи устанавливались, они вполне гармонировали с тогдашними понятиями и не были более отвратительны, чем нынешние идеи для нас. Они кажутся отвратительными только тогда, когда мы оторвем их от прежних условий и применим к нашим настоящим. Все это прошло, умерло и исчезло. Подобно тому, как древний иудей развился в

жадного, хитрого современного жида, а древний ариец в разумно-мыслящего индуса, так же выросли и Иегова и Дэвы. Наша громадная ошибка в том, что мы замечаем эволюцию поклонников Бога, но упускаем из виду эволюцию Бога. Он не пользуется у нас тем же успехом, как его поклонники. Вы и я, как представители идей, выросли; но боги, будучи также представителями идей, выростали попутно. Это вам может показаться странным. Вы скажете: "Как может вырасти Бог"? Но в строгом смысле, не растет и человек. Дальше вы увидите, что действительный человек, стоящий позади видимых его проявлений, недвижим, неизменяем, чист и совершен, таким же образом и за составленным нами представлением о Боге, – нашем собственном создании, – стоит действительный Бог, никогда не меняющийся, вечно чистый, неизменный. Проявления же всегда изменяются, всегда только отчасти открывают действительность, которая позади них. Когда понятие начинает больше обнаруживать стоящий за ним факт, говорят, что оно прогрессирует; если же оно больше скрывает факт, говорят, что оно идет вспять. Итак, по мере того, как мы растем, растут и боги. С точки зрения здравого смысла, как мы, развиваясь, раскрываем себя, так точно раскрывают себя и боги.

Теперь мы в состоянии понять теорию *майи*. Один из вопросов, предлагаемых на разрешение всеми религиями мира, следующий: Почему во вселенной такой беспорядок? Почему существует во вселенной зло? Мы не встречаем этого вопроса при самом начале возникновения религиозных идей, потому что первобытному человеку мир не казался несообразным. Условия, в которых он находился, не были негармоничными. Тогда не было столкновения жизней, никакого антагонизма между добром и злом. Была только борьба в собственном сердце человека между чем-то, что говорило "да", и чем то, говорившем "нет". Первобытный человек был человеком побуждения. Он всякую мысль, какая ему приходила в голову, тотчас переносил в свои мускулы, никогда не останавливаясь для обдумывания и не пытаясь удерживаться от выполнения побуждения, которое явилось у него. То же было и относительно богов, создаваемых также побуждением. Является Индра и разбивает силы демонов; Иегове нравится один человек и не нравится другой. Почему? Никто не знает, так как привычки спрашивать тогда не было, и все, что бы Он ни делал, было правильно. Еще не было понятия о добре и зле. Дэвы проделывали многое, что по нашим понятиям было скверно; Индра и другие боги, то и дело, совершали ужасные вещи; но поклонявшимся Индре не приходила в голову мысль о безнравственности, и они никогда ни о чем не спрашивали.

С развитием нравственных идей началась борьба. В человеке появилось особое чувство, носящее у разных народов и на разных языках различные названия, но действующее как задерживающая сила. Побуждения человеческого сердца могли быть голосом Бога, или результатами прежнего воспитания, или тем и другим, но, как бы мы их ни называли, действие их одно и то же. Одно побуждение нашего ума говорит: "делай", но за ним раздается голос: "не делай". В нашем уме есть серия идей, постоянно стремящихся проявиться чувственным путем, а за ней, хотя может быть слабый, голос говорит: "не выходи наружу". Для этого явления в санскритском языке есть два прекрасных слова: *праврити* и *ниврिति*, развертывание и свертывание. Развертыванием обозначаются все наши действия. Религия начинается свертыванием, словами "не делай". Когда нет слов "не делай", религия еще не существует. И это "не делай" начинается самопроизвольно. Людские идеи

растут, как вы видите, на зло грубым, задорным богам, которых почитают те же люди.

В сердце человечества родилась маленькая любовь. Она была очень мала, и даже теперь еще не велика. Сначала она относилась к племени, обнимая почти всех его членов, и бог или боги, которых племя почитало, любили только это одно племя. Таким образом, каждый бог был богом покровителем племени, и члены племени иногда считали себя потомками этого бога, подобно тому, как кланы в разных странах считают себя прямыми потомками основателя клана. В древние времена были, и есть даже теперь люди, заявляющие претензию быть потомками не только этих богов, но также солнца и луны. В старых санскритских книгах вы можете прочесть о великих героях-царях из династии солнечной и лунной. Они были первыми почитателями солнца и луны и постепенно пришли к мысли, что сами – потомки бога солнца, бога луны и т.п. Когда эти идеи начинают развиваться, появляется зародыш любви, смутная идея об обязанностях по отношению друг к Другу, маленькая общественная организация, – и немедленно возникает вопрос: "как можем мы жить вместе, без снисходительности и терпения? Как может человек жить с другим, – хотя бы одним человеком не подавляя по временам своих побуждений, не останавливая себя, не удерживаясь от поступков, к совершению которых побуждает ум. Все общественное устройство основано на идее о сдержанности, и все мы знаем, что мужчины и женщины, которые не научились терпеть и уступать, ведут самую плачевную жизнь. Когда зарождается этика, или, что то же, идея о сдержанности, проблеск высшей религии озаряет человеческий разум. Старые боги, свирепые, дерущиеся, пьянствующие, пожирающие мясо, которым самое большое удовольствие доставляли запах горелого мяса и возлияние крепких напитков, – такие боги оказались неудовлетворительными. Рассказывают, например, что Индра иногда так напивался, что падал на землю и начинал издавать нечленораздельные звуки. Такие боги не могли быть более терпимы. Возникла мысль исследовать побуждения, и сами боги были призваны на допрос. Какое основание было у такого-то и такого-то бога сделать то или другое? – И разумного основания не оказывалось. Поэтому люди отказались от своих богов, или, правильнее, выработали более высокие идеи о богах. Они собрали вместе все те действия и свойства богов, которые не могли гармонировать с их новым идеалом самообуздания, и соединили также те, которые были понятны и гармоничны, обозначив всю совокупность последних именем Дэва-Дэва, или Бог богов вселенной. Бог, чтобы ему поклонялись, не мог быть больше только символом силы; от него требовалось уже нечто большее. Теперь он стал нравственным богом, любящим человечество и делающим ему добро. Но идея о боге все же осталась; только его нравственное значение, а следовательно, и могущество увеличились. На него стали смотреть не только как на самое могущественное существо во вселенной, но также и как на самое нравственное. По мере того, как понятие о богах расширялось, увеличивавшись и затруднения, которые требовалось разрешить. Если качества богов возрастали в арифметической прогрессии, вопросы возрастали в геометрической. Трудность объяснения поведения Иеговы была очень небольшая, в сравнении с трудностью объяснения мотивов бога вселенной. И до настоящего дня остается неразрешенным вопрос – "Почему Всемогущий и Вселюбящий Бог, управляющий вселенной, допускает в ней столько дьявольщины? Почему должно быть настолько больше страданий, чем счастья, и настолько больше порока, чем добродетели?". Мы можем закрыть глаза на эти вещи, но все же остается факт, что этот мир отвратителен, что, в лучшем

случае, он не что иное, как Танталов ад. Мы живем здесь с сильными побуждениями к чувственным наслаждениям и еще более сильными мечтами о них, и не имеем ничего для их удовлетворения. В нас поднимается волна, увлекающая нас против воли вперед, но, как только мы делаем шаг, разражается удар. В нашем уме возникают побуждения, далеко превосходящие пределы наших чувственных идеалов, – но, желая их выполнить, мы никогда не увидим их осуществленными. С другой стороны, все окружающее постоянно наносит нам удары, грозящие сокрушить нас в прах, но, если мы отбросим все идеалы и отдадимся исключительно борьбе с миром, наше существование станет существованием скотов, мы унизим себя и развратимся. Таким образом, ни один из этих путей не ведет к счастью. Несчастье – удел человека, довольствующегося чисто материальной жизнью, но в тысячу раз более несчастна судьба того, кто, во имя истины и высших идеалов, осмеливается выступить вперед и требовать чего-то высшего, чем животные наслаждения. Все это факт, и нет ему никакого объяснения. Но Веданта указывает выход. Вы, вероятно, не забыли, что в этих лекциях я не раз упоминал о фактах, которые испугают вас; запомните же, продумайте и усвойте теперь то, что я сейчас скажу вам; в конце концов, оно будет ясно для вас, возвысит вас и сделает способными уразуметь истину и жить в ней.

Совсем не предположение, но положительный факт, что этот мир Танталов ад, что мы ничего не знаем о вселенной и в то же время не можем сказать, что не знаем. Я не могу сказать, что эта цепь (указывая на часовую цепочку) существует; но, когда я думаю о ней, то знаю, что она существует, хотя это, может быть, и иллюзия моего ума. Я, может быть, все время грежу. Может быть, мне грезится, что я говорю вам и что вы слушаете меня. Никто не может доказать, что это не так. Самое существование моего ума, может быть, иллюзия, так как никто никогда не видел своего ума: и все-таки мы считаем существование его доказанным. То же самое и относительно всего прочего. Я не считаю несомненным существование моего тела, и в то же время не могу сказать, что оно не существует, или что оно не мое. Таким образом, мы стоим между знанием и незнанием, в таинственной полутьме, где истина смешивается с ложью; но где именно они встречаются – никто не знает. Мы бродим среди грез, наполовину спящие, наполовину бодрствующие, проходя всю нашу жизнь в тумане. Это участь каждого из нас. Это судьба всякого чувственного знания, всякой философии, всей нашей хваленой науки. Такова вселенная!

О всем, что вы называете материей, умом, духом, или чем хотите, – так как вы можете давать им какие угодно названия, – мы не можем сказать, что они есть и в то же время не можем сказать, что их нет; не можем сказать, что все они – одно, и не можем сказать, что они – многое. Эта вечная игра света и тьмы, – многообразная, неразборчивая, неясная, неделимая, заставляющая вещи казаться фактами и в то же время не фактами, всегда находящаяся налицо и заставляющая нас верить, что мы бодрствуем и в то же время спим, – называется *майя*. Она – простое утверждение факта. Мы рождаемся в *майе*, живем, думаем и грезим в ней. В ней мы философы и религиозные люди, дьяволы и даже Боги. Расширьте любую вашу идею насколько можете, направляйте ее все выше и выше, называйте ее бесконечной или какими хотите именами, и все-таки эта идея будет в *майе*. Иначе и быть не может. Все человеческое знание только обобщение *майи*, только усилие узнать ее, как она есть в действительности. Это дело *Нама-Рупы*, имени и формы. Все, что

имеет форму, все что вызывает в уме идею, – все в *майе*. Германские философы говорят, что все подчинено законам времени, пространства и причинности. Но все это тоже в *майе*.

Вернемся немного назад, к ранним идеям о Боге, и посмотрим, что случилось с ними. Мы прежде всего замечаем, что, при настоящем положении вещей, идея о некоем существе, вечно любящем нас, – употребляя слово "любовь" в нашем собственном смысле, – вечно бескорыстном и всемогущем и в то же время управляющем этой вселенной, невозможна. Чтобы высказать эту идею о личном Боге, требовалась смелость поэта. Поэт спрашивает: "Где ваш справедливый смысл и милосердный Бог? Разве он не видит, как погибают миллионы миллионов его детей, в форме людей и животных, не могущих прожить ни одного мгновения, не убивая других. Можете ли вы вдохнуть хоть один раз воздух, не уничтожив тысячи жизней? Вы живете потому, что миллионы умирают. Каждый момент вашей жизни, каждое ваше дыхание – смерть тысяч, каждое ваше движение смерть миллионов. Каждый кусок, который вы едите – смерть других миллионов. Почему же они должны умирать? Есть старый софизм: "Они такие низкие существа". Может быть. Но мы в этом не уверены. Кто знает, кто более велик, – муравей ли по сравнению с человеком, или человек – по сравнению с муравьем? Кто докажет то или другое? Не потому ли человек выше, что он может строить дома и изобретать машины? Но тот же аргумент, с таким же успехом, можно употребить и иначе: так как муравей не может построить дома и изобрести машину, то поэтому он более велик. В одном случае не больше основания, чем в другом".

Оставляя даже этот вопрос в стороне, признавая несомненным, что это очень низкие существа, почему они должны умирать? Если они очень низки, то имеют еще больше права на жизнь. Они более чувственны и потому сильнее, чем вы и я, чувствуют удовольствие и боль. Кто из нас может есть с тем же увлечением, как собака или волк? Наша энергия не в чувствах: она в разуме и духе. У собаки же вся душа в чувствах, она сумасшествует, увлекается, наслаждается вещами так, как мы, человеческие существа, не можем и мечтать, и ее физические страдания пропорциональны ее наслаждениям.

Количество наслаждения измеряется той же мерой, как и количество страдания. Если удовольствие испытывается животным гораздо сильнее, что и чувство боли животного в тысячу раз сильнее, чем то же чувство у человека. И они должны умирать! Несомненно, что боль и страдания, испытываемые животными в тысячу раз больше, чем у человека, и мы все-таки убиваем их, не смущаясь их страданиями. Это – *Майя*.

Если мы допустим, что есть личный Бог, подобный человеческому существу, который сотворил как человека, так и животных, то так называемые объяснения и теории, пытающиеся нас уверить, что зло ведет к добру, неудовлетворительны. Пусть получится двадцать тысяч хороших вещей, но зачем они должны произойти непременно из зла? Следуя этому принципу, я могу перерезать другому горло, потому что это доставит удовольствие моим пяти чувствам. Это не основание. Почему же добро должно происходить из зла? Этот вопрос требует ответа, а ответ на него невозможен, и Индусская философия должна была признать это.

Веданта была самой смелой из всех религиозных систем. Она ни перед чем не останавливалась. Но у нее было и преимущество. В Индии не было никаких жреческих сообществ, которые бы старались уничтожить всякого, кто пытался говорить истину. Там всегда была абсолютная свобода в религии. В Индии гнет предрассудков лежал на обществе, которое на Западе теперь очень свободно. В Индии не было свободы в социальном отношении, но в религиозном была полная. Здесь человек может одеваться, как хочет, и есть – что хочет, и никто ему не запретит и ничего не скажет; но пусть он попробует пропустить обедню, и г-жа Гренди тотчас набросится на него. Прежде чем думать об истине, он должен тысячу раз подумать о том, что скажет общество. В Индии, наоборот, если человек пообедает с не принадлежащим к его касте, на него обрушится общество со всей своей ужасной властью и, так или иначе, сокрушит его. Если он вздумает одеться не так, как одевались века назад его предки, он погиб. Я слышал об одном человеке, который был исключен из касты только за то, что прошел несколько миль, чтобы посмотреть на железную дорогу. Зато в религии мы свободны; у нас терпят атеистов, материалистов, Буддистов и людей, проповедующих религиозные мнения самые неожиданные и ужасные. У самого входа в храм, наполненный Богами, Брамин – будь сказано к его чести – позволил даже материалисту взойти на ступени и порицать богов.

Я помню одного моего знакомого, известного американского ученого, который восхищался, читая историю Будды. Но ему не нравилась его смерть, – потому, как он говорил, что тот не был распят. Что за дикая идея! Чтобы быть великим, человек должен быть умерщвлен! В Индии таких идей никогда не было. Великий Будда ходил по стране, отвергая наших разных богов и даже единого Бога, Творца вселенной, и говоря, что все это неправда; и тем не менее, он умер своей смертью в глубокой старости. Он жил восемьдесят пять лет, пока не обратился в свою веру половину страны.

Затем у нас были Чарваки, проповедовавшие самые ужасные вещи, такой грубый и откровенный материализм, который даже в девятнадцатом столетии вы не осмелились бы провозглашать на ваших улицах. Но этим Чарвакам позволяли проповедовать в разных храмах и городах, что религия – просто выдумки духовенства, что "Веды представляют собой собрание слов и писаний глупцов, мошенников и дьяволов", и что нет ни бога, ни вечной души. Если есть душа, – говорили они, – почему она не приходит после смерти назад, привлекаемая любовью своей жены и детей? Их идея заключалась в том, что если есть душа, то она должна и после смерти любить и желать хороших вещей для еды и изящной одежды. И никто не делал этим Чарвакам никакого вреда.

Таким образом, в Индии всегда господствовала величественная идея религиозной свободы, величественная потому, что свобода – первое условие духовного развития. Это следует всегда помнить. То, чему вы не даете свободы, никогда не вырастет. Идея, что вы можете помогать росту других, всегда направляя их, руководя ими и сохраняя по отношению к ним роль учителя, – чистая нелепость, опасная ложь, замедляющая в этом мире рост миллиардов человеческих существ. Дайте людям свет свободы. Это. единственное условие роста.

В нашей стране мы пользуемся полной свободой в духовном отношении, и оттого даже теперь у нас вы встретите громадные силы религиозного мышления. Вы обеспечиваете свободу в социальном отношении и имеете

роскошное общественное устройство, мы не предоставили никакой свободы проявлению социальных чувств, и наше общество корчится в судорогах. Но вы не давали свободы в религиозных вещах. Огнем и мечом вы поражали ее, и в результате получилось, что в Европейском уме религия заглохла и выродилась. В Индии мы должны снять кандалы с общества, а в Европе с ног духовного развития. Когда мы придем к убеждению, что позади всякого развития, духовного, нравственного и общественного, – есть единство, что все они одно, и что религия должна обнимать общество, охватывать всю нашу повседневную жизнь, тогда начнется удивительный рост и развитие людей. Такое убеждение есть религия в полном значении этого слова. Из объяснений Веданты вы поймете, что все ваши науки также проявления религии, также как и все, что существует в этом мире.

Мы видим, что все различные науки могли быть выработаны только при свободе, и что в прежнее время были два направления мнений, медленно выросших из Веданты: одно, о котором я только что говорил вам, направление материалистов или отрицателей, и другое, положительное по своей природе, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем. А вот еще в высшей степени удивительный факт, с которым можно встретиться в каждом обществе. Представьте себе, что в обществе обнаружилось какое-нибудь злоупотребление. Тотчас найдется компания людей, которые начнут преследовать его карательными мерами, при чем сами нередко превратятся в фанатиков. Их вы найдете во всяком обществе, и женщины, как особенно импульсивные по природе, часто присоединяются к ним со своими воплями. Каждый фанатик, начинающий отвергать что-нибудь, находит всегда последователя, потому что ломать легко: даже сумасшедший может разбить что угодно, но ему очень трудно что-нибудь создать. Такие общества отрицателей существуют во всех странах, в той или другой форме, и они думают, что исправят этот мир только силой отрицания и обнаружения зла. Они приносят некоторую пользу, со своей точки зрения, но гораздо больше вреда, потому что скоро ничто не делается. Социальное устройство создано не в один день, и произвести изменения, значит – устранить причины. Предположите, что существует какое-нибудь зло. Простым отрицанием вы ничего не сделаете. Вы должны направлять ваши усилия на источник, корень зла, и прежде всего найти его причины; тогда все следствие исчезнет само собой. Все же вопли не приведут ни к чему, разве только к несчастью. В Индии были люди другого рода, сердца которых были полны симпатией, и которые понимали, что мы должны идти в глубь, искать причины. Это были великие святые. Все великие учителя мира заявляли, что они пришли не разрушать, но дополнять. Долго этого не понимали: думали, что те не смели говорить и делать то, что считали правильным. Но это не так. Фанатики плохо понимают бесконечную силу любви, которая была в сердцах этих великих мудрецов. Они смотрели на всех людей, как на своих детей, были действительными отцами, действительными богами, полными бесконечной симпатии и терпения к каждому, действительно готовы были терпеть и переносить. Они знали, сколько еще нужно расти обществу, и терпеливо, медленно, уверенно шли вперед, применяя свои лекарства, не преследуя и не пугая людей, но осторожно и ласково ведя их за собой шаг за шагом. Таковы были писавшие Упанишады. Они хорошо знали, что старые идеи о Боге не согласовались с более ушедшими вперед нравственными идеалами времени, превосходно понимали, что идеи, проповедуемые буддистами и другими атеистами, заключали в себе часть истины, – или скорее зародыш ее, – но знали также, что те, кто хочет

разорвать нить, связывающую четки, думают строить новое общество на воздухе и наверно потерпят неудачу. Мы никогда не создаем ничего нового, но только изменяем положение вещей; семя же вырастает в дерево само. Итак, мы должны осторожно и терпеливо направлять энергию общества к истине, дополняя истину существующую, а не стараясь создавать новую. Таким образом, вместо того, чтобы отвергать старые идеи о Боге, как неподходящие к более позднему времени, писавшие Упанишады начали с отыскания того, что в этих старых идеях было действительно, и результатом явилась философия Веданты. От старых божеств и от монотеистического Бога, Правителя вселенной, они приходили к все высшим и высшим идеям о Божестве, и в том, что называется Безличным Абсолютом, нашли объединение всей вселенной.

Кто видит в этом мире многообразия Одного, проникающего его весь, кто в мире смерти находит Одну Бесконечную Жизнь, и в этом бесчувственном и невежественном мире видит один источник света и знания, тому принадлежит вечный мир "никому другому, никому другому".

МАЙЯ И СВОБОДА

"Мы приходим, влача за собой облака славы", – говорит поэт. Не может быть, однако, спора, что далеко не все мы приходим в облаках славы, а многие приносят с собой только черные туманы. Да и приходим-то мы не по желанию, а присылаемся сюда, как бы на поле битвы, чтобы сражаться. Прихотям с плачем, хотим или нет, чтобы как умеем, завоевать себе выход, проложить путь через бесконечное пространство, и подвигаемся вперед, пока не придет смерть и не унесет нас с поля битвы, – кто знает, – победителями или побежденными. Это – *майя*.

Надеждой переполнено детское сердце. В открытых глазах ребенка мир представляется золотым видением; выше своей воли для него нет ничего. Увы, с каждым шагом вперед, природа, подобно несокрушимой стене, преграждает ему дальнейший путь. Он может бросаться на нее без конца, стараясь пробиться; но, в течение всей жизни, чем больше подвигается вперед, тем дальше отходит от него идеал, пока не наступит смерть, которая, может быть, и будет освобождением. И это – *майя*.

Вот человек науки. Он жаждет знания. Никакая жертва для него не велика, никакая борьба не кажется безнадежной. Он подвигается вперед, открывая один секрет природы за другим, раскрывая тайны самых глубочайших недр природы. А для чего? К чему все это? Почему мы венчаем его славой? За что он приобретает известность? Разве природа не бесконечно больше, чем может знать кто-нибудь из нас, человеческих существ? Но, – скажете вы – природа тупа и бесчувственна. Зачем же подделывать тупое и бесчувственное? – Природа может бросать громовые стрелы любой величины и на любое расстояние. А если человек в состоянии подделать ничтожную частицу этого, мы осыпаем его похвалами, прославляя до небес. Но почему? Почему мы должны хвалить его за подделку природы, которую сами называем тупой и бесчувственной? Сила притяжения может разрывать на куски величайшие массы, и все-таки она неразумна. В чем же слава подделывать неразумное? А мы все-таки все стремимся к этому. И это – *майя*.

Чувства увлекают за собой человеческую душу. Человек ищет счастья там, где его нельзя найти. В течение бесконечного числа веков, нас учат, что все это ничтожно и напрасно, но мы никак не можем усвоить этого; да этому научиться и невозможно иначе, как на собственном опыте. Мы делаем попытки, но получаем взамен удары. Научит ли хоть это нас? Нет, и это не научит. Подобно мотыльку, бросающемуся в пламя, мы снова и снова бросаемся к нашим чувствам, в надежде найти в них какое-нибудь удовольствие: снова и снова возвращаемся к ним с обновленной энергией, и так продолжаем до тех пор, пока не умрем, искалеченные и обманутые. И это *майя*.

То же и с нашим разумом. Пытаясь разрешить тайны вселенной, мы не можем перестать спрашивать; мы должны дойти до того, чтобы не оставалось ничего неизвестного. Но, сделав несколько шагов, наталкиваемся на стену безначального и бесконечного времени, через которую не можем перебраться. Несколько шагов дальше, и перед нами стена безграничного пространства, которую нельзя перейти. И все заключено в непреложные границы причин и следствий, выхода из которых нет. Все же мы делаем усилия, должны их делать. И это *майя*! При каждом дыхании, при каждом биении нашего сердца и при каждом нашем движении мы думаем, что свободны, и в тот же самый момент видим, что не свободны, что мы – связанные природой рабы, что наше тело и ум, все наши мысли и все наши чувства, все сковано. И это – *майя*.

Никогда еще не было матери, которая бы; не думала, что ее дитя гений, самый необыкновенный ребенок, какой только когда-либо был рожден. Она страстно любит свое дитя. Вся ее душа в нем. Дитя растет и становится пьяницей и грубым животным и, может быть, дурно обращается со своей матерью. Но чем хуже его обращение, тем больше растет ее любовь к нему. Мир хвалит мать за бескорыстие, мало думая о том, что она просто раба от рождения и не может помочь себе. Она тысячу раз сбросила бы с себя эту цепь, но не может, и увенчивает ее венком из цветов, называя любовью. И это – *майя*.

Таковы мы все в этом мире. Однажды Нарада сказал Кришне: "Господи, покажи мне *майю*". Прошло несколько дней, и Кришна предложил Нараде совершить с ним путешествие в пустыню. Пройдя несколько миль, он сказал: "Нарада, я хочу пить; не можешь ли принести мне воды?" "Подожди немного; я пойду достану ее". И Нарада ушел. Неподалеку была деревня; он вошел в нее и постучал в одну дверь. Она открылась, и на пороге показалась прекрасная молодая девушка. При виде нее, он тотчас забыл, что его учитель ждет воды и, может быть, умирает от жажды; забыл все и стал болтать с девушкой. Весь этот день он не вернулся к учителю. На следующий день опять был в том же доме и болтал с девушкой. Разговоры перешли в любовь. Он просил отца девушки выдать ее за него; они поженились и имели детей. Так прошло двенадцать лет. Его тесть умер; он наследовал его имущество и жил очень счастливо в своем доме, окруженный женой, детьми, полями, скотом и проч. Но вот случилось наводнение. Однажды ночью река поднялась, вышла из берегов и затопила всю деревню. Дома начали рушиться, люди и животные тонули и все уносилось стремительным потоком. Нарада должен был бежать. Одной рукой он вел жену, другой одного из детей; второй ребенок сидел у него на плечах. Так он пытался перейти в брод страшный разлив.

Течение оказалось, однако, слишком сильным и едва он сделал несколько шагов, как ребенок, сидевший у него на плечах, упал, и его унесло. Нарада

испустил крик отчаяния и, стараясь спасти этого ребенка, выпустил из руки того, которого вел; и этот тоже погиб. Наконец, его жена, которую он изо всей силы прижал к себе, чтобы спасти хоть ее, была оторвана от него потоком, и он один был выброшен на берег. С рыданиями упал он на землю и горько жаловался. Как вдруг почувствовал легкое прикосновение и услышал: "Где же вода, дитя мое? Ты ушел, ведь, чтобы принести мне воды, и я жду тебя уже около получаса". – Получаса? В эти полчаса он пережил целых двенадцать лет и столько событий! – И это *майя*. Так или иначе, мы все в ней. Это положение вещей в высшей степени сложное и трудное для понимания. Что же оно показывает? Нечто очень ужасное, что проповедовали во всех странах, чему учили везде и чему верили только немногие, потому что, не испытав себя, ему нельзя поверить.

Приходит всеобщий мститель, время, и ничего не остается. Он проглатывает грех и грешника, короля и крестьянина, красавца и уроды, и не оставляет ничего. Все стремится к одной цели разрушению. Наше знание, наши искусства, науки, – все стремится к одному концу всего, к уничтожению. Ничто не может остановить этого стремления, никто не в состоянии повернуть его назад, хотя бы на мгновение. Мы можем стараться забиться, подобно тому, как люди в пораженном чумой городе пробовали создать забвение в пьянстве, танцах и других развлечениях. Все мы также стараемся делать то же. Но разрушение не прекращается. Как же выйти из этого тягостного положения?

Предлагалось два совета. Один, самый обыкновенный, всем известный следующий: "Да, все это верно: но не думайте об этом. Убирайте сено, пока светит солнце, как говорит пословица. Пользуйтесь теми немногими удовольствиями, какие вам доступны, делайте что можете, не обращайтесь внимания на отрицательную сторону картины и смотрите только на положительную, обещающую надежду". В этом есть доля правды, но и большая опасность. Правда в том, что таким образом у нас останется побудительная причина к деятельности: надежда и положительный идеал всегда служат в жизни хорошим побуждением. Опасность же та, что в какой-нибудь день вы прекратите в отчаянии борьбу, как это может случиться с каждым, кто говорит: "Берите мир, как он есть, сидите смирно и по возможности удобно и довольствуйтесь своей нищетой, а, получая удары, говорите, что это не удары, а цветы, и, когда вас будут тащить, как раба, утверждайте, что вы свободны. Говорите эту ложь денно и ночью другим и собственной душе, так как это единственная возможность жить". Это называется житейской мудростью, и никогда ее не было в мире больше, чем в девятнадцатом столетии, потому что никогда раньше удары судьбы не были более чувствительны, чем в настоящее время, никогда соперничество не было острее и никогда люди не были так жестоки к своим ближним, как теперь. Вот почему утешение и предлагается. Теперь оно рекомендуется особенно настойчиво, хотя всегда и оказывается несостоятельным. Мы не можем скрыть падаль под розами; долго это не удастся, так как розы скоро пропадают и падаль обнаруживается в еще худшем виде. Так бывает и с жизнью: мы можем стараться прикрыть ее гноящиеся язвы золотыми одеждами, но наступит день, когда эта одежда распахнет, и язва обнаружится во всем ее безобразии. Неужели же нет никакой надежды? Верно, что мы все рабы *майи*, что все родились в *майе* и живем в маце; – но разве нет из нее выхода? Что все мы несчастны, что этот мир настоящая тюрьма, что даже так называемая "увлекательная красота", ум и интеллект – только тюрьмы, – все это истины, известные уже много веков. Не было ни одной

человеческой души, которая бы по временам не чувствовала этого, сколько бы ни говорили противного. Старые люди чувствуют это сильнее, потому что в них накопился опыт всей жизни и они не так легко могут быть обмануты природой. Ложь *майи* не в состоянии их сильно обмануть. Что же в таком случае? Неужели нет даже надежды! Мы знаем, что при всех этих фактах, среди горестей и страданий, даже в этом мире, где жизнь и смерть синонимы, даже здесь, через все века, – в каждой стране и в каждом сердце звучит Голос: "Эта Моя *майя* божественна, она происходит от качеств, и перейти ее очень трудно. Но тех, кто пришли ко Мне, Я сделаю способными переплыть реку жизни"... "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас." Этот Голос слышится, когда кажется, что все потеряно, когда надежда улетает, когда расчеты на свои силы разбиты, когда все, кажется, ускользает и жизнь становится безнадежной развалиной. Тогда он слышится, и это называется религией. С одной стороны, таким образом, имеется смелое, полное надежд приглашение убедиться, что настоящая жизнь бессмыслица, что она *майя*, и что из *майи* нет выхода. С другой стороны, наши практические люди говорят нам: "Не ломайте себе голову над всяким вздором, вроде религии и метафизики, живите здесь, внизу. Этот мир, конечно, скверен, но берите из него лучшее, что можете". Говоря прямо, это значит, – "ведите жизнь лицемера, жизнь лжи и постоянного обмана, скрывая насколько можете ее бедствия. Накладывайте одну заплату на другую, пока все не будет потеряно, и ваш ум не станет массой лохмотьев". Это то, что называется практическим взглядом на жизнь. Но позвольте вам сказать, что те, которые удовлетворяются лохмотьями, никогда не приходят к религии. Религия начинается со страшной неудовлетворенности настоящим положением вещей и нашей собственной жизнью, с ненависти, напряженной ненависти ко всякого рода лохмотьям, с беспредельного отвращения к обману и лжи. Только тот может быть религиозным, кто смеет открыто сказать то, что сказал великий Будда, сидя под деревом Бо, когда ему тоже пришла эта практическая идея, когда, открыв суетность мира и не находя еще выхода из него, он почувствовал искушение отказаться от искания истины и вернуться назад, к прежней жизни обмана, к называнию вещей ложными именами, к обманыванию себя и других. Но он был гигант, победил искушение и сказал: – "Лучше смерть, чем растительная жизнь невежды; лучше умереть на поле битвы, чем вести жизнь потерпевшего поражение". Эти слова основа религии. Когда человек примет такое решение, он на верном пути, на пути к Богу. Такое решение – первая побудительная причина стать религиозным. "Я хочу прорубить себе дорогу к познанию истины через преграждающую ее скалу, или потерять жизнь в поисках ее, потому что на этой стороне всякая надежда познать истину с каждым днем больше и больше исчезает". Вчерашний, прекрасный, полный надежд юноша сегодня стал опытным мужем и знает, что все наши надежды, радости и наслаждения умрут, как цвет при завтрашнем морозе; на той же стороне прелесть победы над всем злом жизни, и даже над самой жизнью, и возможность стать победителем вселенной. Поэтому те, кто осмеливается делать попытки одержать победу, овладеть истиной, религией, те – на верном пути. Это то, что проповедуют Веды – "Не отчаивайся! Путь очень труден. Идти по нему то же, что идти по лезвию бритвы. И все же не отчаивайся. Проснись, встань, и найди идеал, найди цель!"

Все разные проявления религии, в какой бы форме они не явились человечеству, имеют вообще одно главное основание проповедь свободы, проповедь выхода из этого мира. Они никогда не имеют в виду примирить мир и

религию, но рассекают гордиев узел и устанавливают религию на своем собственном идеале, а не на компромиссе между ей и миром. Это проповедует всякая религия, и задача Веданты заключается в том, чтобы согласовать все их стремления, найти общее основание как высочайшей, так и самой низшей из них. То, что мы называем высочайшей философией, все имеет один общий отправной пункт, – стремление найти средство выйти из этого мира. Большинство их указывает, что средство это заключается в помощи кого-то, кто вне этой материальной вселенной, кто сам не связан законами природы, одним словом, кто свободен. Несмотря на все трудности и различие мнений относительно природы этого свободного деятеля, – так как были бесконечные споры, Бог ли это, или не Бог, личный ли это Бог, т.е., разумное существо подобное человеку, и, если да, то следует ли его считать мужского, женского или среднего рода, – несмотря на почти безнадежные противоречия, мы все-таки во всех различных системах находим золотую нить единства, проходящую через них. В нашей философии эта золотая нить прослежена и мало-помалу открыта нашим взорам. Первый шаг этого исследования состоял в обнаружении общего всем религиям основания – в открытии, что все религии представляют условие к достижению свободы.

Удивительная вещь, что среди всех наших радостей и печалей, нашей борьбы и затруднений, мы думаем, что настойчиво идем к свободе. Был поставлен практический вопрос: "Что такое эта вселенная? Откуда она явилась, куда идет?" Ответ дан такой: "В свободе она возникла, в свободе остается и в свободу, после долгого существования, растворится". От этой странной идеи вы не можете отделаться: ваши собственные действия, самая ваша жизнь были бы спутаны без идеи о свободе, без мысли, что мы свободны. Каждый момент природа доказывает нам, что мы рабы, а не свободны; но одновременно у нас является идея: "А все же я свободен". На каждом шагу *майя* сбивает нас, так сказать, с ног и показывает, что мы связаны, но одновременно с этим ударом, с чувством, что мы связаны, является другое чувство, что мы свободны. Что-то внутри нас уверяет нас, что мы свободны. В осуществлении этой свободы, в ее проявлении, мы встречаем почти неодолимые затруднения и, несмотря на это, что-то внутри настаивает: "Я свободен! Я свободен!" И если вы исследуете все религии мира, принимая религию не в самом узком смысле, то найдете везде идею, что человек свободен. Вся жизнь общества также состоит в провозглашении принципа свободы, и все волнения и перевороты в нем всегда представляют собой стремление к осуществлению этого принципа. Каждый, – знает ли он о том, или нет, слышал Голос, который объявляет: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные". Может быть, не на одном и том же языке и не в той же форме речи, но так или иначе этот Голос, призывающий нас к свободе, всегда был с нами. Мы родились с этим Голосом и он составляет побудительную причину всех наших действий, и все мы стремимся к свободе, все следуем этому Голосу, сознаем мы это или нет. Подобно деревенским детям, привлекаемым играющим на волынке музыкантом, мы все, сами того не сознавая, увлекаемся музыкой этого Голоса. Почему мы нравственны, как не потому, что должны следовать этому Голосу? И не только человеческая душа, но все, от самого низшего атома до самого великого человека, слышит этот Голос и стремится следовать ему. Мы видим всех их в этой борьбе, соединяющимися с другими, сталкивающимися друг с другом, соперничающими и содействующими друг другу. В этой борьбе – жизнь со всеми ее радостями, стремлениями, страданиями и удовольствиями, а также и смерть. Вся вселенная, как мы ее видим, не что иное, как результат безумного

стремления отвечать на этот Голос. Это то, что мы в действительности делаем, и в этом цель природы.

Что же от этого происходит? Как только вы услышали Голос и поняли его призыв, все видимое изменяется. Тот мир, который раньше был ужасным полем битвы *майи*, теперь стал чем-то другим, чем-то лучшим, более прекрасным. Нам уже нет надобности проклинать природу, говорить, что мир ужасен, что все тщетно: нечего больше жаловаться и плакать. Как только мы услышали этот Голос, для нас стала понятна причина всей этой борьбы, всех этих схваток, соперничества, жестокости, всех этих радостей и удовольствий; мы увидели, что все это в порядке вещей, потому что посредством него мы создаем себе путь к этому Голосу, которым призываемся, сознаем ли это, или нет. Вся человеческая жизнь, таким образом, есть стремление проявить свободу. Вся природа, включая и само солнце, землю, вращающуюся вокруг солнца, и луну, вращающуюся вокруг земли, – есть движение к этой цели. "Ради этой цели сияет солнце и луна; для этой цели дуют ветры и гремит гром, для той же цели бродит неслышными шагами смерть". Все одинаково стремится к ней. К ней идет святой и грешник, щедрый благотворитель и самый низкий скряга, величайший деятель, кругом сеющий добро, и отъявленный лентяй; и никто из них не может остановиться. Один оступается на этом пути чаще, чем другой, и его мы называем слабым, другой – реже, – это человек сильный. Хорошее и дурное не две разные вещи, но одно и то же, и разница между ними не в роде, а только в степени. Итак, если деятельность всей вселенной только проявление силы свободы, то, применяя это заключение к предмету нашего специального исследования религии, находим, что вся религия состоит также из одного утверждения свободы. Возьмем самую низшую форму религии, в которой поклоняются предкам или жестоким и свирепым богам. Чему обязана происхождением идея о почитании этих богов и предков? Мысли, что они выше природы и не связаны, подобно нам, *майей*. Понятие о природе людей, чтущих таких богов, конечно, очень слабое и их боги обладают свойствами, соответствующими такому понятию. Человек не может пройти сквозь стену комнаты, не может более как на секунду отделиться от земли, летать по воздуху и принимать другой вид: боги же, которым поклоняется грубый человек, могут проходить сквозь стены, летать по воздуху и изменять свой вид. В философском смысле это значит, что они выше природы, как ее знает поклоняющийся, т.е., эти способности указывают на их свободу. У тех, кто поклоняется более высоким существам, мы находим то же самое утверждение свободы. По мере того, как взгляд на природу расширяется, расширяется также и понятие о душе, и мы приходим к тому, что называется монотеизмом, где мы имеем *майю*, или эту природу, и также кого-то, кто выше всей *майи* и кто дает нам надежду освободиться от нее. Там, где впервые появляются монотеистические идеи, начинается Веданта.

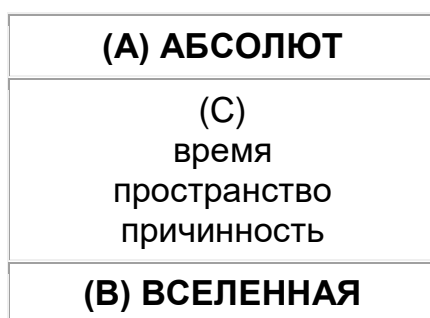
Философия Веданты требует дальнейших разъяснений. Она говорит, что идея о Душе высшей, чем *майя* и независимой от нее, о Том, Кто влечет нас к себе, и к Кому мы все вырабатываем себе путь, – что идея эта очень хороша, но что понятие о Нем, хотя прямо и не противоречит разуму, недостаточно ясно, что представление о Нем туманно и темно. Последователь Веданты хочет того, о чем говорит ваш гимн: "Ближе к Тебе, мой Боже!" Этот гимн вполне подходит к Ведантисту, только он изменил бы в нем одно слово и сказал бы: "Ближе ко мне, мой Боже!" Цель очень далекая, находящаяся вне природы и влекущая всех нас к себе, переносится, не делаясь менее возвышенной, все ближе и

ближе, пока не окажется совсем около нас: Бог в небе становится Богом в природе, Бог в природе – Богом внутри храма, в нашем теле; Бог, живущий в этом храме, становится самым храмом, и Тот, Кого мудрецы искали во всех этих местах, становится душой и телом человека, откуда и исходят последние слова, могущие научить нас. Веданта говорит, что Голос, который вы слышали, говорил правду, но вы ошибались в направлении, по которому он доходил до вас. Тот идеал свободы, о котором вы слышали, верен, но вы думали, что он находится вне вас, и в этом была ваша ошибка. Переносите его все ближе и ближе к себе, пока не увидите, что он всегда был внутри вас, был сущностью вашего Я. Свобода была вашей собственной природой, и *майя* никогда в действительности не связывала вас. Природа никогда не имела над вами власти. Как испуганное дитя, вы думали, что она душит вас, и освобождение от нее было вашей целью.

Но мы должны не только понимать эту свободу умом, но ощущать ее гораздо более определенно, чем воспринимаем этот мир. Тогда мы будем свободны. Тогда, и только тогда, исчезнут все недоумения, будут успокоены все тревоги сердца и исправлены все заблуждения: тогда исчезнет иллюзия множественности, и природа и *майя*, вместо того, чтобы быть ужасными безнадежными грезами, как теперь, – станут прекрасными, и наша земля из настоящей тюрьмы превратится в театральную сцену. Все опасности, помехи и страдания будут как бы обожествленными и обнаружат свою истинную природу, находящуюся в скрытом состоянии позади всего и составляющую сущность всех вещей, то Одно, которое все они представляют, и которое есть Он, мое собственное истинное Я.

АБСОЛЮТ И ПРОЯВЛЕНИЕ

В философии Адвайта (монистической) наиболее трудный вопрос, постоянно возбуждавшийся и остающийся неразрешенным, даже если вы над ним думаете всю вашу жизнь, следующий. Каким образом Бесконечный, Абсолют, становится конечным? Рассмотрим этот вопрос и, для большей ясности, прибегнем к помощи чертежа.

Абсолют (А) стал Вселенною (В). Под вселенною здесь разумеется не только материальный мир, но также мир умственный, духовный, небо, земля и все существующее. Ум есть название ряда изменений, тело название другого ряда изменений и т.д., и все эти изменения вместе составляют вселенную. Главная идея Адвайты та, что Абсолют, рассматриваемый через время, пространство и причинность, представляется вселенною. Время, пространство и причинность подобны стеклу, через которое виден Абсолют, и, когда мы смотрим на него

снизу, он представляется в виде Вселенной. Из чертежа видно, что там, где Абсолют, нет ни времени, ни пространства, ни причинности. Времени не может быть, так как там нет ни ума, ни мысли; пространства также, потому что там нет никакого внешнего изменения, а то, что вы называете побуждением и причинностью, тоже не может существовать там, где есть только одно. Мы должны понять и запечатлеть в уме, что то, что мы называем причинностью, начинается, если позволено так выразиться, после, а не раньше перерождения Абсолютного в *феноменальное*, наша же воля, желания и все наши свойства являются после него. Шопенгауэр неправильно излагает Веданту, стараясь во всем искать волю. Он ставит волю на место Абсолюта. Но Абсолют нельзя представлять как волю, так как воля нечто изменяющееся, феноменальное, а выше линии, проведенной над (С), – временем, пространством и причинностью, – не может быть никакого изменения, никакого движения; движение, хотя бы и выражающееся в мысли, может начаться только под этой линией. А по ту сторону черты нет воли, и она не может быть причиной вселенной. Даже в наших собственных телах мы видим, что воля – причина не всех движений. Когда я двигаю стул, то ближайшая причина движения, конечно, воля, приводящая в действие мои мускулы. Об этом не может быть спора. Но та же сила, которая подвинула стул, приводит в движение также сердце, легкие и проч. уже без посредства воли. Раз это та же самая сила, то она становится *волей* только тогда, когда поднимается на план сознательности, и называть ее волей раньше неправильно. Это производит массу путаницы в философии Шопенгауэра. Есть санскритские слова: *Праджня* и *Самвит*. Они в этом отношении лучшие термины, так как включают в себя все состояния ума; это общие названия всех умственных состояний. Под ними разумеется все, относящееся до ума. В английском языке я не знаю ни одного слова, равнозначного им. Они не значат сознательность или состояние, предшествующее сознательности, но своего рода сущность всех умственных изменений.

Посмотрим, почему мы задаем вопросы. Падает камень, и мы спрашиваем, почему он упал. Этот вопрос возможен вследствие предположения, что всему, что случается, всякому движению предшествует нечто другое. Я должен просить вас хорошенько уяснить себе, что, когда бы мы ни спрашивали, почему что-нибудь произошло, мы устанавливаем предположение, что все, что случается, имеет свое почему, другими словами, – что ему предшествует что-то другое. Это предшествование и последование и есть то, что мы называем законом причинности. Поэтому все нас окружающее, все, что мы можем видеть, ощущать или слышать, все в этой вселенной, есть поочередно и причина и следствие. Оно – причина некоторых вещей, происходящих после него, и следствие тех, которые произошли раньше. Это так называемый закон причинности, составляющий одно из установившихся наших верований. Мы верим, что всякая частица во вселенной, чем бы она ни была, имеет свое собственное отношение ко всему остальному. Было много споров о том, как возникла эта идея. В Европе была Интуитивная школа философов, которые считали эту идею прирожденной человеческому уму; другие находили, что она выведена из опыта; но вопрос этот никогда не был решен. Дальше мы увидим разрешение, предлагаемое Ведантой. Мы должны прежде всего понять, что вопрос "почему?" сам уже предполагает допущение, что всему нас окружающему предшествуют некоторые вещи и за всеми ими будут следовать другие. Другое верование, заключающееся в этом вопросе, то, что ничто во всей вселенной не существует отдельно, что на все действуют вещи,

находящиеся вне его; что все во вселенной находится во взаимной зависимости от всего прочего. Какую же мы делаем несообразность, спрашивая: "что было причиной Абсолюта?" Ведь, чтобы задать этот вопрос, мы должны раньше предположить, что Абсолют также зависит от чего-то другого и связан чем-то другим. Употребляя так слово "Абсолют", мы сводим его к уровню природы, тогда как выше линии, отделяющей его от природы, нет ни времени, ни пространства, ни причинности, но все – Одно и выше ума. У того же, что существует само по себе, у Одного, не может быть никакой причины. То, что свободно, не может иметь причины; иначе оно не было бы свободно. Поэтому сам вопрос: "Почему Бесконечное стало конечным?" – бессмыслица, фраза, сама по себе противоречащая.

Оставляя тонкости рассуждения в стороне и обращаясь к логике простого здравого смысла, мы, желая узнать, как Абсолют стал относительным, приходим с другой точки зрения к тому же самому результату. Предположим, что мы знаем ответ; остается тогда Абсолют или нет? Без сомнения – нет; он, ведь, стал относительным, ограниченным пределами нашего ума. Все, что в пределах нашего ума, мы знаем, но того, что вне его пределов, знать не можем. Если Абсолют ограничен пределами нашего ума, он уже не Абсолют, – он стал конечным. Поэтому, *знать Абсолют* – выражение само себе противоречащее. Вот почему на этот вопрос не получалось ответа, так как, если бы он был получен, никакого Абсолюта не было бы. Бог, которого знают, больше не Бог. Он стал конечным, подобно одному из нас, или любому предмету. Он не может быть известен, но всегда остается Единым, Непознаваемым. Адвайта, однако говорит, что этот Неизвестный, более чем познаваем. В этом необходимо разобраться. Вы не должны думать, что Бог непознаваем в том смысле, в котором это говорят Агностики. Мое знание о стуле, например, выражается словами, "он мне известен"; о том же, что находится за эфиром и существуют ли там люди, я "не знаю" и говорю, что мне "неизвестно" и "непознаваемо". В этом смысле слова "известен" и "неизвестен", "познаваем" и "непознаваем" – к Богу неприменимы: Он неизвестен, но больше, чем известен, и потому о Нем говорится, что Он не известен и не познаваем, не в том смысле, как о неизвестных и непознаваемых вещах. Наше знание о Боге гораздо больше, чем о каком-либо предмете, потому что только в Нем и через Него мы можем знать всякий предмет. Он истинная сущность знания, и вне, Его мы ничего знать не можем. Он, всемирный Я, сущность нашего "я", а мы не можем знать что-нибудь иначе, как в этом "я" и через это "я". Все мы знаем только в Брахмане и через Брахмана. Бог бесконечно ближе к нам, чем всякий предмет, и вместе с тем бесконечно выше. "Он неизвестен и не известен, но бесконечно выше того и другого, и выше нашего "я". Кто мог бы жить хотя бы одну секунду; кто мог бы хотя бы секунду дышать, если бы Он, Благословенный, не наполнял Собой эту вселенную? – В Нем и через Него мы дышим, в Нем и через Него существуем". Это не значит, что Он где-то находится и заставляет обращаться мою кровь; но значит, что Он Сущность всего. Душа моей души. Никоим образом нельзя сказать, что мы Его знаем. Чтобы знать что-нибудь, его надо прежде всего объективировать, поставить, так сказать, вне себя. Вспоминая, например, какой-нибудь предмет или лицо, мы объективируем их, проектируя из себя. Всякое воспоминание, все вещи, которые я видел и знал, все картины или впечатления всех вещей находятся в моем уме, и, когда я стараюсь вспомнить их, первое мое действие состоит в проектировании их вовне. Но этого нельзя сделать относительно Бога, потому что Он самая сокровенная сущность нашей души, и мы не можем, так сказать,

выделить Его из себя. Самые священные слова в Веданте следующие: "Он эссенция твоей души, Он – истина, Он – я. Ты – Тот, о Шветакету!" Это именно то, что понимается под "Ты Тот". Вы не можете описать Бога какими-нибудь другими словами. Все усилия языка, называние Его Отцом, братом, или самым дорогим другом, – будет попыткой объективировать Его, и потому невозможны. Он вечный субъект всего. Я субъект этого стула, я вижу его; совершенно также Бог – Вечный субъект моей души. Как можете вы объективировать Его, сущность вашей души, Действительность всех вещей? Повторяю еще, Бог не познаваем и не непознаваем, но нечто бесконечно высшее и одно с вами. То, что одно с нами, – не познаваемо и не непознаваемо, но совершенно то же, что мое я, по отношению ко мне, или ваше я – по отношению к вам. Вы не можете знать ваше собственное я, не можете выделить его и сделать предметом, на который могли бы смотреть со стороны, так как не можете отделить себя от него. Оно и не непознаваемо, потому что вы не можете объективировать себя и, следовательно, не можете сказать, что оно непознаваемо. Но что вам, в сущности, более известно, чем вы сами? Бог – предмет нашего познания в этом же смысле. Таким образом, Бог ни известен, ни непознаваем, но бесконечно превосходит и то и другое: Он – сущность всего Я.

Итак, мы видим, во-первых, что в самом этом вопросе есть противоречие и, во-вторых, что идея Адвайты о единстве Бога предполагает указанный выше род единства, т.е., что мы не можем объективировать Его, так как живем и движемся в Нем, независимо от того, знаем ли это или нет. Все, что мы делаем, мы делаем в Нем и через Него.

Затем остается вопрос, что такое время, пространство и причинность? Слово "Адвайта" обозначает полное отсутствие двойственности, т.е. что есть только одно, а не два. Предполагается, что есть Абсолют, проявляющийся – через время, пространство и причинность – как многое. Могло бы поэтому казаться, что существует два: Абсолют и *майя*, или совокупность времени, пространства и причинности. Положение, что существуют эти два, кажется неопровержимым. Но Адвайта отвечает, что их нельзя называть двумя. Во-первых, о времени, пространстве и причинности нельзя сказать, что они имеют независимое существование. Время безусловно зависимо, – оно изменяется от состояния нашего ума. Иногда, во время одного сна человек воображает, что прожил несколько лет; в другое время месяцы пролетают как секунды. Итак, время вполне зависит от умственного состояния. Затем идея о времени иногда совсем исчезает, а потом возвращается. То же самое и с пространством; мы не можем сказать, что оно такое. Оно недоступно определению и не может оставаться отдельно от всего прочего. То же и относительно причинности. Во всех их, – времени, пространстве и причинности – мы находим одну особенность, именно, что они не могут существовать отдельно от остальных вещей. Попробуйте думать о пространстве, которое не имеет ни цвета, ни границ, и никакой связи с вещами, в нем находящимися, о чисто-отвлеченном пространстве. Вы не в состоянии этого сделать. Вы принуждены представлять его между двумя границами или между тремя предметами. Чтобы иметь какое-либо существование, оно должно быть связано с каким-нибудь другим предметом. То же с временем. Нет такой вещи, как идея об отвлеченном времени; мы должны иметь два обстоятельства: одно – предшествующее и одно последующее, и связать их идеей времени. Время зависит от двух последовательных обстоятельств, также как пространство всегда зависит от двух внешних и одновременно существующих предметов. Идея причинности, в свою очередь,

требует как времени, так и пространства. Особенность всех трех, что они не имеют независимого существования, не имеют даже такого существования, как стул или стена. Они окружают все, но не имеют реального существования. Это тени, которые нельзя схватить; и все же нельзя сказать, что они не существуют, так как мы видим, что только при посредстве их все в этой вселенной проявляется, и только соединение их трех производит все разнообразные формы. Они подобны теням, сопровождающим все вещи. Их можно сравнить также с волнами. Волна тот же океан, и тем не менее мы знаем, что она волна и отличается от океана. Что же делает эту разницу? – Имя и форма; идея в уме и форма в воде. Можем ли мы думать о форме волны, как о чем-то отдельном от океана? – Конечно, нет. Идея о ней всегда связана с идеей об океане. Когда волна улеглась, форма исчезает, и все же эта форма не была иллюзией. Пока существует волна, форма также существует, и вы не можете не видеть ее. Это – *майя*. Вся вселенная есть, так сказать, особая форма в океане Абсолютного: и вы, и я, солнце и звезды, и все – не что иное, как множество разных волн в этом океане. Но что отличает одну волну от другой? Только форма. Форма же – это время, пространство и причинность. Они постоянно ставят преграды на нашем пути, а мы стараемся освободиться от них. Обратите внимание на теорию эволюции. Какие в ней два фактора? – С одной стороны – огромная потенциальная сила стремится запечатлеть себя, а с другой – окружающие условия удерживают ее и не позволяют отпечатываться. В целях борьбы с окружающим, эта сила постоянно создает новые тела. Маленькая амеба принимает в этой борьбе другую форму и побеждает некоторые препятствия, затем вырабатывает другие тела и преодолевает другие препятствия, до тех пор, пока не станет человеком. Если мы доведем эту последовательность до конца, то придем к заключению, что должно наступить время, когда та сила, что сперва была в амебе и потом постепенно раздвигалась, победит все препятствия, которые ей ставит природа, и освободиться от всего ее окружающего. Эту идею метафизика выразила бы так: каждое действие имеет две составные части, одна – субъект и другая – объект. Например, я чувствую себя несчастным, потому что другой человек бранит меня. Здесь обе эти части. Но в чем состоит стремление всей моей жизни? Сделать себя настолько сильным, чтобы победить воздействие на меня окружающего, так чтобы меня могли поносить, а я не чувствовал этого. В этом заключается способ, которым мы стараемся победить. А что такое нравственность? – Придание субъекту силы противостоять искушениям. Таким образом, если верно, как говорит ваша наука, что человеческое тело станет со временем приспособлено к окружающему, то из этого логически вытекает заключение, что настанет время, когда душа победит все ее окружающее и достигнет Абсолютного, так как природа конечна. Это то, чему учит Адвайта.

Нам остается еще выяснить, откуда мы знаем, что природа конечна? Это можно узнать только путем метафизики. Природа это Бесконечность, Абсолют, проявленный *в пределах* нас окружающего, и потому она ограничена, а следовательно – и конечна. Значит, должно наступить время, когда мы победим ее. Как же достигнуть этой победы? Изменить условия объективного окружающего мы не можем; надо очевидно найти другой способ. Посмотрим же, что делает, например, в подобном случае маленькая рыба, когда хочет убежать от своих врагов, находящихся в воде. Как она достигает победы над окружающими ее опасностями? Улетая в воздух и становясь птицей. Рыба ничего не изменяет ни в воде, ни в воздухе; изменение происходит только в ней самой. Изменение всегда субъективно, и победа над природой во всех

областях эволюции достигается изменением в самом субъекте. Применяя это к религии и нравственности, найдем, что победа над злом достигается также изменениями субъекта, В субъективной, стороне человека система Адвайта и черпает свою силу. Толковать о зле и несчастье бессмыслица, потому что они не существуют вне нас. Если я не чувствителен к гневу, он никогда не овладеет мной; если недоступен ненависти, никогда ее не почувствую. Это процесс, которым достигается победа посредством субъективной стороны, совершенствованием самого субъекта. Таким образом, Адвайта – единственная религия, которая согласуется с новейшими исследованиями, как в физической, так и в нравственной областях, и даже несколько опережает их, и вот почему она имеет такое сильное влияние на умы современной науки. Ученые исследователи находят, что старые дуалистические теории для них недостаточны, что они не удовлетворяют требованиям их разума. Адвайта же удовлетворяет им. Человек должен не только иметь веру, но и быть разумным в своей вере. Заставить его принимать все на веру – значило бы сделать его сумасшедшим. Одна дама прислала мне как-то свою книгу, в которой было сказано, что я должен всему в ней написанному верить. Там говорилось, что души, или чего-либо в этом роде, нет, но есть боги и богини на небе, с которым лучами света соединены все наши головы. Откуда она узнала все это? По ее словам, она была вдохновлена и хотела, чтобы я всему этому также поверил. Когда же я отказался, она сказала: "Вы, должно быть, очень дурной человек, и из вас ничего хорошего выйти не может".

Возможность идеи, в конце девятнадцатого века, что верны только наши фантазии или религия наших предков, все же религии, исходящие из других источников, ложны, – указывает, что в нас осталась еще некоторая слабость ума и что ее необходимо устранить. Я не хочу этим сказать, что такая слабость встречается только в вашей стране; она есть везде, и в моем отечестве больше, чем где бы то ни было. У нас это произошло потому, что Адвайту никогда не допускали к народу. Сначала ей овладели монахи и унесли с собой в леса, почему ее и назвали лесной философией. Но потом, благодаря Богу, явился Будда, проповедовал ее массам, и Буддизм распространился по всей стране. Эта философия два раза спасала Индию от материализма. Первый раз перед самым появлением Будды, когда широко распространился материализм настоящего времени, но гораздо худший. Теперь можно, пожалуй, и меня назвать материалистом, потому что я, как и материалисты, верю в существование Одного. Только они это Одно называют материей, а я Богом. Материалисты принимают, что все наши надежды, религия и все прочее произошло из одной материи, я же говорю, что все это получилось от Единого Брахмана. В Индии в то время, о котором я говорю, был материализм не этого рода, а старый, грубый, который проповедовал: "Ешь, пей и веселись; нет ни Бога, ни души, ни неба. Религия – это выдумки вредных жрецов". Нравственность этого материализма состояла в том, что, пока живешь, надо стараться жить счастливо, – ешь, хотя бы занимая для этого деньги, и никогда не думай об отдаче. Такой материализм распространился в Индии настолько, что даже теперь он носит название народной философии. Вот тогда-то Будда вынес из лесов Веданту, дал ее народу и спас Индию. Через тысячу лет после смерти Будды подобное же положение вещей повторилось. Масса мужчин и женщин разных рас, населявших в это время Индию, приняла Буддизм и была очень предана его философским идеям. Но большинство народа стояло тогда на слишком низкой ступени цивилизации и было заражено всякого рода суевериями; благодаря, однако, этой философии, стало нравственным и

добрым. Но это продолжалось не долго. Понемногу люди вернулись к своим прежним богам, дьяволам, домовым и лешим, и из Буддизма в Индии получилась самая ужасная смесь. После этого, материализм восторжествовал опять, с его распущенностью в высших классах и суевериях в низших. Тогда явился Шанкарачарья и восстановил философию Веданты. Он нашел, что это единственный способ спасти Индию от нравственной неурядицы. На первое время он сделал из нее рационалистическую философию, так как аргументы Упанишад были очень туманны. Будда развил до крайности нравственную сторону этой философии, Шанкарачарья разработал ее интеллектуальную сторону, согласовал ее с разумом и в обновленном виде представил человечеству. Совершенно такой же материализм существует теперь у вас, и спасение Европы еще раз зависит от того, будет ли ей найдена религия, могущая действовать на человеческий разум. Такая религия должна быть основана на идее о не-дуализме, или единстве всего, и о Безличном Боге, и она является всегда, когда прежние религии по-видимому исчезают и начинает преобладать неверие. Вот почему и теперь она пустила уже корни в Европе и Америке. К ней остается прибавить только одно. В старых Упанишадах масса поэзии: писавшие их были великие поэты. Вы помните, вероятно, слова Платона что вдохновение приходит в мир через поэзию; и кажется, что Риши Упанишад были поэтами, ниспосланными человечеству именно с целью сообщить в поэзии самые высочайшие истины. Они никогда не проповедовали, не философствовали, не писали, – от них исходили только музыкальные мелодии. В Будде мы имеем великое, объемлющее весь мир сердце и бесконечное терпение; он создал практическую религию и принес ее в каждую хижину. В Шанкарачарье находим огромную интеллектуальную силу, освещавшую все ярким дневным светом. Теперь мы нуждаемся в том, чтобы яркий свет разума Шанкарачарья соединился с сердцем Будды, с этим сердцем безграничной любви и милосердия. Это еще возвысит Адвайту, и она будет признана высочайшей философией. В ней найдут тогда место самые высокие рассуждения рядом с удивительной любовью; наука и религия встретятся и подадут друг другу руки; то же сделают поэзия и философия. Такова должна быть религия будущего, и, стремясь содействовать ее выработке, мы можем быть уверены, что она удовлетворит все века и все профессии. Размышляя об этом, вы, может быть, сами найдете, что это единственный путь, на который может окончательно вступить современная наука, тем более, что она уже почти наткнулась на него. Когда один из ваших великих ученых говорит вам, что все есть проявление одной силы, то не думаете ли вы, что эта сила и есть тот самый Бог, о Котором вы слышали в Упанишадах? "Как один огонь, входя во вселенную, проявляет себя в разных формах и все-таки его остается позади бесконечно больше, совершенно также одна Душа проявляется, как разные души, но ее остается еще непроявленной неизмеримо больше".

Разве вы не видите, как наука ведет людей к одному и тому же? Индусы изучали ум путем метафизики и логики. Европейцы исходили из внешней природы. Но как те, так и другие, пришли к одному результату. Исследуя природу ума, мы пришли к Единству, Всемирному Одному, самой сокровенной Душе всех вещей, Сущности и Реальности всего, к Вечно Свободному, Вечно Блаженному и Вечно Существующему. А теперь наука о материи привела нас к Тому же Единству, к тому Одному, чье все эти формы и силы только проявление, что представляет собой совокупность всего существующего. В этом объединении религии и науки путь человечества к нравственности, а

следовательно – и к свободе, так как путь к свободе лежит через нравственность, а безнравственность всегда ведет к рабству.

Другая особенность системы Адвайты состоит в том, что она уже в самых первоначальных своих положениях не стремится к опровержению чужих религий, но смело заявляет: "Не тревожь веры даже тех, кто вследствие своего невежества привязан к низшим формам богочитания". Наша философия учит – не нарушать ничьего спокойствия, но каждому помогать взбираться все выше и выше. Если верно то, что мы заявляем, говоря, что проповедуем Бога, Который есть совокупность всех вещей во вселенной, то наше учение должно включать в себя всех. Всемирная религия, цель которой удовлетворять каждого, не должна проповедовать Бога, Который может быть признан только частью человечества, но такого, которого могут признать все. Эта идея не проведена ясно ни в какой другой системе, хотя все одинаково стремятся достигнуть такой общей всему миру формы и всех объединить в себе. Части существуют только для того, чтобы они стремились стать одним целым. Адвайта с самого начала не проявляла никакого антагонизма к различным сектам, существовавшим в Индии. Там теперь значительное большинство состоит из дуалистов, – потому что дуалистические идеи естественно более подходят к мало развитым умам, которым они дают очень удобные, естественные и здравые объяснения, как справедливо говорят дуалисты, – но Адвайта не спорит с ними. Дуализм считает, что Бог вселенной обитает где-то в небесах, вне вселенной, а Адвайта признает, что Бог вселенной есть собственная душа человека и что богохульство называть Его каким-либо именем, указывающим на Его отдаленность от человека. Адвайтист говорит, – как можно заявить, что Бог в небесах, или в другом месте? – всякая подобная идея ужасна. Он может быть только ближе всего самого близкого к нам, и ни в одном языке нет слов для выражения этой близости, кроме слова Единство. Как дуалиста пугает идея Адвайтиста и он считает ее богохульством, совершенно также Адвайтиста страшит идея дуалиста, и он восклицает, как смеет человек объективировать Его? Но Адвайтист понимает положение дуалиста и не спорит с ним. Он говорит, – дуалист совершенно прав, так как со своей точки зрения он видит только часть истины и, пока видит так, должен находить многое, а не одно. Бог, видимый только в части вселенной, всегда будет казаться находящимся вне души. Это необходимость, присущая точке зрения дуализма. Адвайтист знает, что дуалисты, каковы бы ни были недостатки их теорий, все стремятся к той же цели, что и он, и потому не спорит и не ссорится с ними. В этом он совершенно отличается от дуалиста. Дуалисты во всем свете верят в Личного Бога, представляя Его как человека, только большего, чем обыкновенный человек, и, так как они видят, что люди, не исключая и самых сильных, одних любят, а других нет, то ту же идею применяют и к Богу, Который, по их мнению, любит одного и не любит другого. Это вы встретите у всех древних народов. Всякое племя или народ говорит: "Мы и никто другой – любимцы Бога. Если вы с раскаянием и смирением примете нашу религию, то также войдете в Его милость". Некоторые дуалисты, однако, гораздо суровее: они утверждают, будто только немногие предназначены к спасению, остальные же могут сколько угодно ползать на коленях и плакать, но не удостоятся Его милости. Я прошу вас указать мне хотя бы одну дуалистическую религию, которая бы не отличалась такой исключительностью. Отсюда естественно следует, что они должны бороться и ссориться со всеми другими, что постоянно и делают. Дуалисты всегда пользуются расположением толпы, потому что тщеславие у необразованных всегда популярно. Без сомнения, оно бывает

иногда популярно и среди образованных, но не так часто. Дуалист думает, что нельзя быть нравственным, если у вас нет Бога, стоящего с палкой в руке и всегда готового наказать вас. Как являются подобные идеи? – Очень просто. Представьте себе, что нам читала бы лекции о нравственности лошадь, одна из искалеченных извозчицких кляч, которую всегда подгоняли кнутом и которая привыкла двигаться только при этом условии. Если бы она заговорила о человеческой нравственности, то наверно сказала бы: "Люди в Лондоне должны быть очень безнравственны, так как их не бьют постоянно кнутом". Совершенно так же смотрят и дуалисты. Невежественные массы, состоящие обыкновенно из дуалистов, в течение тысячелетий, во всех странах постоянно подвергались наказаниям, и у них укоренилась идея, что без страха наказания невозможно спасение, самое же спасение заключается в отсутствии такого страха. Один пастор в Англии говорил мне: "Как у вас, в вашей религии, нет дьявола? Да этого быть не может!"

С другой стороны, мы видим, что самые лучшие и великие люди, каких только производил мир, всегда держались высоких безличных идей. Человек, влияние Которого распространяется на миллионы и в течение тысячелетий продолжает приносить добро, говорит в Новом Завете: "Я и Отец – Одно". Этот Человек не был дуалистом, но так как массы не могли видеть ничего выше, чем Личный Бог, то из милосердия к ним Он учил их: Молитесь Ему, как вашему Отцу в небесах, а когда придет время, вы увидите, как и Я, что "Я в вас и вы во Мне, и что вы можете быть Одно с Отцом так же, как Я и Отец – Одно".

В Индии был великий Будда, никогда не признававший дуалистических богов, и массы называли его атеистом, материалистом, – и кем только не называли, – хотя он готов был пожертвовать своим телом, даже ради бедного козла. Этот человек возбудил самые высокие нравственные идеи, какие когда-либо были у какого-либо народа. Везде, где есть кодекс нравственности, есть и луч света, исшедший от этого человека. Мы не можем заключить великие сердца мира в тесные границы и удержать их там, особенно в настоящее время человеческой истории, когда интеллектуальное развитие достигло степени, о которой даже не мечтали сто лет назад, а волна научного знания поднялась на высоту, о которой никому не снилось и пятьдесят лет назад. Загнать людей силой в узкие границы личных выгод невозможно, если вы не развратите их до состояния животных, не сделаете их массой, неспособной думать. Что теперь необходимо, так это объединение самой высокой интеллектуальности с самым широким сердцем. Ведантист говорит, что бесконечная любовь и бесконечное знание составляют одно с бесконечным существованием, и он не придает Богу никаких атрибутов, кроме трех, – именно, что Он есть Бесконечное Существование, Бесконечное Знание и Бесконечное Блаженство, и что эти три составляют Одно. Существования без знания и любви не может быть. Не может быть также знания без любви, и любви без знания. Нам не достает гармонии Существования, Знания и Бесконечного Блаженства, и наша цель – совершенствование Существования, Знания и Блаженства, но не одностороннее развитие. Мы хотим гармонии. И, так как совместить интеллект гиганта с сердцем Будды вполне возможно, то я верю, что все мы можем достигнуть этой цели и молюсь о ее достижении.

КОСМОС – МАКРОКОСМ

Прекрасны цветы, нас окружающие, прекрасно утреннее восходящее солнце, прекрасны бесчисленные переливы красок в природе. Прекрасна вся природа, и человек любовался ей с самого начала своего присутствия на земле. Величественны и страшны горы, гигантские стремительные реки, бегущие в океан, необозримые пустыни, почти бесконечное море, звездное небо – все вокруг нас прекрасно, все внушает ужас и восхищение. Вся та масса существования, которую мы называем словом "природа", действовала на человеческий ум с незапамятных времен. Она производила впечатление на человеческую мысль и, как реакция этого впечатления, возникали вопросы: "Что это? Откуда оно?" Уже в самых первых частях древнейшего человеческого произведения – Вед, мы встречаем те же вопросы: "Откуда это? Кто создал эту природу в то время, когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего, и мрак покрывался мраком? Как она создана? Кто знает эту тайну?" И те же вопросы стоят перед нами и теперь! Миллионы раз делались попытки ответить на них, но и до сих пор они ждут еще ответа. Это не значит, что все ответы были неудачны; напротив, в каждом из них была доля истины, и эта истина с течением времени все накапливалась и будет еще накапливаться. Я попробую представить вам, в связи с современным человеческим знанием, свод ответов, собранных мной у древних Индийских философов.

В ответах их на этот древнейший из древних вопросов мы находим указание на то, что кое-что по этому предмету уже в то раннее время было известно. Так, слова: "Когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего" показывают, что люди тогда уже знали о существовании периода, когда этот мир не существовал; знали, что было время, когда не существовали ни небесные светила и планеты, ни земля с ее морями и океанами, реками и горами, деревьями и городами, растениями, животными, птицами и людьми. Но, верно ли это? Попробуем проследить, как пришли к такому заключению. Посмотрим, что человек постоянно видит вокруг себя. Возьмем, например, растение. Оно выходит из семечка, поднимается медленно из-под земли, растет, становится иногда огромным деревом и потом умирает, оставляя только семя. Затем повторяем тот же круг: семя прорастает, становится деревом и оставляет после себя опять семя. Или посмотрите на бабочку, как она выходит из яйца, превращается в прелестное насекомое, живет и умирает, оставляя новые яйца, семена будущих бабочек. То же самое видим у всех животных и у человека. Все начинается с яйца или зародыша, т.е., некоторых тонких форм, растет и в течение неизвестного времени развивается, а затем выделяет из себя прежнюю тонкую форму и погибает. Капля дождя, в которой играет солнечный луч, выделилась из океана в форме пара, поднялась высоко в воздух и достигла вершины горы, там обратилась в снежинку, затем опять в воду и теперь течет за тысячи миль назад, к родному океану. То же происходит и со всем, что окружает нас в природе. Даже величайшие горы образованы глетчерами и реками, которые медленно, но неустанно дробят их, обращают в песок, а затем увлекают этот песок в океан и осаждают на дне, где он становится твердым, как скала, и нагромождаясь слой за слоем, становится в будущих веках опять горами. Эти опять раздробляются, и прежний круг повторяется снова: огромные горы образуются из песка и обращаются опять в песок. То же происходит с звездами и всеми небесными телами. Наша земля произошла из туманности и, становясь все холоднее и холоднее, образовала уплотненную форму, на которой мы живем. Она будет продолжать охлаждаться до тех пор, пока не умрет, а затем, разбитая в куски, обратится в пыль и вернется к своей первоначальной форме, туманности. Такие изменения

происходят на наших глазах каждый день. Они продолжаются с незапамятных времен, и в этом состоит история человека, история природы, история всей жизни.

Если верно, что природа однообразна в своей деятельности, а никакой опыт до сих пор не противоречил этому, – если верно, что тот же способ, каким образуется маленькое зерно песку, действует и в создании гигантских солнц и звезд, и всей этой вселенной, если верно, что весь этот космос построен по тому же плану, как и отдельный атом, если верно, что тот же закон господствует во всем мире, тогда, – как давно сказано в Ведах, – зная один ком глины, мы будем знать природу всей глины, какая есть во вселенной; тогда, если мы возьмем одно маленькое растение и изучим его жизнь, мы поймем всю жизнь растения; если станем наблюдать движение в одном зерне песка, узнаем секрет образования планеты. Применяя этот метод изучения к каждому из явлений, находим, что везде происходит то же или почти то же самое. Горы образуются из песка и обращаются в песок, воды рек осаждаются из пара и превращаются в пар, растения вырастают из семени и оставляют после себя семя, звезды, солнце и планеты образуются из туманностей и обращаются в туманности, и человек развивается из зародыша и оставляет только зародыш. Чему же это нас учит? – Тому, что проявление, или более грубое состояние, всегда следствие, а более тонкое состояние – причина. Уже Капилой, великими отцом всей философии, тысячи лет назад было показано, что разрушение значит возвращение к причинам. Если этот стол разрушится, он только вернется к своим причинам, к тем тонким формам и частицам, которые, соединившись, образовали форму, называемую столом. Когда умирает человек, он возвращается к элементам, составившим его тело; если умрет земля, она вернется к составным частям, которые образовали ее форму. Вообще то, что называется разрушением, есть возвращение назад к причине. Отсюда заключаем, что следствие то же, что причина, а не нечто, отличное от нее. Оно то же самое, только в другой форме. Материалы, из которых сделан этот стол, причины, а стол их следствие, и все причины находятся в нем. Этот стакан следствие, имеющее свои причины, и эти причины присутствуют в своем следствии. Некоторое количество материала, называемого стеклом, плюс сила рук работника, вот две причины, – орудие и материал. Обе они соединились, чтобы произвести форму, которая называется стаканом, и обе в ней находятся. Сила, придавшая стеклу форму стакана, присутствует в нем, как сила сцепления, без которой частицы распались бы; материал в нем также налицо; все же вместе только проявление этих тонких причин в новой форме. И, если этот стакан разбит в куски, сила, которая была в нем в форме сцепления, уйдет и соединится со своими составными частями, а частицы стекла возвратятся к бесформенному состоянию и останутся в нем, пока не будут переработаны в новые формы.

Таким образом, мы видим, что следствие никогда не отличается от причины. Оно только воспроизведение последней в более грубой форме. Дальше мы узнаем, что все различные формы, которые мы называем растениями, животными или человеком, повторяются бесконечно, то возникая, то исчезая. Семя производит дерево, дерево разрушается и становится семенем; вновь появляется в виде другого дерева, опять гибнет, оставляя другое семя, и т.д. без конца. Дождевая капля катится с горы к океану, поднимается от него в виде пара, идет к горе и опять падает в реку. Так, в подъемах и падениях, проходит целый цикл. И это происходит со всеми жизнями и со всем существующим, со

всем, что мы можем видеть, слышать или воображать. Все, что в пределах нашего знания, происходит, таким образом, подобно вдыханию и выдыханию воздуха в человеческом теле. Все создание продолжается в форме, подобно волне, вздымающейся и опускающейся, опять вздымающейся и опускающейся, и т.д. Вследствие однообразия в этом отношении всей вселенной, этот закон, очевидно, должен применяться во всех ее областях. Весь этот космос должен когда-то разложиться в свои причинные формы: солнце, луна, звезды, земля, тело человека и его ум, и все, из чего состоит вселенная, должно распасться на свои более тонкие причины, разрушиться и исчезнуть. Но все, из чего они составлены, будет продолжать жить в состоянии тонких форм, из которых потом образуются земля, солнце, луна, звезды и проч.

Относительно возникновения и исчезновения существований, следует заметить еще другой факт. Семя происходит от дерева и затем делается само деревом, но не тотчас. Оно должно переждать период покоя, или вернее, период очень тонкой непроявляющейся деятельности, должно некоторое время работать под поверхностью земли, разложиться и как бы выродиться, и только после вырождения для него наступит период возрождения. Вся вселенная должна также в течение некоторого периода работать в тонкой форме, невидимая, непроявленная, – в том состоянии, что называют хаосом, или началом создания, – и только после того она может опять проявиться как новое творение. Весь период, проявление одной волны, ее обращение в более тонкую форму и пребывание в этом состоянии до нового проявления, называется по-санскритски Кальпа, или цикл. В течение каждого такого цикла вся вселенная повторяется: от безграничного космоса до самой маленькой частицы материи в ней, все движется в виде указанных выше волн.

Теперь мы подошли к вопросу, чрезвычайно важному, особенно в настоящее время. Мы видели, что тонкие формы развиваются в грубые очень медленно, только постепенно становясь все грубее и грубее. Видели также, что причина – то же, что следствие, та же причина, только воспроизведенная в другой форме. Отсюда следует, что вселенная не могла произойти из ничего. Ничто не может быть без причины, и сама причина должна находиться в следствии, в его более тонкой форме. Из чего же тогда произошла вселенная, какой мы ее видим? – Из предшествовавшей тонкой вселенной. А из чего произошел человек? – Из предшествовавшей тонкой его формы. Из чего произошло дерево? – Из тонкой формы, называемой семенем, в котором находится уже целое дерево и из которого оно выходит в проявление. Таким же образом вселенная, какой мы ее знаем, сотворена из той же самой вселенной, существовавшей в ее тонкой форме. Теперь она проявляется, но опять вернется в тонкую форму и затем снова проявится. Мы видим, что более тонкие формы медленно развиваются и становятся все грубее и грубее, пока не достигнут известного предела, а когда достигнут его, идут назад и опять становятся все тоньше и тоньше. Этот последовательный переход из тонких форм во все более и более грубые в новейшее время назван эволюцией. Мы видим ее ежедневно, и ни один разумный человек не станет спорить с эволюционистами. Но мы должны отметить одну вещь, а именно, что каждой эволюции предшествует инволюция. Семя – отец дерева, но другое дерево было отцом семени. Семя – это тонкая форма, из которой выходит дерево, но другое дерево было формой, заключавшей в себе это семя, и все дерево находилось в последнем. Ничто не происходит из ничего, но дерево выходит из семени, и известные семена производят только известные деревья, а не какие-

либо другие. Таким образом, мы видим, что причиной дерева было известного рода семя, в котором уже заключалось все это дерево. Целое человеческого существа было в зародышевой протоплазме, которая мало-помалу разворачивалась: целое же настоящей вселенной было когда-то свернутым в космической тонкой вселенной. Все присутствует в своей собственной причине, в своей более тонкой форме. Поэтому теория эволюции, или постепенного разворачивания этих проявлений во все более и более грубые формы, совершенно верна, только всякой эволюции предшествует инволюция. Так, маленькая клетка, из которой потом выйдет большой человек, уже теперь – свернутый большой человек, и из нее он проявится и развернется в эту большую форму. Если эволюционисты признают это, то нам не о чем будет спорить с ними, так как дальше увидим, что, приняв это положение, они, вместо того, чтоб разрушать религию, станут ее усерднейшими защитниками. Итак, ничто не создано в том смысле, что что-то произошло из ничего. Все существовало в течение всей вечности и будет вечно существовать. Но процесс этого существования имеет форму чередующихся волн, представляя собой то возвращение к более тонким формам, то проявление в грубых. Так инволюция и эволюция во всей природе постоянно сменяют друг друга. Целое вселенной, прежде чем проявиться, было свернутым, а теперь разворачивается во всевозможные формы, чтобы опять затем свернуться. Возьмем, например, жизнь маленького растения. Единство ему дают две вещи: рост, или развитие, и увядание, или смерть. Эти объединяющие причины и составляют жизнь растения. Рассматривая жизнь в настоящее время, как одно звено в цепи эволюции, мы можем считать всю серию звеньев, начиная с протоплазмы и кончая наиболее совершенным человеком, одной жизнью. Здесь человек представляет одно звено, а, как говорят эволюционисты, разные формы обезьян, четвероногих, затем низших животных и растений – другие звенья. Возвращаясь к самым маленьким частицам, с которых начинается эволюция жизни, и принимая всю серию за одну жизнь, приложим к ней только что открытый нами закон, – что каждая эволюция предполагает инволюцию чего-то, существовавшего раньше. Мы найдем при этом, что вся серия, начиная с самых низших и кончая самыми высшими, до совершенного человека, должна быть инволюцией чего-то другого. Тут возможен вопрос – инволюцией чего? Что здесь инволюционировало? Эволюционист скажет вам, что конечно не Бог, что идея о Боге ложна. На вопрос – почему? – он ответит: "потому, что, хотя вы утверждаете будто разум уже присутствовал при создании вселенной, но мы каждый день видим, что разум в процессе эволюции появляется значительно позже. Он есть у человека и у высших животных, которых мы считаем разумными: но мир существовал миллионы лет прежде, чем эти существа появились". Не пугайтесь того, что они говорят, но примените открытый нами закон. Дерево выходит из семени и возвращается в семя, земля образуется из своей причины и оканчивается той же причиной, и это происходит со всеми вещами; начало и конец всего всегда один и тот же. Что же представляет конец всей нашей серии? Мы знаем, что если мы можем найти начало, то можем найти и конец и обратно – найдя конец, найдем и начало. Итак, возьмем всю эволюционирующую серию, от протоплазмы на одном конце и до совершенного человека – на другом, и будем на нее смотреть, как на одну вещь. На конце серии мы видим совершенного человека. В начале он, очевидно, был тем же самым. Протоплазма, таким образом, представляла инволюцию самой высшей разумности; другого заключения сделать нельзя. Но это свернувшаяся разумность есть то, что постепенно затем разворачивается, пока не станет появляться в самом совершенном человеке. Это может быть доказано с

математической точностью. Действительно, если закон сохранения энергии верен, вы не можете извлечь из машины ничего, чего раньше не вложили в нее. Работа, которую вы получаете от паровой машины, совершенно точно равна энергии, вложенной вами в машину, в форме воды и угля, – ни на волос больше, ни на йоту меньше. Работа, которую я произвожу теперь представляет совершенно точно ту силу, которую я вложил в себя, в форме воздуха, пищи и других вещей. К имеющимся в экономии природы материи и силе не может быть приложено и от них не может быть отнято ни малейшей частицы, ни одного пудо-фунта. Раз это так, то откуда взялся разум совершенного человека, если его не было в протоплазме? Если его там не было, то он должен был появиться вдруг, получиться из ничего, что, конечно, абсурд. Отсюда необходимо следует, что как все другие существа кончают тем, чем начали, и только одно время инволюционируют, а другое эволюционируют, совершенно также и совершенный, свободный человек, человек-Бог, ставший выше законов и всего в природе, не имеющий более нужды проходить через цепь последовательных рождений и смерти, – "человек-Христос", как его называют христиане "человек-Будда" буддистов и "Свободный", по выражению Йоги, – разившись из клетки протоплазмы и составляя конец эволюционирующей серии, несомненно находился свернутым в той же клетке протоплазмы. Вернемся теперь к вселенной. Что, по нашему мнению, должно быть ее концом? – Она развилась из Разума, и последнее, чем закончится ее эволюция, очевидно тот же Разум. Эволюционисты считают разум последним звеном в порядке создания, а – значит, – он должен быть и первым звеном, т.е., его причиной. Таким образом, последняя из теорий о вселенной подтверждает древнюю теорию намеренности ее создания, разумного приспособления всех ее частей. Мы расходимся с новейшими материалистами только в том, что признавая разум последним продуктом в порядке создания или эволюции, вместе с тем утверждаем, что если он последний, то должен быть также и первым. Материалист скажет: "Прекрасно; но ведь, прежде чем появился человек и какое бы то ни было разумное существо, прошли миллионы лет, и в это время не было разума". На это мы ответим: тогда не было проявленного разума, но разум непроявленный существовал и, так как конец создания есть разум, проявляющийся в совершенном человеке, то и началом творения должен был быть тот же Разум. В начале он был свернутым, а в конце развернулся. Сумма его, действующая в настоящее время во вселенной, должна быть равна сумме разума, находившегося в свернутом состоянии в непроявленной вселенной. Этот всемирный Космический Разум и есть то, что мы называем Богом. Называйте его какими хотите именами, но это не ослабит верности положения, что началом всего был этот бесконечный Космический Разум. Существовая вначале в своих тонких формах, он стал потом тем самым разумом, который теперь действует и развивается, пока не проявится в виде совершенного человека, "человека-Христа", "человека-Будды", и затем опять вернется назад, к своему первоисточнику. Вот почему все писания говорят: "В Нем мы живем, движемся и существуем". Вот почему все они проповедуют, что мы пришли от Бога и идем к Богу. Не смущайтесь философскими терминами; если слова пугают вас, вы не годитесь быть философами. Итак, Космический Разум есть то, что теологи называют Богом.

Меня часто спрашивали: "Зачем вы употребляете это устаревшее слово Бог?" – Потому, что оно самое лучшее слово, какое только можно было придумать. Все страстные желания, все радости и надежды человечества сконцентрированы в этом слове. Его невозможно и не следует изменять. Великие святые, гигантские

Души, установившие это слово, знали его сущность и вполне понимали его значение. Но когда это слово проникло в общество, и его стали употреблять невежественные люди, оно утратило все свое величие. Слово "Бог" перешло к нам от незапамятных времен, и с ним связано все великое и святое, все; что означается словом "всемирный разум". Думаете ли вы, что мы должны его бросить потому, что несколько глупцов говорят, что оно неправильно? Придут другие и скажут: "Возьмите мое слово"; а еще другие – "Возьмите мое". И, если мы будем слушать их всех, не будет конца придумыванию глупых названий. Пользуйтесь старыми словами, но пользуйтесь ими разумно, очищая свой ум от суеверий и давая себе ясный отчет в том, что под этими словами и древними выражениями разумеется. Если вы усвоили то, что понимается под силой закона ассоциации, вы должны знать, что с этими словами связано бесконечное число величественных идей огромной силы, что они употреблялись миллионами человеческих душ и что миллионы людей почитали эти слова и называли ими все самое высокое и лучшее, все разумное и достойное любви, все что есть великого и высокого в человеческой природе. Таким образом, они пришли к нам, нагруженные внушениями всех этих ассоциаций, и не могут быть откинута. Если бы я пытался убедить вас, только утверждая, что Бог создал вселенную, это не имело бы смысла: и ни к чему не привело бы; но мы пришли к Нему, к Древнему Одному, путем долгих усилий. Мы нашли, что сущность космической энергии, известной как материя, мысль, сила, разум, или называйте ее как хотите, есть только проявление Космического Разума, или, как мы будем называть его, Всевышнего Господа. Все, что вы видите, чувствуете или слышите, все что есть во вселенной, все это Его создание, или, выражаясь несколько правильнее, Его проявление, а еще точнее, – Сам Бог. Это Он, что светит как солнце и звезды; Он – наша мать-земля, Он – океан. Он приходит в благотворных дождях; Он воздух, которым мы дышим, и Он – то, что действует, как сила нашего тела. Он язык, который говорит. Он – человек объясняющий и Он же слушающая аудитория. Он – платформа, на которой я стою. Он – свет, дающий мне возможность видеть ваши лица, Он – все. Он – материал и творческая причина этой вселенной, и Он то, что, свернутое вначале в самой маленькой клетке, развивается и является на другом конце (эволюции) как Бог. Он нисходит и становится самым низшим атомом, а затем, медленно обнаруживая свою истинную природу, является самим собой. В этом тайна вселенной. "Ты – человек, Ты – женщина, Ты сильный мужчина, гордый своей юностью, Ты – старик, шатающийся на своих костылях. Ты – во всем. О, Господи! Ты – все!"* В этом единственное разрешение тайны Космоса, могущее удовлетворить человеческий разум. Одним словом, мы рождены в Нем, в Нем живем и в Него, наконец, возвратимся.

* Шветашватара Упанишад (IV-3).

КОСМОС – МИКРОКОСМ

Человеческий ум имеет естественную склонность познавать; он постоянно стремится, так сказать, выйти из тела и войти в соприкосновение с предметами познания, посредством органов и орудий чувств. Чувства эти устремляются на внешние предметы: глаз смотрит на них, слух слушает, осязание ощущает. Поэтому и самые ранние вопросы, на которые человек требовал ответа, касались внешнего мира. Он искал разрешения тайн неба, звезд, земли, рек, гор, океана; и во всех древних религиях мы находим следы того, как

человеческий ум, сначала ощупью, составлял представления об окружающем его. У него были боги неба, облаков, дождя, рек; все внешнее, что мы называем теперь явлениями и силами природы, олицетворено им в богах или посланниках неба. По мере того, как вопросы углублялись, внешние явления перестали удовлетворять человеческий ум, его энергии направилась внутрь, и вопросы коснулись, наконец, души человека. От макрокосма она отразилась внутрь, к микрокосму: от внешнего мира – в мир внутренний. От анализа внешней природы человек перешел к анализу своего собственного я и внутренней сущности всего мира. Это могло произойти только с наступлением высшего состояния цивилизации, более глубокого понимания природы и более высокой степени умственного развития.

Предметом нашей сегодняшней беседы будет исследование вопроса о внутреннем человеке.

Сколько миллионов раз и в скольких странах возбуждался этот вопрос! Короли и ученые, богатые и бедные, святые и грешники, все от времени до времени спрашивали: Есть ли в мимолетной человеческой жизни что-нибудь постоянное, не уничтожающееся? Нет ли в человеке чего-нибудь продолжающего жить после того, как его внешняя форма, тело, превратится в горсть праха? Нет ли чего-нибудь, переживающего огонь, который сжигает тело? И, если есть что-нибудь, какая его судьба, откуда оно приходит и куда уходит? Эти вопросы постоянно возбуждались, и, пока человеческий ум будет мыслить, до тех пор будут снова и снова повторяться. И это не потому, что на них не получалось ответов; напротив, ответы получались во все времена и, чем дальше, тем становились все основательнее. В сущности, ответ был дан еще тысячи лет назад, а после только возобновлялся и выражался более понятно для нашего разума. Поэтому мне остается только повторить тот же ответ, и я не имею ни малейшей претензии пролить на этот всеобъемлющий вопрос какой-либо новый свет. Я пытаюсь только изложить вам на современном языке мысли древних об этой старой истине, передать в простой форме идеи философов, выразить мысли ангелов и Бога так, чтобы они могли быть поняты бедным человеческим умом. Дальше мы увидим, что эта задача выполнима, так как Божественное Существо, от Которого исходили эти идеи, присутствует в человеке, а Существо, создавшее мысли, конечно, поймет их и после своего проявления в человеке.

Вот, я смотрю на вас. Как много нужно, чтобы я мог вас видеть. Во-первых, глаза. Если во всех прочих отношениях моя организация совершенна, но у меня нет глаз, я не буду в состоянии видеть вас. Таким образом, первая необходимая вещь – обладание глазами. Но глаз не достаточно, если за ними нет действительного органа зрения, так как глаза не органы, – они только орудия зрения, орган же позади них, это нервный центр в мозгу. Если этот центр поврежден, человек может иметь пару самых превосходных глаз и все же ничего не будет видеть. Итак, вторая необходимая вещь нервный центр, действительный орган зрения. То же следует сказать и о всех прочих наших чувствах. Внешнее ухо только орудие, приносящее внутрь звуковые колебания; оно должно принести их к центру, или органу слуха. Но и этого недостаточно. Бывает иногда, что вы сидите, внимательно читая книгу, и в это время часы бьют двенадцать, а вы и не слышите боя. Здесь налицо: и звук, и ухо, и орган слуха: колебания воздуха достигли вашего уха, и ухо передало их нервному центру, но вы все-таки не слышите. Чего же не достает? Не достает третьего

условия, – присутствия ума. Итак, первая необходимая вещь – внешний инструмент, вторая передача ощущения инструментом органу и затем – соединение органа с умом. Если ум не соединен с органом, внешнее орудие и орган могут получить ощущение, но мы не будем сознавать этого. Ум, в свою очередь, также только орудие: он должен принести ощущение еще дальше и передать его интеллекту, чтобы тот определил, что ему принесено. Но и этого еще недостаточно. Интеллект должен перенести ощущение дальше и представить со своим определением управляющему телом – человеческой душе, царю, сидящему на троне, от которого затем исходит приказание: "Делай это", или – "Не делай этого". Приказание идет в обратной последовательности, – к интеллекту, уму, органам и внешним орудиям. Это и составит полное восприятие.

Орудия находятся во внешнем, грубом теле: но ум и интеллект вне его. Они составляют то, что в Индусской философии называется тонким, а в Христианской теологии духовным телом человека. Они гораздо тоньше, чем грубое тело, но еще не душа, которая выше их. Внешнее тело по прошествии нескольких лет погибает: всякая ничтожная причина может повредить и разрушить его. Тонкое тело не так легко разруσιμο; но и оно то ослабевает, то бывает сильнее. Мы видим, что, когда тело сильно, и ум становится сильным, что у стариков его сила иногда слабеет, что некоторые лекарства, медицинские средства и всякие внешние воздействия влияют на него, и что он вообще отвечает контрреакцией на внешний мир. Как тело то прогрессирует, то приходит в упадок, совершенно так же и у ума бывают периоды силы и слабости. Поэтому ум – не душа, так как душа – нечто простое и не может испытывать ни ослабления, ни разрушения. Но откуда мы знаем все это? Как можем мы знать, что есть что-то даже за нашим умом? Знание само светит, само познает себя и, представляя собой ядро и основание интеллекта, не может принадлежать тонкой и мертвой материи. Никогда еще не видана материя, которая в своей сущности заключала бы интеллект. Никакая темная или мертвая материя не может познавать себя. Всякую материю освещает разум. Этот зал существует только благодаря разуму, и остается неизвестным, пока его не сопровождает какой-нибудь разум. Тело не самосветяще; если бы оно было таким, то таким оставалось бы и в мертвом человеке. Ни ум, ни духовное тело не имеют собственного света, – в них нет сущности разума. То, что самосветяще, не может уничтожиться. Свет того, что светится заимствован светом, является и исчезает. Но может ли что-нибудь вызвать, уничтожить, или сколько-нибудь ослабить светимость того, что само светит? Мы видим, что луна темнеет и опять становится светлой, и знаем, что она светится только заимствованным светом солнца. Если кусок железа положить в огонь, то он накалится и начнет испускать свет; но этот свет слабеет и исчезает, потому что он заимствован. Уменьшение возможно только для того света, который заимствован, а не составляет своей собственной сущности. Мы видим, таким образом, что тело, внешний человек, не имеет света в своей сущности; оно не самосветяще, не может знать само себя. То же самое и ум. Из чего это видно? – Из того, что ум слабеет, дряхлеет, бывает силен в одно время и слаб в другое; из того, что все может влиять на него. Свет, которым светит ум, не принадлежит ему. Но кому же он принадлежит? – Тому, в ком он не заимствован и не отражен, но чью сущность он составляет. Будучи сущностью некоего существа, этот свет не может угасать, или изменяться в силе. Он принадлежит душе, которая сама светит. Душа не знает, но сама – знание, не существует, но сама существование, не счастлива, но сама – счастье. То, что

счастливого, заимствовало это счастье; в нем это качество отраженное. То, что имеет знание, получало это знание; это свет заимствованный. То, что имеет относительное существование, не существует само по себе, но отражает существование чего-то другого. Везде, где есть различие между веществом и качеством, качество только отражено на веществе. Но душа не имеет ни знания, ни существования, ни блаженства, как своих свойств, – все это ее сущность.

Но нас опять могут спросить: "На каком основании мы берем на себя смелость утверждать все это? Почему считаем, что душа есть знание, блаженство, существование, или что она в своей сущности самосветяща? Почему нельзя сказать, что ее светимость результат заимствованного света, подобный светимости тела, заимствованной от ума?" – Мы видели, что, пока присутствует ум, тело светится; но, как только ум покидает его, светимость тела исчезает. Если ум уходит от моих глаз, я могу смотреть и ничего не увижу: если он уйдет от моих ушей, вы можете говорить сколько угодно, а я не услышу ни одного слова, и то же будет со всеми другими чувствами. Таким образом, мы видим, что светимость тела не его собственная, но заимствованная от ума. То же справедливо и относительно светимости ума. Все из внешнего мира влияет на него; малейшее воздействие, ничтожное повреждение мозга изменяет его. Светимость ума не может быть его собственной, так как мы видим во всей вселенной, что то, что составляет сущность, никогда не изменяется. Но почему не сказать, что светимость души, ее блаженство и знание также заимствованы? – Потому, что тогда не будет конца подобным вопросам. В самом деле, от кого может душа заимствовать свет? Если мы скажем, что от какой-нибудь другой души, то тот же вопрос может быть повторен опять, относительно этой второй души, и так далее до бесконечности. Мы должны будем остановиться, наконец, на ком-то, у кого свет незаимствованный, и логичнее всего остановиться на первом звене, где мы нашли светимость, и не идти дальше.

Таким образом, мы видим, что человеческое существо составлено, во-первых, из внешней оболочки, тела; во-вторых, из тонкого тела, состоящего из ума и интеллекта, ощущений и сознания, и, наконец, из находящегося позади них истинного Я человека. Видим также, что все качества и способности грубого тела заимствованы от ума, а качества и способности тонкого тела, или ума, – от души, стоящей позади него.

Относительно души естественно приходится сделать следующее заключение. – Даже материальный мир не произошел из ничего, а тем более не могла произойти из ничего душа. Следовательно, она существовала всегда; не могло быть времени, когда она не существовала. Если бы такое время было, если бы душа когда-нибудь не существовала, откуда бы тогда взялось время? Так как время, ведь, в душе и является только тогда, когда душа направляет свою силу на ум, и ум начинает думать. Когда не было души, не было, конечно, мысли, а без мысли нет времени. Как можно поэтому говорить, что душа существует во времени, когда само время существует только в душе? Для души нет ни рождения, ни смерти: она только открывает себя в этих фактах. Она медленно и постепенно проявляется в разных формах, начиная от более низких и до высших, и на разных ступенях выказывает свое величие. Приняв одно тело, она действует на него посредством ума, охватывает им внешний мир и научается понимать его, а используя и истощив его, берет другое и т.д.

Теперь мы подошли к интересному вопросу, известному под названием перевоплощения души. Публика приходит иногда в ужас от этой идеи, и предрассудок людей в этом отношении настолько силен, что даже наиболее здраво мыслящие из них скорее поверят, что они произошли из ничего, и затем с чисто женской логикой постараются создать теорию, что происходя из нуля, они будут существовать вечно, чем допустят возможность перевоплощения. Те, кто произошли от нуля, конечно, и останутся нулями; но ни вы, ни я и никто из здесь присутствующих не произошел от нуля и в нуль не обратится. Мы существовали от вечности и будем вечно существовать, и ни под солнцем, ни над ним нет силы, которая могла бы лишить меня существования или сделать нулем. Идея о перевоплощении не только не включает в себе ничего страшного, но безусловно необходима для нравственного благосостояния человеческой расы. Она представляет собой единственное логическое заключение, к какому люди могут прийти. Если вы должны существовать вечно, то должны были вечно существовать и в прошлом. Иначе быть не может.

Я попробую ответить на некоторые возражения, обыкновенно выставляемые против этой теории. Хотя многие из вас могут находить эти возражения очень глупыми, мы все-таки должны ответить на них, так как знаем, что иногда самые разумные люди бывают способны предлагать в высшей степени неразумные идеи. Ведь совершенно верно сказано, что еще не было такой бессмысленной идеи для защиты которой не нашлось бы философов.

Первое возражение такое: "Если перевоплощение существует, то почему мы не помним наших прошлых жизней?" На это мы ответим:

А помним ли мы все в этой нашей жизни? Многие ли помнят, что делали, когда были детьми? Ни один из вас не помнит своего раннего детства, и если бы ваше существование зависело от памяти, то на основании вашего возражения следовало бы заключить, что вы не существовали, когда были детьми, потому что не помните себя в это время. Говорить, что наше предыдущее существование было бы возможно лишь при условии, что мы помним о нем, — чистейшая бессмыслица. Почему мы должны помнить наше прошлое? Ведь того мозга уже нет, он разложился на составные части, и создан новый мозг. К этому мозгу перешел только общий результат, итог впечатлений, оставленных в нас нашими прежними жизнями, и с этим итогом наш ум вселился в новое тело. Я, стоящий здесь перед вами, представляю собой результат всего бесконечного прошлого, оставшегося позади меня. Какая мне необходимость помнить все это прошлое? И, тем не менее, такова сила предрассудка, что те же люди, которые выставляют этот аргумент против возможности перевоплощения, верят, что были когда-то обезьянами и лемурами и не осмеливаются спросить, почему же мы не помним, как жили в образе обезьян. Когда один из древних мудрецов, какой-нибудь древний пророк, который воочию видел истину, говорит что-нибудь, эти новые люди кричат: "О, это ведь сумасшедший". Но скажите: "Это сказал Гексли или Тиндаль, и они ответят: "А, тогда это должно быть верно", и все примут за несомненное. Вместо древнего суеверия, они создают суеверия новые; на место старых пап религии, они возвели на престол непогрешимости новых пап науки.

Итак, мы видим, что это возражение, основанное на памяти, несостоятельно, а оно почти единственное, серьезно выставляемое против этой теории. Но, хотя для подтверждения этой теории и не требуется воспоминания о прошедших

жизнях, мы, тем не менее, в состоянии утверждать, что в некоторых случаях такие воспоминания всплывают и теперь. В той же жизни, в которой вы будете свободными, каждый из вас вспомнит все прошлое, и только тогда и станет свободным. Только тогда вы узнаете, что настоящий мир был только сон; только тогда непосредственно увидите, что вы здесь только актеры, а мир – ваша сцена: только тогда вас как громом поразит мысль о тщете привязанностей: только тогда вся эта жажда удовольствий и боязнь расстаться с жизнью и с этим миром исчезнут навеки. Тогда ваш ум увидит ясно, как при свете дня, сколько раз все это уже существовало для вас; сколько миллионов раз вы уже были отцами и матерями, сыновьями и дочерьми, мужьями и женами, родственниками и друзьями, богатыми и бедными, – сколько раз все это приходило к вам и сколько раз уходило: как часто вы были на сцене волны и как часто погружались вниз, на дно отчаяния. Когда память восстановит перед вами все это, тогда и только тогда вы воспрянете, как герой, и улыбнетесь при виде хмурающегося мира. Только тогда вы вспомните и скажете: "Мне нет до тебя дела, хотя бы ты был сама смерть. Чем можешь ты утратить меня?" Так как только тогда вы победите смерть, когда узнаете, что она не имеет над вами власти. И это время настанет для всех.

Есть ли какие-нибудь доказательства, какие-нибудь разумные основания в подтверждение учения о перевоплощениях души? До сих пор мы приводили только отрицательные положения, показав, что опровергающие его доводы несостоятельны. Но есть ли положительные доказательства в его пользу? – Есть, и очень веские. Без перевоплощения было бы невозможно знание. В моем уме есть группы всего мной раньше испытанного, расположенные как бы в разных отделениях для бумаг. Как только явилось новое впечатление, я отношу его в соответствующее отделение и, если нахожу уже там впечатления того же рода, помещаю его в это отделение и чувствую себя удовлетворенным. Если я не нахожу внутри себя впечатлений родственного вновь полученному, я неудовлетворен. Это состояние неудовлетворенности сознания, вследствие того, что я не нашел в себе родственных впечатлений, есть то, что называется "незнанием"; когда же мы удовлетворены, найдя родственные впечатления, наше состояние называется "знанием". Ум, видевший в первый раз падение яблока, был неудовлетворен; затем постепенно он составил себе группу падений яблок, получил группу знания. В чем же заключалась эта группа знания? – В том, что все яблоки падали, и это называли "притяжением". Мы видим теперь, что без запаса уже существующих опытов невозможен никакой новый опыт, так как тогда нет ничего, к чему можно отнести новое впечатление. Так, если, – как думают некоторые Европейские философы, – дитя является в этот мир с тем, что они называют *tabula rasa*, то такое дитя должно и уйти из этого мира чистой доской, так как у него не к чему будет относить испытываемое им. Знание невозможно без заранее существующего запаса знания. А если так, то все мы, как имеющие знание, пришли в этот мир с запасами знания уже существовавшего. Но знание получается только одним путем – путем опыта; другого способа приобретать знание нет. Если мы чего-нибудь не испытывали здесь, мы должны были его испытать где-нибудь в другом месте. Как произошло, что каждый испытывает страх смерти? Маленький цыпленок только что вылупился из яйца; прилетает орел, и цыпленок бежит в страхе под охрану своей матери. Где он узнал, что орел ест цыплят? Есть старое объяснение, – хотя оно едва ли заслуживает это название, – что знанием этим он обязан инстинкту. Что заставляет этого маленького, только что вышедшего из яйца цыпленка бояться умереть? Отчего,

когда высиженный курицей утенок подойдет к воде, он бросается в нее и плавает? Люди называют это инстинктом. Это очень красивое слово, но оно оставляет нас там же, где мы и были. Рассмотрим это явление инстинкта. Инстинктов разного рода у нас много. Женщина начинает учиться игре на рояле. Сначала она должна внимательно смотреть на каждый клавиш, по которому ударяет пальцами, но по мере того, как подвигается вперед, в течение месяцев или лет, у нее является инстинкт, ее игра становится автоматической. То, что вначале требовало побуждения со стороны воли, теперь совсем не требует помощи даже сознания, но может быть производимо без всякого его участия, и такое состояние называется инстинктом. Действие сначала зависело от воли, а затем опустилось ниже ее области. Кроме того, почти все действия, которые теперь инстинктивны, могут быть приведены опять под управление воли. Опытами установлено, что каждым мускулом нашего тела мы можем научиться управлять. Итак, двойным способом, сходства и различия, вполне доказано, что то, что мы называем теперь инстинктом, есть вырождение произвольных действий. И это не только у человека, но и у низших животных, так как природа однообразна.

Примените теперь к инстинкту тот закон, который мы открыли в макрокосме, – что всякая инволюция предполагает эволюцию и всякая эволюция – инволюцию, – и вы увидите, что инстинкт не что иное, как инволюционировавший рассудок. Таким образом, то, что мы называем инстинктом у людей и животных, состоит из свернувшихся или выродившихся произвольных действий; произвольные же действия невозможны без опыта. Боязнь смерти у цыпленка, стремление утенка бросаться в воду и все произвольные действия человека – суть результаты прежних опытов, ставших теперь инстинктом. До сих пор все у нас очень ясно, и мы не расходимся с современной наукой. Позднейшие ученые пришли к выводам древних мудрецов, и пока между ними полное согласие. Как те, так и другие, признают, что каждый человек и каждое животное рождается с запасом опыта и что все действия ума результаты прежнего опыта. Но дальше является разногласие. Какое основание, спрашивают новейшие ученые, – говорить, что этот опыт принадлежит душе? Почему не сказать, что он принадлежит телу, и только телу? Почему не допустить, что он передан по наследству? И, наконец, последний вопрос, почему не сказать, что весь опыт, с которым я родился, есть конечное следствие всего прошлого опыта моих предков? Во мне есть сумма всех моих опытов, от атома протоплазмы до самого высшего человеческого существа, но она перешла от тела к телу в ряде наследственных передач. В чем будет затруднение, если мы так скажем? Вопрос очень тонкий, и отчасти эту наследственную передачу мы тоже признаем. Но насколько? Настолько, насколько она касается выработки материала для тела. Мы нашими прежними действиями делаем себя способными к рождению в известном теле, и соответствующий этому телу материал может перейти только от тех родителей, которые сделали себя подходящими, чтобы иметь нас своими потомками.

Теория наследственности принимает, без всяких доказательств, за несомненное в высшей степени удивительное положение, что умственный опыт может запечатлеться и сохраниться в материи. Когда я смотрю на вас, в озере моего ума вздымается волна. Эта волна затем успокаивается, но остается в тонкой форме, как впечатление. Это понятно. Мы понимаем, что физическое впечатление остается в теле; но какое основание полагать, что в теле может остаться умственное впечатление, раз тело разрушается? Что же передает

его? Допустим даже, что для каждого умственного впечатления было возможно оставаться в теле и что одно из этих впечатлений, начиная с первого человека, переходило к другим и дошло до моего мозга, так что оказалось в моем теле. Как же оно перенесено ко мне? Вы скажете – через клетку биоплазмы. Но как это могло быть, раз тело отца не все переходит к ребенку. Ведь один и тот же отец может иметь несколько детей, и тогда по этой теории наследственности (по которой впечатление и то, на что оно производится, одно и то же, т.е., материя) – неизбежно следует, что с каждым рождением ребенка, родители должны терять часть своих впечатлений, или, если родители передают все свои впечатления, тогда после рождения первого ребенка, их собственные умы должны остаться пустыми.

Если же в клетку биоплазмы входит бесконечная сумма всех впечатлений, полученных во все время, тогда где же и как они там помещаются? Получается совершенно невозможное положение, и пока физики не в состоянии показать, как и где эти впечатления живут в этой клетке, и не объяснят, что они понимают под умственным впечатлением, спящим в физическом атоме, до тех пор их положение не может считаться обоснованным. Для нас ясно, что эти впечатления находятся в уме, что ум, собираясь воплотиться и перевоплотиться, берет материал вполне для себя подходящий и что известный ум, сделавший себя подходящим только для определенного рода тела, будет ожидать, пока не найдет требуемого материала. Это понятно. Наша теория приходит к тому, что такая вещь, как наследственная передача, существует, но только поскольку дело касается приготовления физического материала для души. Душа же переселяется, вырабатывая для себя одно тело за другим, и все наши мысли и поступки накапливаются внутри нас в тонкой форме, готовые снова воспринять и принять образ. Когда я смотрю на вас, в моем уме поднимается волна. Затем она опускается и становится, так сказать, все тоньше и тоньше, но не исчезает. Она остается в уме, готовая подняться опять в какой-нибудь момент в виде волны, которую мы называем "воспоминанием".

Таким образом, в моем уме остается вся эта масса впечатлений, и, когда я умру, равнодействующая сила всех их уйдет со мной. Представьте себе, что у нас есть мяч; каждый из нас берет деревянный молоток, и мы бьем его со всех сторон. Что при этом произойдет? Мяч будет перелетать по комнате с одной стороны на другую, пока не попадет в открытую дверь и не покатится. Что же он унесет с собой? Остаточное впечатление от всех полученных им ударов, которое и определит его направление вне комнаты. Что же определяет путь души, когда она оставляет тело? Равнодействующая суммы наших поступков и мыслей. Душа выйдет, унося в себе их реестр.

Если равнодействующая будет такова, что душа найдет необходимым выработать себе новое тело для дальнейших опытов, она найдет путь к тем именно родителям, которые наиболее способны снабдить ее подходящим материалом для тела, и принимает новое тело. Так она будет странствовать из одного тела в другое, то поднимаясь к небесам, то падая опять на землю, то становясь человеком, то принимая форму какого-нибудь высшего или низшего существа. Она будет продолжать это до тех пор, пока не окончит своих испытаний и не завершит круг. Тогда она воочию увидит свою собственную природу и узнает, что она такое. Все незнание исчезнет и проявятся ее силы, она станет совершенной. Для такой души нет более надобности работать при

посредстве физических тел, ей не надо работать даже в тонких или умственных телах. Она сияет в своем собственном свете и становится свободной: никогда больше не будет ни рождаться, ни умирать.

В дальнейшие подробности мы теперь входить не можем. Но позвольте изложить вам еще одно положение, имеющее отношение к теории перевоплощения. Это положение, служащее развитием идеи о свободе человеческой души. Оно заключается в том, что не следует впадать в обыкновенное человеческое заблуждение, – взваливать вину за наши слабости на других. Мы никогда не обращаем внимания на свои ошибки; наши глаза не видят самих себя, но видят глаза других. Мы очень плохо распознаем наши собственные слабости и ошибки, пока приписываем их вину кому-нибудь другому. Люди обыкновенно объясняют свои заблуждения, как происходящие в зависимости от их ближних, или от Бога, или ссылаются на судьбу и бранят ее. Но что такое судьба и где она? Мы жнем то, что посеяли. Мы сами создаем нашу судьбу. Никто другой не заслуживает ни порицания, ни похвалы. Ветер дует все время и гонит вперед те суда, чьи паруса распушены; те же суда, у которых паруса сложены, остаются на месте, или бросаются волнами из стороны в сторону. Но вина ли это ветра? Вина ли Милосердного Отца, по милости Которого ветер дует безостановочно день и ночь и бесконечное сострадание Которого не знает утомления. Его ли вина, что кто-то из нас счастлив, а кто-то несчастен? Нет! Мы сами создатели нашей судьбы. Его солнце светит для слабого и для сильного. Его ветры дуют одинаково для святого и для грешника. Он Господь всех и Отец всех, Милосердный и Беспристрастный. Не скажете ли вы, что Он, Господь Вселенной, видит ничтожные наши поступки в этой здешней нашей жизни в том же свете, в каком мы их видим? Как унизительна была бы такая идея о Боге. Мы похожи на щенков, играющих на ковре перед камином: играем в борьбу на жизнь и смерть и безумно думаем, что Сам Бог принимает эту игру также всерьез, как делаем это мы. Но Он понимает значение такой игры. Все попытки взвалить вину на Него и считать Его наказывающим или награждающим чистое безумие. Он не наказывает и не награждает. Его бесконечное милосердие открыто для всех нас, при всяких условиях, неизменное и неуклонное всегда и везде. От нас зависит, как воспользоваться им. Не обвиняйте ни человека, ни Бога, и никого во всей вселенной. Когда вы страдаете, вините в этом себя и старайтесь всеми силами поступать лучше.

Это единственное разрешение вопроса. Те, кто обвиняет других, – а число таких, увы, с каждым днем увеличивается, – вообще существа несчастные, которые своей собственной беспомощностью привели себя в это состояние и затем жалуются на других. Но это не изменяет их положения. Оно ни к чему им не служит. Стремление свалить вину на других только еще больше ослабляет нас. Поэтому, не обвиняйте в наших собственных ошибках никого. Стойте на своих ногах и принимайте всю ответственность на себя. Говорите: "Несчастье, которое я испытываю, моя собственная работа, и из этого следует, что оно может быть устранено только мной". То, что я сделал, я могу и уничтожить; то же, что сделано другим, я разрушить не в состоянии. Будьте смелы, будьте сильны! Берите ответственность за свою жизнь на собственные плечи. Знайте, что вы сами создаете вашу судьбу. Вся сила и вся помощь, в которой вы нуждаетесь, внутри вас. Поэтому устраивайте сами свою будущность. Перед вами целая вечность. Помните всегда, что каждое ваше дело, каждый поступок, каждая мысль не пропадают бесследно и что, как дурные дела и дурные мысли

при первом удобном случае набросятся на вас, подобно тиграм, так точно добрые дела и хорошие мысли готовы, с силой сотен тысяч ангелов, защищать вас всегда и во веки.

БЕССМЕРТИЕ

Какой вопрос чаще всего предлагался, какая идея более, чем всякая другая, побуждала человека искать у природы ответа, какое исследование ближе и дороже всего для человеческого сердца; что более неразрывно связано с самым существованием человека, чем вопрос о бессмертии человеческой души? Бессмертие души было постоянной темой поэтов и ученых, священников и пророков. Цари на тронах обсуждали его, нищие на улицах грезил о нем. Лучшие из людей жаждали его и самые худшие никогда не теряли на него надежды. Интерес к этому вопросу никогда не умирал в человеке и никогда не умрет, пока будет существовать человеческий род. Много ответов предлагалось миру различными умами. Тысячи других умов в различные периоды истории отказывались в отчаянии от его обсуждения, и все-таки он остается таким же острым. Часто, в жизненных тревогах и борьбе, мы по-видимому, забываем о нем. Но вот, кто-нибудь умирает, – нас покидает один из тех, кого мы любили, кто был близок и дорог нашему сердцу, – и тотчас борьба, шум и суета мира вокруг нас на момент смолкают; душа обращается внутрь и задает тот же старый-старый вопрос: "что же дальше, что станет с душой после смерти?"...

Все человеческое знание вытекает из опыта и представляет собой не что иное, как гармонично связанные прежние опыты. Какой же ответ они дают на поставленные выше вопросы? Что мы видим постоянно вокруг нас? Мы видим – постоянное изменение. Растение выходит из зерна, вырастает в дерево и, завершая круг, обращается опять в зерно. Животное рождается, живет некоторое время и умирает, заканчивая круг. То же происходит и с человеком. Даже горы медленно, но неуклонно рассыпаются в пыль; реки медленно, но неотвратимо высыхают, и дождь образуется из вод моря и возвращается обратно в море. Везде описываются эти круги – рождение, рост, развитие и смерть – и каждый из них следует за другим с математической точностью. Это говорит нам наш повседневный опыт. Везде и во всем, начиная с ничтожнейшего атома и до одухотворенного в высочайшей степени человека, внутри и позади всей этой огромной массы миллионов форм и образов и миллиардов различий, мы находим известное единство. Каждый день видим, что стена, по-видимому разделяющая одно вещество от другого, рушится, и наука постепенно приходит к заключению, что материя во всех ее разнообразных видах представляет собой единую сущность, проявляющую различным образом и в различных формах ту жизнь, что проходит через целые ряды существ, наподобие длинной непрерывной цепи, в которой все разнообразные формы – суть отдельные звенья. Звеньев этих почти бесконечное число, но все они составляют одну и ту же цепь. Это единство в последовательных переходах от одного звена к другому называется развитием, эволюцией. Идея эволюции очень стара, так же стара, как старо человеческое общество, и только с развитием человеческого знания, она принимает новые формы. Есть еще одна вещь, хорошо замеченная древними, но не так ясно понимаемая новыми учеными, – это инволюция. Семя становится растением, но зерно песка никогда не сделается растением. Отец дает жизнь ребенку, но никогда не даст жизни ребенку ком глины. Из чего же

получает начало эволюция? Из чего состоит семя? – Из того же вещества, что и дерево. Все свойства будущего дерева уже находятся в семени; все способности будущего человека уже есть в ребенке; все возможности будущей жизни заключены в зародыше. Древние философы Индии назвали это процессами инволюции. Всякая эволюция предполагает инволюцию. Ничто не может развиться, эволюционировать, развернуться, что не существовало уже в свернутом виде. То же говорит и новейшая наука. Путем математических рассуждений вы узнали, что суммы материи и действующей во вселенной энергии – величины постоянные. Вы не можете отнять от всей массы материи ни одного атома, от всей массы энергии – ни одного фунто-фута, равно как не можете к ним ничего и прибавить. А если так, то эволюция не может получить начало из ничего, из нуля. Откуда же она получает его? Из предшествовавшей инволюции. Ребенок – это инволюционировавший человек, а человек взрослый эволюционировавший, развившийся ребенок. Семя инволюционировавшее, свернувшееся дерево, а дерево развившееся, эволюционировавшее семя. Все возможности всякой жизни уже находятся в зародыше. Вопрос теперь становится немного яснее. Прибавьте к сказанному нашу первую идею о сплошности жизни. От самой низшей клетки протоплазмы до наиболее сложного человеческого существа, жизнь в действительности одна. В жизни отдельного человека мы имеем различные фазы ее выражения: – ребенка, отрока, юношу, взрослого человека и старика. Эту последовательность фаз мы можем рассматривать в обратном порядке и распространить ее на несколько ступеней назад, за ребенка, затем дальше, пока не дойдем до протоплазмы. Таким образом, мы будем в состоянии представить себе сплошную цепь жизни от клетки протоплазмы до наиболее совершенного человека. Это и есть эволюция. Но мы видели, что всякая эволюция предполагает инволюцию. Вся эта цепь жизни, так медленно проявляющаяся постепенным развитием от протоплазмы до совершенного человеческого существа, воплощения Бога на земле, – все эти серии суть выражения одной жизни, и вся сумма этих проявлений должна была раньше уже заключаться в протоплазме. – Да, все серии жизни, высшее выражение которых представляет человек, истинный Бог на земле, были уже раньше в протоплазме и только развились, медленно себя проявляя. Самое высшее, конечное выражение должно было находиться там в уменьшенной форме, в состоянии зародыша. Инволюцию чего же представляет та сила, из которой произошла вся цепь? Что было то, что заключалось в маленькой клетке протоплазмы, и из чего, медленно развиваясь от протоплазмы до наиболее сложного существа человека, получилась та мировая жизнь, та могущественная разумность, которую мы видим всюду вокруг нас? – Это был мировой разум. С самого начала он весь уже был налицо и нисколько не увеличился. Выбросьте из вашего ума всякие идеи о росте, так как с этими идеями неизбежно является представление о чем-то входящем извне, о чем-то постороннем, а это противоречило бы математически доказанному положению, что мировая энергия – величина постоянная. Энергия не может возрастать. Она всегда и везде присутствует, только в одном месте проявляется, а в другом нет. Что такое разрушение? Вот стакан. Я бросаю его на пол и он разбивается на куски. Что же с ним произошло? Он перешел в более тонкое состояние. Его составные части, материалы и причины, соединенные раньше для получения следствия, называемого стаканом, – возвратились в потенциальное состояние, и этот переход и есть то, что понимается под разрушением. Ну, а что такое следствие? Потенциальность, которую заставили проявиться. Другими словами, между следствием и причиной нет никакого существенного различия. Вернемся опять к нашему

примеру стакана. Был некоторый материал, который с приложением к нему воли работника, образовал стакан. Эти два слагаемые: материал и воля, были причинами стакана, и они присутствуют в нем и теперь. В какой форме? – В форме силы, известной под названием сцепления. Если бы этой силы здесь не было, все частицы распались бы. Следствие – то же, что и причина, только принявшее другую форму, другие очертания. Когда причина изменилась, уплотнилась и стала ограниченной некоторым временем и пространством, тогда эта самая причина известна как следствие. Применяя это к нашей идее о жизни, мы видим, что все проявленные серии, – от клетки протоплазмы до сложного существа, человека, – должны быть тем же, что и мировая жизнь. Сначала мы имели ее инволюцию, в более тонкой или причинной форме, а затем из этого тонкого, бывшего причиной, жизнь развивалась, становясь все грубее и грубее. Но вопрос о бессмертии этим не разрешается. К чему мы пришли? – Мы пришли к факту, что все в этой вселенной неразруσιμο; что нет и не может быть в ней ничего нового; что те же серии проявления всегда появляются попеременно, подобно частям колеса, то поднимающимся, то опускающимся; что все движение во вселенной происходит в форме волн, последовательно то поднимаясь, то опускаясь. Системы за системами выходят из тонких форм, развиваясь, принимая более грубые формы, и затем опять как бы растворяются и возвращаются к своим более тонким формам. Потом снова переходят в следствия, остаются ими некоторое время и опять медленно обращаются в причины. Так проходит всякая жизнь. Каждое проявление жизни сначала идет вверх или вперед, а затем вниз или назад. Что же тогда исчезает? – Исчезает форма. Она раздробляется, но потом восстанавливается в том же виде. Поэтому, в известном смысле, даже тело бессмертно, даже формы вечны. В самом деле: положим, мы берем несколько костей и бросаем их. Пусть кости упали так, что получились числа очков 6-5-3-4. Будем собирать кости и бросать их снова. Наступит, наконец, время, когда то же сочетание цифр получится опять. Если мы не остановимся и будем продолжать, то то же сочетание опять повторится, хотя, может быть, и после чрезвычайно долгого промежутка времени. Все частицы, все атомы этой вселенной – те же кости; они постоянно собираются и бросаются. То, что мы видим вокруг нас теперь, – все эти формы стакана, стола, графина и проч. – это одна комбинация. Пройдет момент, и все они будут разрушены; но когда-нибудь наступит время, когда точно та же комбинация повторится; здесь будут опять формы, подобные вам и мне: будет стоять этот же графин с водой и даже обсуждаться тот же предмет. Бесконечное число раз эта комбинация случалась уже в прошлом и бесконечное число раз она будет повторяться в будущем.

Итак, мы пришли к заключению, что даже сочетания физических форм вечно повторяется. С этой повторимостью прошлых форм связан интересный вопрос о возможности знать будущее. Некоторые из вас могли встречать лиц, имеющих дар читать прошлое и предсказывать будущее. Но как бы мог кто-нибудь видеть будущее, если бы оно не было чем-то обусловлено? Представьте себе одно из огромных колес Ферри, которое вы могли видеть в Чикаго. Колесо постоянно вращается, и маленькие каюты, находящиеся в нем, проходят одна за другой в правильной последовательности. Одна серия лиц занимает места, проносится по кругу и выходит, оставляя места для новой толпы. Каждый такой наполненный пассажирами поезд похож на серию проявления жизни, простирающуюся от самого низшего животного до самого высшего человека. Эти серии представляют собой гигантскую, описывающую круги, цепь природы, похожую на колесо Ферри, и каждая форма или тип тела

напоминает одну из маленьких, находящихся в этом колесе, комнат или лож. Новые толпы душ постоянно входят и проходят в этих формах, поднимаются в них все выше и выше, пока не сделаются совершенными и не выйдут из колеса. Но колесо все движется, готовое принять другие. Пока прежнее тело в колесе, можно с математической точностью определить, где оно будет проходить. Поэтому нет ничего невозможного в том, чтобы читать с математической точностью прошедшее и будущее природы. Итак, мы видим, что в известные периоды происходят те же материальные явления, что те же сочетания их бесконечно повторялись в течение всей прошедшей вечности. Знаем также, что никакая сила, никакая материя не может уничтожиться. Что же происходит с ними? – Они изменяются, двигаются вперед и назад, пока не вернуться к источнику, из которого произошли. Нет такой вещи, как движение по прямой линии. Все движется по кругу, потому что прямая линия, бесконечно продолженная, становится кругом. Раз это так, то и для души не может быть вечного вырождения. Это первое заключение, к которому мы приходим. Все в этой вселенной должно рано или поздно закончить круг и прийти к своему источнику. К чему же придем: я, вы и все эти души? – При обсуждении эволюции и инволюции выяснено, что мы должны были развиться из мирового сознания, мировой жизни, мирового разума и, следовательно, должны закончить круг и вернуться к нашему источнику, к мировому разуму, который и есть Сам Бог. Этот мировой разум – то, что мир называет Господом, или Богом, Христом, Буддой или Брамой. Он Тот, кого материалисты понимают как силу, на кого агностики смотрят как на Бесконечного и Невыразимого. Он беспредельная мировая жизнь, мировой разум, мировая сила; и все мы – часть Его. Это вторая идея. Но и ее недостаточно. Сомнения и недоумения все еще остаются. Конечно, верно, что никакая сила не может быть уничтожена. Но все силы и формы, какие мы видим, сложны; все они представляют собой сочетания. Каждая форма состоит из нескольких составных частей, так же как и каждая известная нам сила. Все во вселенной – результат сочетания материи и силы, а все, что представляет собой следствие какого-либо соединения, должно рано или поздно обратиться в свои элементы. Все, что произведено какими-либо причинами, должно разрушиться, умереть; рано или поздно оно разобьется, рассеется, разложится на свои составные части. Но Душа не сила и не мысль. Она производитель мысли, но не мысль, – создатель тела, но не тело. Почему? – Потому, что тело само по себе неразумно. Труп не обладает умом, также как и кусок мяса в лавке мясника. Рассмотрим этот вопрос внимательнее. Вот, я смотрю на графин. Что при этом происходит? – Лучи света, отраженные от графина входят в мои глаза, образуют изображение на сетине, и это впечатление переносится к мозгу. Но это еще не создает видения. То, что физиологи называют нервами ощущения, переносит впечатление графина внутрь мозга, к нервному центру, а он передает впечатление уму. Ум реагирует на это впечатление, и передо мной внезапно появляется графин. Пока не было реакции ума, не было и восприятия. Чтобы представить это еще яснее, позвольте привести вам довольно банальный пример. Представьте, что вы слушаете меня, а в это время комар садится вам на нос и производит то приятное ощущение, которое комары вообще могут доставить. Вы настолько поглощены лекцией, что совсем не замечаете укуса. Что же при этом происходит? Комар несомненно укусил вас в известном месте, где находятся чувствующие нервы. Они передали полученное ощущение в мозг и впечатление сделано. Но ум, будучи занят, не реагировал, и вы не узнали о присутствии комара. Таким образом, если по прибытии нового впечатления в мозг, ум не реагирует, мы не создаем этого впечатления, но когда реакция

является, вместе с ней является сознание, и мы чувствуем, видим, слышим и т.д. С этой реакцией наступает "озарение", как называют его философы Санкхьи. Что источник озарения не тело, видно из того факта, что, пока ваше внимание не было обращено на комара, вы не чувствовали его укуса. Этот источник – ум, или сила, реагирующая на впечатление. Известны случаи, когда человек, незнакомый с иностранным языком, при некоторых особых условиях, оказывается способным говорить на нем. Соответственные расследования показали, что в этих случаях человек, будучи ребенком, жил среди людей, говоривших на этом языке, и впечатления их разговоров сохранились в его мозгу. Они оставались там скрытыми до тех пор, пока по каким-либо причинам ум не стал, вдруг, реагировать на них: тогда приходит озарение, и человек внезапно обнаруживает способность говорить на этом языке. Такие факты показывают, что даже ум – не все, что он только орудие в руках кого-то или чего-то другого. В только что приведенных случаях, данный язык заключался в уме, но это не давало человеку знания его, хотя потом наступило время, когда такое знание получилось. Это показывает, что есть кто-то позади самого ума, кто в течение долгого времени не пользовался своей способностью, а по наступлении известного момента применил ее. Итак, мы имеем, во-первых, тело, во-вторых – ум, или орудие мысли, и, в-третьих, позади ума наше Я, которое на Санскритском языке выражается словом *Атман*. Новейшие философы, отождествляя мысль с молекулярными изменениями, происходящими в мозгу, не умеют объяснить подобных фактов, и им приходится поневоле отрицать их.

Настоящая сущность, все освещающая, это *Я*, а ум только его орудие, посредством которого *Я* овладевает мозгом и через него – внешними инструментами, или приемниками впечатлений. Внешние инструменты глаза, уши, нос и проч. – принимают впечатления и передают их органам, или соответствующим нервным центрам. Последние, по-санскритски называемые *индрии*, вручают эти ощущения уму, а ум передает их дальше, в свой более глубокий слой, *читту*, и представляет их царю царей, Властелину на его троне, Сущности человека, его *Я*. Тот рассматривает их и отдает свои приказания, и в этот период процесса они образуют волю, которая по-санскритски называется *Буддхи*. Тогда ум немедленно действует опять на органы, а органы – на внешнее тело.

Таким образом, настоящий Восприниматель, истинный Властелин, Правитель, Создатель и Творец всего в человеке его *Я*. Атман. Мы видели, что этот Атман, или Сущность, – не тело и не мысль. Он не может быть составным, потому что составное только то, что мы видим или воображаем; то же, что не можем вообразить или воспринять нашими чувствами, что не сила, не материя, не причина, не следствие и даже не причинность, – то не может быть составным. Область составного простирается только в нашей умственной или мыслимой вселенной, только в царстве закона; не подчиненное же закону не может быть составным. Мне кажется, это понятно, но постараюсь быть еще более ясным. Мы видели, например, что стакан представляет собой соединение, так как, чтобы произвести его, должны были соединиться не менее двух причин. Из этого заключаем, что соединения возможны только в области закона причинности, только там, куда распространяются причины и следствия. За пределами этой области невозможно их себе представить, потому что там не может быть никакого закона. Закон применяется только в той вселенной,

которую мы видим, чувствуем, слышим, представляем или воображаем; вне ее мы не можем предполагать никакого закона.

Наша вселенная есть то, что мы воображаем или чувствуем. Чувствуем же мы то, что приходит в непосредственное соприкосновение с нашими телами, а воображаем то, что находится в нашем уме. Поэтому все, что вне области нашего тела и ума, недоступно чувствам и воображению, а следовательно, находится вне нашей вселенной. Выше закона причинности есть только свободный Властелин, Я, и это Я управляет всем тем, что под законом. Человеческое Я господствует над всяким законом и должно быть свободно. Оно не может быть соединением или результатом какого-нибудь процесса смешения, следствием какой-нибудь причины. Оно не может умереть, потому что смерть значит распадение на составные части, а то, что никогда не было соединением, никогда не может и распасться. Сказать, что оно может умереть – значило бы допустить противоречие в словах. Но вопрос здесь не кончается. Мы теперь вступаем на более тонкую и очень деликатную почву. Мы видели, что Я, – существо высшее, чем эта маленькая вселенная материи, силы и мысли, – есть нечто простое и, как таковое, не может умереть. Но оно не может и жить, потому что то, что не может умереть, не может также и жить. В самом деле, что такое жизнь и смерть, как не лицевая и обратная сторона медали, не два разные проявления одного и того же? Один способ проявления мы называем жизнью, другой – смертью. Когда атом поднимается на вершину волны, это жизнь, а когда он падает к подошве волны – смерть. То, что выше смерти естественно должно быть также выше и жизни. Я должен вам напомнить наше первое заключение, что слова "душа человека" обозначают нечто, не меньшее, чем мировая энергия, что она – часть Бога. Теперь мы пришли к открытию, что она выше жизни и смерти, и что вы, значит, никогда не были рождены и никогда не умрете. Что же тогда представляют собой рождение и смерть, которые мы постоянно видим? – Они относятся только к телу, а не к Душе, так как Душа вездесуща. – Как душа каждого человека может быть вездесущей, когда здесь, в одной этой комнате, сидит столько человек? – Да, я сказал это, и сказанное мной верно: что может ограничить то, что выше закона и причинности? Этот стакан на столе ограничен; его нельзя назвать вездесущим, так как окружающая материя принуждает его сохранять известную форму и не позволяет ему расширяться. Он строго обусловлен всем, что вокруг него, и потому ограничен. Но то, что выше закона, что существует в области, где ничто не может действовать на него, как оно может быть ограничено? Такое существо может быть только вездесущим. Вы везде во вселенной. Разве возможно, чтобы Я был рожден и мог умереть? Это верования невежества, простые галлюцинации мозга. Вы не родились и не умрете. Для вас нет ни рождения, ни возрождения, ни жизни, ни перевоплощения и ничего подобного. То, что вы понимаете под этими приходами и уходами – только пустая бессмыслица. Вы везде. Эти приходы и уходы – не более как галлюцинации, производимые изменениями в тонком теле, которое мы называем умом. Только такие изменения и происходят. Посмотрите на облако, проходящее по небу. Когда оно подвигается вперед, в наших умах может создаться иллюзия, что движется небо. Иногда вы видите облако, проходящее перед луной, и склонны думать, что луна движется. Но все время движется только облако. Когда вы едете в поезде или плывете на корабле, вам кажется, что окрестности или океан бегут назад; то же происходит и с душой: в действительности, вы не приходите и не уходите, не родилось и не на пути к рождению. Вы бесконечны, вездесущи, выше всякой причинности, вечно-свободны. Вы никогда не

родились и никогда не умрете. Мысль о смерти неуместна: страх ее чистая нелепость. Раз не было рождения, как может быть смерть? Вы вездесущи и наполняете всю вселенную.

Сделаем еще шаг вперед, чтобы дойти до логического заключения. Остановившись на полдороге не следует. Если мы выше всякого закона, то, значит, мы должны быть вездесущи, всеблаженны; все знание должно быть внутри нас, а также все могущество и все блаженство. Мы всеведущая, вездесущая Душа вселенной. Но разве таких душ может быть много? Разве могут быть миллионы вездесущих существ? Конечно, нет. Тогда что же такое эти многие, которых я вижу перед собой? – Все они, в действительности – одно: позади всех этих маленьких личностей есть только одно бесконечное Существование, одно абсолютное Существо, которое мы называем Душой, – вечно блаженное, всеведущее, вездесущее, нерожденное, бессмертное. "Им развернуто небо, Им дышит воздух, Им светит солнце и все живое живет". Он – задний план природы. Он Реальность, заключающаяся внутри природы. Он – основание вашей души. И не только это, но Он – вы, Вы – одно с Ним.

Где два, там страх, опасность, борьба, распря. Когда же все становится одним, кого мы можем ненавидеть, с кем бороться? Когда все – Он, с кем нам сражаться? В этом секрет жизни. В этом тайна бытия. Пока вы видите многое, вы заблуждаетесь. "Кто во всей изменяющейся множественности этой вселенной видит Одно, – Его, никогда не изменяющегося, – как Душу своей собственной души, как Сущность своего существования и как свое истинное Я, – только тот свободен, только тот блажен; он достиг цели. Знай, поэтому, что ты – Он. Ты Апс этой вселенной".

Разные мысли, вроде того, что я мужчина или я женщина, я болен или я здоров, я силен или я слаб, я ненавижу, я люблю, я имею власть или я бессилён, – все это только галлюцинации. Прочь их! Что делает вас слабыми? Что заставляет вас бояться? Вы единственное существо во вселенной. Кто может утратить вас? Встаньте и будьте свободны. Знайте, что мысли и слова, которые вас ослабляют, – единственное зло, какое существует в этом мире, – и их необходимо избегать. Что может пугать вас? Если упадет солнце и луна рассыпется в прах, если одни мировые системы за другими станут разрушаться, что вам до этого? Стойте твердо, как скала; вы сами, ведь, неразрушимы. Вы сущность, бытие вселенной. "Я – Абсолютное существование, Абсолютное блаженство, Абсолютное знание. Я – Он: о, моя Душа, я Он!" Говорите это и, как лев ломает тростниковую клетку, разбейте эти цепи и будьте свободны навеки. Что страшит вас, что удерживает вас внизу? – Только наше незнание и заблуждение, так как нет ничего другого, что могло бы вас связывать. Вы – тот чистый Один; вы вечно блаженны. Безумцы те, кто говорит вам, что вы грешны и должны сидеть в углу и плакать. Безумие, безнравственность и чистая низость говорить, что вы грешники. Вы все Бог. Не смотрите ли вы на Бога, как на человека, и не называете ли вы Его человеком? Стойте же на этом, если смеете. Сообразуйте с этим всю вашу жизнь. Если человек собирается отнять у вас жизнь, не говорите ему "нет", так как это ваша собственная рука хочет взять вашу жизнь. Когда помогаете бедным, не чувствуйте ни малейшей гордости. Помощь бедным – это ваша молитва. Разве вся вселенная не вы сами? Где есть что-нибудь, что не вы? Вы – Душа этой вселенной. Вы – солнце, луна и звезды. Это вы освещаете всю землю. Вся вселенная – вы. Кого вы будете ненавидеть? С кем будете бороться? Знай, что

ты – Он, и направляй всю свою жизнь сообразно с этим знанием, так как, истинно, только поступающий так войдет в Свет и не будет больше ползать в темноте.

ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ

"Он, Само-Существующий, направил чувства наружу, и потому человек обращается к внешнему, а не смотрит внутрь себя. И однако ж, мудрый, сосредоточивая чувства в поисках бессмертия, видит свое Я внутри.". Как я уже говорил вам, первое стремление к познанию вселенной, как видно из Самхиты и других книг, было направлено на исследование внешних явлений. Потом явилась мысль, что сущность всех вещей не может быть найдена во внешнем мире, что ее нельзя открыть, смотря, так сказать, наружу, но следует, как буквально говорится по-санскритски, обратить глаза внутрь. В этом отношении замечательны следующие слова о Душе: "Он, сидящий внутри, есть самая сокровенная Сущность нашего бытия, средоточие, сердцевина, из которой все как бы расходится по радиусам, то центральное солнце, которого ум, тело, органы чувств и все, чем мы обладаем, только выходящие наружу лучи". Или: "Люди с детским разумом, будучи невежественны, следуют суетным желанием, и таким образом попадают в западню смерти; но мудрый, понимая бессмертие, не ищет его в жизни внешних или конечных вещей". Здесь мы имеем более ясно повторенную идею, что в этом внешнем мире, полном конечных впечатлений, невозможно видеть и найти Бесконечное. Бесконечное следует искать там, где только бесконечное, а бесконечное около нас только то, что внутри нас, наша собственная душа. Ни тело, ни мир, который мы видим вокруг нас, ни даже наша мысль не бесконечны. Все это начинается и кончается во времени. Но "Видящий, Тот, Кому все это принадлежит, Душа человека, Тот, Кто бодрствует во внутреннем человеке, Тот один бесконечен". И, чтобы найти бесконечную причину Вселенной, мы должны обратиться к Нему. Только в беспредельной душе человека мы найдем ее. "Что здесь, то и там, и что там, то и здесь. Тот, кто видит множество, переходит от смерти к смерти".

Нам известен факт, что сначала существовало желание идти на небо. Когда древние Арийцы оказались неудовлетворенными окружающим их миром, они, подобно другим народам, представляли себе, что после смерти пойдут в какое-то место, где будет только счастье и не будет вовсе страдания. Эту идею они развили и назвали такие места *Сваргой*, – что можно перевести словом небеса – и думали, что там они будут вечно наслаждаться, что тела их и умы сделаются совершенными, и что в этом состоянии и месте они будут жить со своими предками. Но с возникновением философской науки люди нашли, что эта мечта невозможна и бессмысленна, что сама идея о бесконечном в пространстве заключает в себе противоречие, так как всякое место должно начинаться и кончаться во времени. Поэтому они отбросили эту идею. Они пошли дальше и увидели, что боги, которые царствовали в этих небесах, были когда-то человеческими существами на земле и, благодаря своим добрым делам или по каким-то другим причинам, стали божествами; что их божественности, как они выражались, были различными состояниями, степенями, или рангами, и что даже боги, о которых говорится в Ведах, не могли быть постоянными индивидуальностями. Они решили, например, что Индра и Варуна были не имена лиц, но названия известных полосканий, как правителей и т.п. Согласно взгляду этих мыслителей, Индра, который был

прежде, не то лицо, что Индра теперь. Тот ушел, а кто-то другой возвысился и занял его место. То же произошло и со всеми другими богами, так как их божественность была только известным положением, которое последовательно занималось разными человеческими душами, возвышавшимися до степени божеств. Но даже и они умирают. В древней Риг-Веде мы находим слово "бессмертие" в применении к этим богам, но позднее оно исчезает, так как было открыто, что нельзя говорить о бессмертии, – которое вне времени и пространства, – какой бы то ни было физической формы. Как бы она ни была разжижена или утончена, она все-таки должна иметь начало и конец во времени и пространстве, потому что все элементы, входящие в образование всякой формы, находятся в пространстве. Попробуйте думать о какой-нибудь форме отдельно от пространства. Это окажется невозможным. Пространство – это, так сказать, один из материалов, образующих форму, а последняя постоянно изменяется. Она, равно как и время, оба в Майе, как указывается в следующей фразе – "То, что здесь, то так же и там". Если поэтому эти боги и существуют, то они подчинены тем же законам, которые применяются здесь, а единственный конец, к которому ведут все законы, – разрушение и возобновление. Тот порядок, который называем законом, разделяет всю материю на части, составляет из нее различные формы, разрушает их и превращает опять в материю. Все, что рождается, должно умереть; откуда следует, что, если есть такие места, как небеса, то те же самые законы должны применяться и там.

Мы видим, что в этом мире за всяким счастьем следует какое-нибудь несчастье. Смерть – это тень жизни, и обе они должны идти вместе, потому что они не противоположности, не два отдельные существования, но различные, проявления того же самого единичного фактора; также как горе и радость, добро и зло. Дуалистическое понятие, что добро и зло две особые, вечно различные сущности, при ближайшем его рассмотрении, оказывается нелепостью. Это разные проявления одного и того же факта, являющегося сегодня как зло, а завтра – как добро. Различие здесь не в роде, а только в степени, в напряжении. Та же нервная система приносит одинаково как болезненные, так и приятные ощущения, и, если нервы повреждены, никакое из этих ощущений к нам не доходит. Если какой-нибудь нерв парализован, мы не получаем приятных ощущений, которые обыкновенно идут по этому пути, но не чувствуем также и боли. Удовольствие и боль не два, но одно. В разное время жизни одна и та же вещь производит или страдание, или удовольствие. То же явление создает удовольствие для одного и страдание для другого. Еда мяса доставляет удовольствие для человека, но страдание для животного, которое едят. Еще никогда не существовало ничего, что бы было одинаково приятно для всех. Что одному нравится, другому не нравится. И так будет всегда. Из этого видно, что дуалистическое понятие о добре и зле, как о различных сущностях, совершенно несостоятельно.

Что же из этого следует? – Я говорил вам в последней лекции, что в конце концов состояние, в котором все хорошо или все дурно, невозможно. Некоторых из вас это может разочаровать и смутить, но я тут ничего не могу поделать. Я охотно согласился бы с противоположным утверждением, если бы оно было доказано: но пока этого нет, должен держаться своего мнения.

Обыкновенный и, по-видимому, очень убедительный довод против этого положения состоит в том, что, попутно с эволюцией, зло постепенно

уменьшается, и есть основание полагать, что при дальнейшем его уменьшении, через миллионы лет наступит время, когда все зло будет истреблено и останется только добро. Это был бы очень хороший аргумент, если бы только Богу угодно было, чтоб он был верен. Но в нем есть ложная посылка. Он принимает за доказанное, что общая сумма добра и зла – величина постоянная, так что, если одно увеличивается, то другое соответственно уменьшается. Но верно ли это? История мира, скорее, показывает, что количество зла возрастает попутно с возрастанием добра. Возьмем, например, самого первобытного человека, дикаря, живущего в лесу. Его чувство наслаждения очень слабо, но также слабо и понятие о несчастье. То и другое у него почти целиком заключается в области чувственности. Если он не добыл достаточно пищи, он несчастен; но дайте ему вволю есть, предоставьте свободно охотиться и пировать, и он совершенно счастлив. Его счастье, равно и огорчения, зависят только от чувств. Теперь посмотрите на человека, когда знание его увеличилось. Его счастье растет по мере того, как развивается его разум. Препрежнее чувственное довольство теперь развилось в довольство умственное: он испытывает огромное наслаждение в чтении поэмы, или, посвятив всю жизнь какому-нибудь математическому вопросу, находить в этом чрезвычайное удовольствие. Но в то же время его утонченные нервы становятся более и более чувствительны к страданиям, которых, будучи дикарем, он никогда не знал; он уже испытывает умственные страдания. Разлука с любимым человеком или отсутствие с его стороны любви, бесконечные домашние ссоры и дюжина других вещей усиливают его несчастье и налегают на него с такой силой, о какой дикарь и не подозревал. Возьмем простой пример. В Тибете нет брака, и потому нет ревности; а между тем мы знаем, что общество, в котором существует брак, гораздо выше, чем то, в котором его нет. Тибетцы не знали удивительного наслаждения благами целомудрия, счастья, которое дает брак с чистой и добродетельной женой или с нравственным и добродетельным мужем; они не могут этого чувствовать. Но в то же время они не чувствуют и той чрезмерной боли и жгучего страдания, которые испытывают муж или жена в случае неверности другого супруга. Высший уровень потребностей, с одной стороны, – усиление счастья, а с другой, – прибавление горя.

Возьмите вашу собственную страну, самую богатую и роскошную, какую когда-либо знал мир, и посмотрите, как чрезмерны здесь страдания. Как много у вас сумасшедших, сравнительно с другими народами, только потому, что слишком сильна ваша жадность. Человек здесь должен располагать большими средствами. Количество денег, которое вы тратите в один год, для человека в Индии, составило бы богатство на всю жизнь. И вы не можете говорить кому-нибудь, что б он довольствовался меньшим, потому что окружающие его условия таковы, что если он не имеет известной суммы денег, он будет уничтожен. Общественное колесо здесь катится вперед, не останавливаемое ни слезами вдов, ни воплями сирот. Вы также должны двигаться, или будете раздавлены. Таково положение вещей здесь повсюду. Ваше чувство наслаждения чрезвычайно развито, ваше общество привлекательнее, чем у других; у вас масса способов наслаждаться. Но те, у кого их меньше, имеют гораздо меньше и страданий, чем вы. И это вы найдете везде. Чем выше запросы мозга, тем больше наслаждений, но также больше бедствий и нищеты, так: как *ndm* как бы тень другого. Поэтому, если и допустить, что зло со временем уменьшится, то вместе с тем должно уничтожиться и добро. Не в праве ли я утверждать, что зло увеличивается быстрее, чем добро? Иногда

кажется, что если добро возрастает в арифметической прогрессии, то зло – в геометрической. И это – *Майя*. Это значит, что, в конце концов, не прав, как оптимизм, так и пессимизм. Веданта не говорит, что этот мир дурен. Это была бы ложь. Но сказать, что мир полон счастья и блаженства будет также неправда. Это было бы только обманом себя и других. Большая ошибка учить детей, что все в мире хорошо и он полон цветов, молока и меда. Но не меньшее заблуждение также думать, что все в нем дурно, только потому, что один человек страдает больше, чем другой. Эта двойственность, эта игра добра и зла и называется *майей*. Веданта говорит: Не думайте, что добро и зло отдельные вещи, или что это две разные отвлеченные сущности; на самом деле, они одно и то же, обнаруживающееся в разной степени и под различными видами и производящее на один и тот же ум разные впечатления, в зависимости от времени и обстоятельств. Самая первая идея в Веданте это открытие единства во внешних вещах, обнаружение того, что все, проявляющееся, как многое, – как бы ни были велики различия в разных его проявлениях, – представляет в сущности одно. Вспомните старую грубую теорию Персов о двух богах, создавших этот мир, – добром боге, который делает все приятное, и злом, творящем все остальное. Нелепость ее видна сразу, так как, если бы она была верна, то для каждого закона природы было бы два противоположных вида, в зависимости от того, как его создавал сначала один бог, а потом другой. Мы наоборот, видим, что одна и та же сила кормит воробья и нас и убивает тысячи людей. Другим возражением против такого объяснения может быть вопрос, как эти два бога, работающие одновременно и творящие в одном месте добро, а в другом зло, могут поддерживать согласие друг с другом? Поистине, это был самый грубый способ выражения двойственности вселенной.

Обратимся теперь к более совершенным философиям, которые учат в чрезвычайно отвлеченных выражениях, что мир частью хорош, а частью дурен. Даже и эта теория, если смотреть на нее с той же точки зрения, представляет собой нелепость. В конце концов оказывается, что ни оптимизм, ни пессимизм не объясняют мира и не дают о нем верного представления. Некоторые факты приводят нас к одному, другие – к другому. Но, подвигаясь в нашем исследовании вперед, мы находим, что Веданта снимает всю ответственность с природы и возлагает ее на нас самих. Она не отрицает существования зла; наоборот, смело анализирует факты, как они есть, никогда не стараясь закрывать глаза на что бы то ни было, но и не вызывая безнадежность. Веданта и не агностик. Она находит утешение и устанавливает его на несокрушимом основании, а не отделяется рассказами о заведомо ложных вещах, обман которых открывается через несколько дней. Когда я был ребенком, у одного молодого человека умер отец, оставив его с огромной семьей совершенно нищим; и те, кто выдавал себя за друзей отца, отнеслись к нему теперь, как если бы были его злейшими врагами. Встретив однажды священника, он рассказал ему о своей горе и в утешение услышал: "Все это для вашего блага". – Все нам посылается для нашего блага! Эта старая манера прикрывать рану фольгой. Она не имеет смысла и выражает только признание нашей слабости и невежества. Молодой человек ушел, а шесть месяцев спустя был приглашен тем же священником принять участие в торжестве, которое он устраивал по случаю рождения сына. Когда хозяин начал говорить: "Возблагодарим Господа за Его милости", гость перебил его словами: "Но ведь здесь вовсе нет милости. Это скорее несчастье!" "Почему?" – спросил священник. "Потому, – отвечал молодой человек, – что когда умер мой отец,

мне это казалось несчастьем, но вы сказали, что на самом деле это было благом. Если так, то кажущееся хорошим, на самом деле, должно быть дурным". Разве он не был прав? Могут ли человеческие слова исцелить какое-либо человеческое горе? Нет, и нет! Будем делать что можем, будем сочувствовать всем страждущим, но никогда не позволим себе отделяться пустыми фразами. Ничто в этом мире не излечит его зла. Поэтому мы должны научиться подняться выше его.

Эта вселенная всегда будет представлять собой сочетание добра и зла. Где есть добро, зло следует за ним: но позади и выше этого противоречащего самому себе явления, Веданта видит единство обоих. "Откажись, – говорит она, – от зла, но откажись также и от добра". Что же тогда останется? Добро и зло, – заявляет Веданта, – не все, что мы имеем. За обоими стоит нечто, именно вы сами, истинное *вы*, высшее всякого зла, но высшее также и всякого добра. Это то, что проявляет себя, как добро и зло. Узнайте это сначала, и тогда, но не раньше, вы можете быть оптимистом, так как тогда будете повелевать обоими. Управляйте сами этими проявлениями, и тогда впервые вы будете в состоянии обнаруживать свое истинное Я совершенно по своей воле. Только тогда вы будете способны проявлять только одно добро или зло, как захотите. Только тогда, если пожелаете, вы будете иметь право называться оптимистом.

Прежде всего, сделайте себя хозяином самого себя; прежде всего воспряньте и будьте свободны. Поднимитесь выше сферы закона, так как законы не распространяются на всю природу: им подчинена только часть вашего существа. Узнайте прежде всего, что вы не раб природы, никогда им не были и никогда не будете. Убедитесь воочию, что природа, бесконечная, как вы могли думать, – на самом деле, конечна; она только капля в обширном океане, океан же – это вы сами. "Смотри, ты превосходишь солнце, луну и звезды. Сравнительно с твоим бесконечным существом, все они не более как мыльные пузыри". Познайте это, и вы будете управлять и добром и злом. Только тогда ваше зрение изменится и вы встанете и скажете: "Как прекрасно добро и как удивительно зло!"

Вот что Веданта приглашает вас делать. Она не предлагает усыпляющего лекарства, не рекомендует покрывать раны золотой бумагой и, когда рана загноится больше, выкладывать новые листы. Она говорит: "Жизнь жестокая вещь. Если можете, смело выходите из нее. Хотя бы оковы ее были алмазные, что вам за дело; Душа ведь крепче алмаза". Веданта не возлагает никакой ответственности на маленькие божества. Вы сами делатели своей судьбы. Вы сами позволяете себе испытывать хорошее и дурное. Вы собственными руками закрываете себе глаза и говорите, что темно. Уберите руки и увидите свет! Вы лучезарны, вы от вечности совершенны. Поймите, что "Тот, кто видит вокруг себя множество, идет от смерти к смерти". Так узрите же Одно и будьте свободны!

Но как убедиться в этом? – Даже наш ум, как он есть теперь, слабый, заблуждающийся и впечатлительный, даже он может быть сделан настолько сильным, чтобы, схватывая проблески знания, проблески Единства, и избавить нас от повторения рождений и смерти. "Как дождь, падая на вершину горы, разделяется на множество потоков, бегущих вниз по ее склонам, так все виды энергии, которые мы видим вокруг себя, имеют начало в том Едином". Он, подобно дождю, падая на Майю, кажется многим. Итак, не гонитесь за многим,

но стремитесь все вперед, к тому Единому, Он во всем движущемся, во всем чистом, Он наполняет вселенную. Он жертва и Он гость в доме. Он в человеке, в воде, в животных, в самой истине. Он – все. Как огонь в этом мире проявляется в разных формах, так и Душа Вселенной проявляет Себя во всем. Как воздух, окружающий Вселенную, проявляется многими способами, так и Единая Душа душ проявляет себя во всех существах". Но это вы скажете после того, как увидите воочию это Единство, но не раньше. Умение видеть Его везде и есть истинный оптимизм.

Но возникает вопрос: Если все это верно, если Чистый, Единый, Сущий, Бесконечный находится во всем, то как же может быть, что Он страдает, испытывает бедствия и становится нечистым? Ничего подобного нет, говорит Упанишад, – все это только иллюзия. "Как солнце – причина того, что все существа видят, не делается несовершенным вследствие недостатков какого-нибудь глаза, совершенно также и Я нечувствительно к страданиям тела, в котором Оно проявляется". Я могу иметь болезнь, вследствие которой все мне будет казаться желтым, но солнце ведь не испытывает влияния этого. Совершенно так же и "Он – Единый, Создатель всего, Вседержитель, Единая Душа внутри всех существ и Тот, кто делает свое Единство множественным. Мудрым, которые познали Его, как Душу их собственных душ, принадлежит вечный мир; но только им, и никому другому". "Те, кто в этом мимолетном мире находят Его, никогда не изменяющегося, кто в этой тленной вселенной находят эту Одну Жизнь, кто в этой множественности находят Единство, и все, кто познает Его, как Душу их собственных душ, – тем принадлежит вечный мир, и никому, никому больше". "Где найти Его во внешнем мире? Где искать Его? В солнцах, лунах или звездах? – То место не может освещать ни солнце, ни луна, ни звезды. Блеск молнии не виден там. Как можем мы говорить об этом гаснущем огне? Его светом все создано, Его озарением все сияет". А вот другое прекрасное уподобление. Те из вас, кто были в Индии, поймут, что разумеется в нем под баньяновым деревом, зная, как оно берет начало из одного корня и распространяется далеко кругом. "Он Великий Баньян, корень которого в Невидимом мире, недоступном нашим чувствам, и который распространил ветви, чтобы создать вселенную. Все эти стволы и ветви – одно с Ним. Он – корень. Он – корень".

В части Вед Брахмана говорится о многих небесах, и главная идея Упанишад требует, чтобы мы отбросили всякую мысль о том, чтоб идти на какое-либо из них. Труд освобождения совершается не на этом или том небе, а здесь, в душе. Место ничего не значит. Позвольте мне процитировать одно место, в котором показано взаимное отношение некоторых из этих мест: "В небе предков человек видит истину как во сне". То есть как во сне вещи кажутся неясными и туманными, так представляется здесь уму и идея о Я. "В небе Гандхарва видение еще не вполне отчетливо. Как человек видит свое отражение в воде, совершенно так же он видит здесь действительность". Самое высшее небо, по понятию Индусов, называется Брама-Лока, и здесь истина видится более ясно, но все еще не вполне. Она здесь похожа на свет и тень. "Как человек, смотрящий в зеркало, видит свое собственное лицо вполне отчетливо и ясно, совершенно так же истина видна в душе человека. Поэтому самое высшее небо внутри нас и самый благородный из всех храмов – это душа человека. Веданта говорит: "Эта земля больше, чем какое-либо небо, потому что нигде, ни в каком небе мы не можем научиться так отчетливо и ясно понимать действительность, как здесь, в этой жизни, внутри души". Все остальное только перемена мест. В

Индии я думал, что некоторые пещеры дадут мне более ясное видение, но убедился, что нет. Тогда я надеялся, что лес окажется полезнее, потом мечтал о Бенаресе, и все с тем же результатом. Везде мы находим одно и то же, потому что мы сами создаем себе наш собственный мир. "Если я зол, говорит Упанишад, – мне весь мир будет казаться злым. И то же применимо везде. Если бы я умер теперь и пошел на небо, я нашел бы там то же положение вещей, что и здесь. Пока человек не стал чистым, для него совершенно бесполезно бежать в пещеры, или леса, в Бенарес или на небо. А раз вы отполировали свое собственное зеркало, для вас безразлично, где ни жить, так как вы увидите действительность, как она есть. Поэтому совершенно напрасный труд бежать выше и выше, тратя энергию, которая должна быть употреблена на полировку зеркала". Ту же идею вы находите иначе выраженной. "Никто не может видеть Его. Никто этими глазами не может видеть Его форм. Только чистым умом Он может быть видим. Так достигается бессмертие". Те из вас, кто слушали мои лекции по Раджа-Йоге, видят, что здесь, в философии, мы рассматриваем то же, что рассматривали тогда в другом и отличном роде Йоги, и что каким бы путем человек ни достиг управления своими чувствами настолько, что они стали рабами его души и не могут больше тревожить его ум, тогда он, Йог, достиг состояния, в котором может применять Йогу. "Когда все желания сердца отброшены, тогда этот самый смертный становится бессмертным, становится одним с Богом. Когда все узлы сердца разрублены, тогда человек достиг бессмертия, и даже в этом мире наслаждается Брахманом".

Здесь необходимо маленькое объяснение. Вы часто слышите, что Веданта и другие восточные философские системы открывают людям перспективы чего-то высшего и побуждают отказаться от стремлений и удовольствий этой жизни. Я мог бы привести вам много мест, в которых высказывается это. Но такое утверждение ложно. Только те, кто совершенно не знаком с восточной мыслью, могут воображать, что она указывает куда-то вдаль, на какой-то другой мир. Вы видели, наоборот, что она прямо учит о тщетности таких надежд, торжественно отвергая всякие небеса, как места, где люди могут в течение некоторого времени смеяться и плакать, но где, в конце концов, они должны умереть, как и здесь. То, что наши недостатки заставляют нас испытывать здесь, те же недостатки заставляют нас испытывать и там. Единственно, что постоянно – это человеческая душа, и она здесь. Философия Веданта настаивает также, что мы не можем избежать неизбежного путем самоубийства, не можем уклониться от наших испытаний. Ее книги говорят, что верный путь находится с трудом.

Как видите, индусский ум так же практичен, как и западный, только мы расходимся во взглядах на то, в чем состоит жизнь. Один говорит: стройте хороший дом, имейте хорошую одежду и пищу, развивайте свой ум, изучайте науки и т.д., в этом вся жизнь. И он считает себя очень практичным. Индус же говорит, что знание мира состоит в познании души и понимании идей, и хочет наслаждаться такой жизнью. В Америке есть замечательный оратор-агностик. Этот благородный и уважаемый человек, говоря о религии, сказал, что она совсем не нужна и что нам незачем утруждать свои головы мыслью о других мирах. Выразился он так: "У нас здесь есть апельсин. Будем же выжимать из него весь сок, какой только можем выжать". На это я ответил ему: – Я с вами совершенно согласен. Подобно вам, я хочу выжать сок из моего плода. Только вы любите апельсин, а я предпочитаю манго. Вы можете думать, что все, что нужно в жизни – это есть, пить и иметь немножко научных знаний. Но какое

право вы имеете говорить, что такой идеал заключает в себе все? Для меня он ровно ничего не стоит. Если бы я мог в этой жизни надеяться узнать только, как падают на землю яблоки, или как электрический ток потрясает мои нервы, я способен был бы на самоубийство. Я хочу проникнуть в самое сердце вещей. Вы изучаете проявление жизни; я саму жизнь. И я хочу тоже выжать из нее весь сок, и даже во время этой жизни. Моя философия говорит мне, что я должен понять самую суть и покончить с небесами, адами и всеми подобными суевериями, даже если они существуют в том смысле, как существует этот мир. Я хочу знать сердце жизни, ее суть, а не только то, как она существует, действует и проявляется. Мне надо *почему* вещей, а *как* я оставляю для детей. Один важный человек на Западе сказал: "Если бы я мог записать все, что происходит, пока я курю папиросу, это была бы наука о папиросе". Это очень хорошо. Конечно, великая вещь быть ученым. Бог благословляет все души на искание истины. Но когда человек говорит, что это все, и что он не интересуется знать *смысл* жизни, не желает изучать собственное существование, тогда, по моему мнению, он рассуждает очень глупо. Я могу настаивать в ответ, что все его знание – невежество, не имеющее никакого основания. Он изучает проявления жизни, но когда я спрошу его: а что такое сама жизнь? – он говорит, что этого он не знает. Продолжайте, пожалуйста, ваше изучение, но оставьте мне мое. И все-таки я претендую на то, что с моей точки зрения я в высшей степени практичен. В сущности, все эти разговоры о практичности чистая нелепость. Вы можете быть практичными в одном отношении, другой – в другом; но есть люди иного склада ума, которые говорят мало, но если узнают, что истину можно открыть, только стоя постоянно на одной ноге, то немедленно проводят свое знание в практику. Другой тип людей слышит, что в известном месте есть золотые россыпи, охраняемые вооруженными дикарями. Они тотчас отправляются туда, хотя бы с тем, чтобы погибнуть и чтобы только третьи их последователи достигли успеха. Но тот же человек слышал, что есть душа, и довольствуется тем, что священник проповедует о ней. Человек первого типа не пойдет за золотом и будет, пожалуй, говорить об опасностях от дикарей. Но если вы ему скажете, что на вершине Эвереста, в двадцати пяти тысячах футов над уровнем моря живет мудрец, который может дать ему знание о душе, он бросится туда тотчас, в одежде или без нее, сытый или голодный. И он не поколеблется, если вы ему скажете, что масса погибла в этой погоне и только немногие достигли цели. Сорок тысяч могут быть убиты, но один находит истину. Этот класс людей, как видите, тоже практичен. Ваша ошибка заключается в том, что вы воображаете, будто то, что вы называете миром, и есть вся жизнь. Предмет ваших стремлений чувственное наслаждение – преходящ. Он никогда не бывает неизменным и ведет только к нагромождению бедствий на бедствия, приносит только вечное горе. Мой – путь к вечному миру.

Заметьте, я не называю ваше определение практичности неверным. Я вполне признаю его, и знаю, что оно принесет много добра миру. Но не порицайте же мой взгляд. Я тоже практичен, хотя и в другом отношении. Предоставьте каждому работать по-своему. Если Богу угодно, то мы все окажемся одинаково практичны в обоих направлениях. Я видел несколько ученых, которые были, в одно и тоже время, и практичны и религиозны, и сильно надеюсь, что со временем человечество будет поступать как они. Обратите внимание на котел с водой, когда он начинает закипать. Сначала поднимается пузырек в одном месте, потом – в противоположном, затем число пузырьков увеличивается, по четыре или по пяти их сливаются вместе, пока, наконец, все не соединится и не

настанет общее движение. Совершенно то же происходит и в окружающем нас мире. Каждый индивидуум – отдельный пузырек, а народ – это их масса. Мало-помалу они соединяются, и я верю, что настанет день, когда такие вещи, как нации, исчезнут, когда все разъединяющие нас преграды уничтожатся и проявится то Единство, к которому волей или неволей мы все стремимся. Все мы по природе братья и только росли врозь. Но должно наступить время, когда все наши идеи будут общими, когда все люди станут одинаково практичными как на поле знания, так и в религии, и когда Единство и гармония Абсолюта обнимет весь мир. Все человечество тогда будет дживанмуктами – свободно, даже живя. К этой одной цели, с любовью и ненавистью, завистью и доброжелательством, с сотрудничеством и противодействием, все мы пробиваем свой путь. Бесконечный поток стремится к океану. В нем плывут куски травы и поблекшие листья. Пусть они силятся, как могут, плыть по течению или против него, все равно в конце концов все попадут в море. Все мы и вся природа, подобно сухим листьям, уносимся бешеным потоком существования к одному и тому же океану жизни, к совершенству, к Богу: и, как бы ни старались освободиться от потока и исполнять свою собственную волю, все должны, наконец, сдаться и предоставить себя течению, пока не достигнем бесконечного Океана Жизни и Блаженства.

БОГ ВО ВСЕМ

Мы видим, что большая часть нашей жизни, как бы мы этому ни противились, наполнена злом, и что масса причиняемого и испытываемого нами зла почти бесконечна. Устранить такое положение вещей люди старались с начала времен, но оно и теперь осталось то же самое. Чем больше открывали средств для улучшения его, тем более оказывалось нового, еще более утонченного зла. Мы видели также, что все религии говорят о Боге, как о единственном убежище, в котором мы можем найти освобождение. Все они утверждают, что, если мы, как рекомендуют практические люди, будем брать мир как он есть, нам ничего не останется кроме зла. Но они утверждают также, что есть нечто высшее этого мира и что жизнь материальная, познаваемая посредством пяти чувств, не вся наша жизнь, но только маленькая поверхностная частица ее, тогда как за ней и выше нее есть Бесконечная жизнь, в которой зла нет. Эту Бесконечную жизнь одни называют Богом, другие – Аллахом, третьи – Иеговой, четвертые – Юпитером и т.д. Ведантист называет ее Брахманом.

Мы должны жить в этом мире, несмотря на все его зло. Как же нам следует жить? Судя по первому впечатлению, которое производят на нас советы религий, чем скорее мы покончим наше существование, тем лучше, так как на вопрос: "как излечить зло жизни?" – мы получаем от религий ответ: "Откажись от жизни". Это напоминает старую басню. – Комар сел одному человеку на голову, а другой, желая убить комара, нанес такой удар, что убил и комара, и своего друга. Средство, предлагаемое религиями, по-видимому, рекомендует подобный же способ. Мир и жизнь в нем полны зла. Это факт, которого не станет отрицать никто, достаточно поживший и познакомившийся с жизнью. Но что же предлагают религии? Они единогласно говорят: "Познай, что мир ничто, но выше его есть нечто, вполне действительное". Вот тут-то и затруднение. Ведь это как будто совет сразу со всем покончить. Но улучшит ли это положение, и нет ли из него другого выхода? – Веданта говорит, что все, предлагаемое всеми религиями мира, совершенно верно, но только его надо

надлежащим образом понимать; предписания же религий часто понимаются неправильно, и это понятно, так как они, обыкновенно, выражены недостаточно ясно и точно.

Человек нуждается одновременно в голове и сердце. Сердце великая вещь, так как через него приходят все высокие вдохновения, и я в сто раз больше желал бы иметь маленькое сердце и никакого мозга, чем представлять собой одну голову при отсутствии сердца. Жизнь и прогресс возможны только для того, у кого есть сердце, а кто может только рассуждать, но лишен способности чувствовать, тот неизбежно засыхает. Но мы знаем, что человек, руководящийся в своих поступках только сердцем, часто впадает в ошибки и оттого испытывает много бед. Поэтому нам необходимо сотрудничество сердца и головы. Я не хочу этим сказать, что человек должен иметь столько-то сердца и столько-то ума и прийти к полному между ними согласию. Но пусть каждый, сколько может, чувствует и, сколько может рассуждает. Зачем какие-либо ограничения? Разве мир не бесконечен? Разве в нем нет места для безграничной симпатии и для безграничных – рассуждения и культуры? Пусть то и другое идут вместе, не стесняя друг друга. Дайте им идти, так сказать, по параллельным линиям, одна вдоль другой.

Большинство религий знает факт существования зла и устанавливает его в ясных и точных выражениях, но все они впадают в одну и ту же ошибку, увлекаются сердцем, чувствами. В мире есть зло, поэтому покиньте мир: это главное и единственное, чему они учат. Покинуть мир! Не может быть двух мнений относительно того, что всякий, желающий познать истину, должен отказаться от заблуждения; что каждый, жаждущий жизни, должен отбросить все, что носит в себе смерть. И все-таки, что же останется нам, если, следуя этому учению, мы откажемся от жизни чувств, от жизни, какой ее знаем, и от всего того, что понимаем под жизнью? Если мы все это отбросим, то у нас ничего, по-видимому, не останется.

Дальше, познакомившись больше с философской частью Веданты, мы поймем это лучше; а теперь позвольте вам сказать, что только в Веданте мы найдем разумное разрешение этого вопроса, и оно заключается в обожествлении мира.

Веданта совсем не отвергает мир. Правда, нигде идеалы отречения не достигают такой высоты, как в ее учениях, но в то же время никакого самоумерщвления она не рекомендует, а предлагает только обожествление мира. Откажись от мира, каким мы его знаем, каким он нам представляется, и познай его таким, каков он в действительности. Обожествляй его, так как он, и только он, – Бог. В этом смысле мы читаем в начале древнейшего из Упанишад, – в самой первой книге, которая когда-либо была написана о Веданте: "Все, что существует в этой Вселенной, все что есть в ней, все должно быть облечено Богом". Да, мы во всем должны видеть самого Господа. Не из ложного оптимизма, не закрывая глаза на зло, но действительно видя Бога во всех вещах. Вот в каком смысле следует отвергать мир. Что же останется, когда мир будет таким образом отвергнут? – Останется Бог. Но как следует понимать здесь отказ от мира, или отрешение от него? Значит ли это, что вы должны покинуть ваши дома, выбросить на улицу ваших жен и детей и бежать прочь, как делают многие злодеи в разных странах? Конечно, нет. Это было бы не религией, а дьявольщиной. Вы можете оставаться в ваших домах, сохранить при себе ваших жен и детей, но только должны видеть в них самого Бога. И так

следует поступать во всем и всегда, в жизни и смерти, в несчастье и в счастье. Весь мир полон Господом. Откройте ваши глаза и зрите Его везде. Вот все, что говорит Веданта. Откажитесь от мира, каким вы его предполагали, потому что ваше предположение основывалось не на опыте, но на жалких рассуждениях, построено на ваших собственных недостатках. Мир, которому вы придавали такое значение, к которому так долго были привязаны, – мир ложный, созданный нами самими. Отбросьте его. Откройте ваши глаза и смотрите; он никогда таким не был; это все было сном; это была *майя*. То, что существовало был Сам Господь. Он был в ребенке, в жене и в муже. Он был в добре и Он же был в зле. Он был в грешнике и Он был в грехе. Он был в жизни и Он же был в смерти. Действительно, ужасное утверждение! И, однако ж, это тезис, который Веданта старается проповедовать и доказать.

Но вы спросите: как же тогда избежать опасностей жизни и ее зла? И Веданта отвечает: "Ничего не желать и не требовать от жизни, так как причина всех испытываемых нами несчастий – только желания. Вы хотите чего-нибудь, это желание не исполняется, и – в результате – вы несчастны. Если бы не было желаний, не было бы страданий". Но что будет с нами, если мы откажемся от всех наших желаний? Стены комнаты, в которой мы находимся, ничего не желают, никогда не страдают, но и не развиваются. Стул не имеет желаний, никогда не страдает и остается всегда стулом. Есть блаженство в счастье, но оно есть и в страданиях; зло тоже приносит пользу. Всем нам знакомы великие уроки, получаемые от горя. Все мы делали в жизни сотни таких вещей, что от всего сердца желали бы, чтобы их не было, и, тем не менее, эти наши поступки многому нас научили. Что касается меня, то я очень рад, что делал кое-что хорошее и много дурного; рад, что поступал иногда правильно, но рад также, что совершил и много ошибок, так как каждая из них была для меня великим уроком. Я, каков я теперь, – результат всего, что я делал и думал. Каждая из моих мыслей и каждое из моих действий имело свое следствие, и все вместе составило итог моего развития. Так я радостно подвигаюсь вперед, а задача становится все труднее и труднее. Все мы понимаем, что желать не следует; но что значит отказаться от желаний? Как жить, если мы сделаем это? Не будет ли это таким же средством, как убийство человека вместе с комаром? Выслушайте же ясный ответ. Отказаться от желаний не значит, что вы не должны иметь собственности, вещей необходимых, и даже предметов роскоши. Имейте все, что хотите, иногда, пожалуй, то, что вам совсем не нужно, только знайте истину и осуществляйте ее. Не считайте, что это богатство принадлежит вам; но не ваше, не мое и не чье-либо, но все принадлежит Господу; и мы должны, – как говорит вступительный стих древнейшего из Упанишад, помещать во все Бога. Бог в том богатстве, которым вы пользуетесь: Он в желании, которое возникает в вашем уме: Он в вещах, которыми вы хотите обладать, или которые хотите купить; Он в вашей прекрасной обстановке и украшениях. Вот ход мыслей, указанный в священных словах. Как только вы начнете видеть все в этом свете, все изменится. Если вы поместите Бога во всякое ваше движение, – в ваши одежды, ваш разговор, ваше тело, в вашу форму, одним словом, во все, – вся сцена изменится, и мир, вместо того, чтобы казаться полным бедствий и несчастий, станет небом.

"Царство небесное внутри вас"... Оно уже здесь, – говорит Веданта; и то же говорит каждый великий учитель. "Имеющий глаза, да видит, и имеющий уши – да слышит". "Оно уже здесь". Это одно из положений, которое берет на себя проповедовать Веданта. Оно показывает нам, что истина, которую мы все

время искали, была уже у нас. Мы думали, в нашем невежестве, что потеряли ее, и с плачем исходили весь мир в поисках, тогда как все время носили ее в своем собственном сердце.

Если обязанность "оставить мир" понимать в самом грубом прямом смысле, то это значило бы, что мы не должны трудиться, но оставаться праздными, сидеть как глыба земли, ни о чем не думать и быть фаталистами, которых каждое внешнее обстоятельство влечет в ту или другую сторону, а законы природы переносят с места на место. Вот какой результат получился бы от такого понимания этого предписания. Но под ним разумеется не то. Мы должны трудиться, но не так, как трудится обыкновенный человек, отдавшийся во власть своих желаний. Разве он знает что-нибудь о труде? Настоящим образом трудится тот, кто не руководствуется своими желаниями или какими-либо эгоистичными побуждениями, кто не имеет в виду никаких последствий, ничего не стремится извлечь для себя из труда.

Кто действительно наслаждается картиной, – тот ли, кто продает ее, или тот, кто на нее смотрит? Торговец занят своими расчетами: сколько он получит за нее и каков будет его барыш. "Его мозг полон этим". Он смотрит на молоток и слушает, какие делаются надбавки. Он напряженно следит за ценой, до которой поднялись предложения. Истинно же наслаждается картиной тот, кто пришел без всякого намерения покупать или продавать. Он свободен от всяких посторонних соображений, но просто смотрит и чувствует. Мир похож на картину, и когда все помыслы об обладании им исчезли, только тогда человек способен наслаждаться им, потому что прекратилась покупка и продажа, и безумие собственности. Закладчик, покупатель и продавец ушли, и мир стоит перед вами с своими собственными достоинствами, как прекрасная картина. Я никогда не встречал более изящного представления о Боге, чем следующее: "Он великий древний поэт, проявляющий себя в гармонии, рифмах и стихах, написанных в состоянии бесконечного блаженства". Но только, освободившись от желаний, мы будем свободны так наслаждаться этой Божьей Вселенной. Тогда все будет обожествлено. Тогда даже углы и закоулки, тропинки и темные места, которые мы считаем нечистыми, даже они будут боготворимы. Они покажут свою истинную природу, и мы посмеемся над собой, поняв, что все наши слезы и вопли были только детской игрой, а мы, родители этих играющих детей, все время стояли, наблюдая их.

Итак, Веданта прежде всего дает нам совет трудиться, отказываясь от кажущегося призрачного мира и видя во всем Бога. Работайте так. Желайте, если хотите, жить сотню лет, пользуйтесь всем, что вам может дать земля, только обожествляйте это все. Сначала превратите землю в небо и тогда живите и желайте жить на этой земле жизнью долгой и полной наслаждений, блаженства и деятельности. Трудясь так, вы нашли настоящий путь, и этот путь только один. Если человек погружается, очертя голову, в роскошь мира, не познав истины, он сбился с пути и не достигнет цели. Но и тот, кто проклиная мир, умерщвляет свою плоть, бежит в лес, голодает и, подавляя чувства, обращается в огромную бесплодную пустыню, также сбился с пути. Это две крайности, два противоположных заблуждения, и впадающие в каждое из них теряют путь и не достигают цели.

Таким образом, Веданта говорит: Трудись, влагая Бога во все и зная, что Он во всем; трудись постоянно и смотри на жизнь, как на божественную, как на самого

Бога: пойми, что это все – что мы должны делать; все, чего можем требовать, потому что Бог действительно во всем. Куда еще мы должны идти, чтобы найти Его? Он во всяком деле, во всякой мысли, во всяком чувстве. Будем трудиться, постоянно помня это, и тогда следствия наших поступков не будут для нас цепями, не принесут нам вреда. Мы видели, как суетные желания влекут за собой все испытываемые нами несчастья и горести; будучи же так обожествлены и очищены Боге, если даже они и явятся, не приносят никакого зла, не оставляют после себя никакого злополучия. Те, кто не открыл еще этого секрета, будут вести дьявольскую жизнь, пока не откроют его. Они не знают, какие бесконечные, еще не открытые россыпи блаженства, удовольствий и счастья находятся везде внутри и вокруг них. Веданта утверждает, что только незнание и делает этот мир таким, дьявольским.

Она говорит: Мы умираем от жажды, сидя на берегу могущественной реки; сидя за пиршественным столом, умираем от голода. Вокруг нас Мир Блаженства, а мы все ищем его, и не можем найти, потому что погружены в него. Он всегда окружает нас: но мы постоянно неправильно понимаем его сущность. Религии имеют в виду найти его для нас и ведут нас к нему. Этот мир блаженства – предмет исканий всех сердец. Его искали все народы. Он – единственная цель, единственный идеал религии, хотя и выражался различно на разных языках. Все маленькие несогласия, которые мы встречаем между одной религией и другой – только глупая борьба из-за слов. Простая разница в речи влечет за собой все наши ссоры. Один выражает известную мысль одним способом, другой ту же мысль высказывает несколько иначе, а затем, желая быть оригинальным или получить похвалу, прибавляет: "Это моя собственная идея". С этого обыкновенно и начинается между ними борьба.

В связи с этим предметом возникает другой вопрос: Все это легко говорить. От самого детства я постоянно слышал об этом видении Бога во всем: с самого детства мне твердили, что я буду в состоянии действительно наслаждаться только тогда, когда мир будет для меня обожествлен. И несмотря на это, как только я вступал в мир и получал несколько жестоких ударов, все следы процесса обожествления у меня исчезали. Я выхожу, например, на улицу, думая, насколько в состоянии, что Бог во всех существах, как вдруг, наталкиваюсь на здоровяка и получаю от него удар, от которого лечу плашмя на землю. Я быстро вскакиваю, кровь бросается мне в голову, мои кулаки сжимаются, и всякая идея о Боге во всем исчезает; я прихожу в бешенство. Все забыто и, вместо воплощения Бога, я вижу дьявола. Каждому из нас с самого раннего детства говорили, что мы должны видеть Бога везде и во всем. Каждая религия учит этому, и вы, конечно, не забыли, что в Новом Завете Христос ясно говорит то же. Да, все мы постоянно слышали это поучение; но, как только приступаем к применению его в жизни, тут и начинается затруднение. Все вы помните басню Эзопа, как красивый олень любовался своим изображением, отраженным в пруде, и говорил своему сыну: "Посмотри, как я могуществен, как великолепны моя голова и ноги, как сильны мои мускулы, как быстро я могу бегать". Вдруг, вдали послышался лай собаки, и он тотчас пустился наутек. Пробежав несколько миль, он, тяжело дыша, вернулся назад. "Ты только что говорил мне, отец, как ты силен. Почему же, как только залаяла собака, ты тотчас убежал?" – спросил его сын. – "Ах", – ответил олень, "Это совершенно понятно, дитя мое: когда собака лает, все убегает". Так бывает со всеми нами в жизни. Мы все очень высокого мнения о нашем бедном я, но как только залает собака, мы все бросаемся бежать, опасаясь за свою жизнь. А если / дело

обстоит так, то какая польза от того, что нам проповедуют все это? – Польза огромная; только ничто не делается в один день.

"Надо сначала слушать о Сущности всего, потом думать и, наконец, размышлять". Каждый может смотреть на небо, и даже червяк, ползающий по земле, когда ему случится взглянуть на него, видит бесконечную синеву; но бедному телу приходится долго ползать по земле. То же происходит и с нашими идеалами. Сам идеал очень высоко от нас, а мы далеко от него внизу. Но мы знаем, что должны иметь идеал, и даже самый высокий. Знаем также, что в этой жизни огромное большинство людей идет ощупью, не имея, к своему несчастью, никаких идеалов. А, если человек, имея один идеал, делает тысячу ошибок, то, я уверен, тот у кого нет ни одного, делает их пятьдесят тысяч. Поэтому лучше иметь хоть один идеал. Об этом идеале мы должны слушать возможно больше, слушать до тех пор, пока он не войдет в наше сердце, не пустит корни в нашем мозгу, пока не составит одно с нашей кровью, не будет звучать в каждой ее капле и не наполнит каждую пору нашего тела. Мы должны слушать о нем, потому что "от избытка сердца уста глаголят", и от полноты сердца руки творят.

Мысль – это движущая сила внутри нас. Поэтому, наполняйте ваш ум самыми высокими мыслями; слушайте их изо дня в день и передумывайте их месяц за месяцем. Не придавайте значения неудачам; они вполне естественны, и прелесть жизни зависит от них. Чем была бы жизнь без ее неудач? Если б не было борьбы, жизнь ничего не стоила бы. В чем бы тогда была ее поэзия? Итак, не бойтесь борьбы и не обращайтесь внимания на ошибки. Я никогда не слышал, чтобы корова лгала, но на то она и корова, а не человек. Поэтому не придавайте значения неудачам, маленьким отступлениям назад, но тысячу раз обращайтесь ваш взор на идеал и, если каждый раз потерпите неудачу, делайте новые попытки. Задача человека видеть Бога во всем: но, если вы не можете видеть Его во всех вещах, старайтесь сначала видеть Его в чем-нибудь одном, в том, что нам больше всего дорого, а затем в другом. Так вы будете подвигаться вперед. Перед душой бесконечная жизнь. Не торопитесь, и вы достигнете чего желаете.

"Он – тот Единый, кто движется со скоростью, непостижимой даже для ума. Он недостижим для богов и не может быть схвачен мыслью. Он, вечно движущийся, все приводит в движение. И при этом Сам всегда в покое. В Нем все существует. Он движется, но Он и неподвижен. Он близко и Он далеко. Он внутри. Он снаружи. Он проникает все. Тот, кто во всех существах видит Атмана и кто все существа видит в Атмане, тот не далек от Атмана". Когда жизнь мира видится таким образом в Атмане, видящий так познал тайну: и для него нет больше обмана чувств. Какое горе может быть для того, кто видит это Единство Вселенной?

Единство жизни, единство всего составляет другой обширный предмет обсуждения Веданты. Мы видели, что Веданта находит, что все страдания происходят от неведения, и что это неведение заключается в идее о множественности, или отдельности человека от человека, мужчины от женщины, взрослого от ребенка, народа от народа, земли от луны, луны от солнца. Идея об отдельности, как между одним атомом и другим, истинная причина всех несчастий в мире и, согласно Веданте, неверна, не имеет под собой почвы. Эта отдельность только кажущаяся, только поверхностная. В

сущности вещей есть только единство. Если вы направите ваше исследование внутрь, то найдете единство между человеком и человеком, женщиной и ребенком, племенем и племенем, между высоким и низким, бедным и богатым. Богом и человеком. Заглянув достаточно глубоко, вы увидите, что все это, и даже животные, – Одно. Тот, кто достиг способности так видеть, больше недоступен заблуждению. Он постиг бесконечное Единство, которое в теологии называется Богом. Какое может быть для него заблуждение? Что может его обмануть? Он знает истинную природу всех вещей. Он проник в самую сокровенную тайну бытия. Какие могут быть для него страдания? Чего он может желать? Он проследил все до Бога, до центра, до единства, из которого все происходит, и нашел, что Господь должен быть вечным Существованием. Для него нет более ни смерти, ни болезни, ни печали, ни страдания, ни недовольства, но все – совершенное единство и полное блаженство. На что он может сетовать? В действительности, нет смерти, нет страданий. В центре, в сущности вещей нет ничего, о чем бы кто-нибудь мог печалиться и плакать. Потому что все вещи проникает Он – Единый Чистый, Бесформенный, Бестелесный, Беспорочный, Он – Всезнающий, Он Великий Источник, Само-Существование, Воздающий каждому по его заслугам. Те воистину бродят ощупью в темноте, кто поклоняется неразумному миру, созданному нашим невежеством. Те, кто поклоняется этому миру, думая, что он так же действителен, как и То Существование, бродят в темноте: те же, что всю свою жизнь живут, не находя ничего лучше и выше, чем этот мир, бродят в еще большей тьме.

Но тот, кто знает тайну прекрасной природы, кто думает о чистой природе, тот при помощи природы проходит над смертью и при помощи того, что в природе действительно, наслаждается Вечным Блаженством. "О, Ты Солнце, покрывающее истину твоим золотым диском! – открой ее мне, чтобы я мог видеть истину внутри тебя!.. А теперь я знаю истину, которая в тебе, теперь я знаю самое сокровенное значение твоего блеска и твоих лучей, теперь я открыл То, что сияет внутри тебя! Я вижу истину, которая в тебе. То, что в тебе – также и во мне. Да, конечно, я сам – То!"

РЕАЛИЗАЦИЯ

Я начну с того, что приведу вам место из Упанишада, одного из самых простых, но – по моему мнению – также и из наиболее поэтичных. Он называется Катха Упанишад. Некоторые из вас, может быть, читали его в переводе сэра Эдвина Арнольда. В нашей последней лекции мы видели, что вопрос о происхождении мира, или сотворении Вселенной, не получил удовлетворительного ответа при исследовании внешних явлений, и явилась необходимость обратить его в другую сторону, внутрь. Катха Упанишад принимает это указание психологии и предлагает свои вопросы внутреннему человеку. Сначала долго ломали голову над тем, кто сотворил видимый мир, как он начал существовать и т.д. Затем пришли к вопросу, что в человеке заставляет его жить и двигаться и что происходит с этим нечто, когда человек умирает?

Более ранние исследования касались материи, старались проследить происхождение видимых нами форм. Эти исследования самое большее, что могли сделать, – это привести к предположению о существовании личного Правителя Вселенной – человеческого существа, может быть, бесконечно

большого во всех отношениях, чем обыкновенный человек, но, по всем его намерениям и целям, несомненно, человека. Такое предположение могло быть истиной разве на том основании, что, смотря на Вселенную с точки зрения человеческих существ, только и можно было получить о Боге чисто человеческое представление.

Предположите, что одна из коров была бы философом и захотела бы придумать религию. Она раньше установила бы понятие о коровьей вселенной, а затем пришла бы к коровьему решению задачи. Она никогда не сочла бы необходимым дать хотя малейшее представление о Боге, как Его представляет человек. Подобным образом, философы-кошки смотрели бы на вселенную с кошачьей точки зрения и объяснили бы ее в выражениях своего собственного сознания, считая, что она управляется огромным котом. Что простое человеческое представление не может обнять всего вопроса, а тем более разрешить его, для этого никаких дальнейших рассуждений не требуется. Было бы большой ошибкой принять за окончательное то ужасное эгоистичное положение, к которому может прийти человек. Всякое разрешение мирового вопроса, которое может быть получено из изучения внешних явлений, способно привести к ошибочным заключениям, во-первых, – потому, что вселенная, которую мы видим, есть наша частная вселенная, наш собственный ограниченный взгляд на Действительность, и, во-вторых, – что саму Действительность мы не можем не видеть нашими чувствами, ни обнять нашим умом. Мы видим мир с точки зрения существ, обладающих только пятью чувствами. Если бы у нас было еще одно чувство, все для нас изменилось бы. Мы можем вообразить обладание магнетическим чувством и знаем, что могут существовать миллионы сил, о которых мы до сих пор не имеем никакого понятия. Наши чувства очень ограничены, и строго в пределах этого ограничения существует то, что мы называем Вселенной; Бог же наш, есть разрешение этой вселенной. Очевидно, такое частичное объяснение никогда не обнимет всего вопроса. Но человек не может остановиться. Он мыслящее существо и жаждет найти решение, которое дало бы ему понятное объяснение видимых им вещей. Он предполагает мир, в котором в одно и то же время существуют люди, боги и всякого рода существа, возможные и невозможные, и хочет найти одну формулу, которая бы включала в себе их все.

Легко видеть, что единственный для этого способ, – открыть некоторую вселенную, в которой бы заключались все остальные, некоторый род основания, доступного нашим чувствам или нет, но которое логически необходимо должно служить материалом, из которого созданы все эти различные планы существования. Если бы мы были в состоянии найти нечто, что могли бы считать одинаково общим как высшим, так и низшим мирам, нечто, что по простой логике вещей, – хотя бы мы и не воспринимали его, – можно было считать основанием всякого существования, тогда, и только тогда, наш вопрос приблизился бы к некоторому роду разрешения. Но такое разрешение, очевидно, не может быть получено от мира, каким мы его видим и знаем, раз он представляет собой только один очень частный вид целого.

Наша надежда, таким образом, лежит глубже. Ранние мыслители нашли, что чем дальше они были от данного центра, тем более заметны становились различие и дифференциация, и чем больше приближались к центру, тем больше устанавливалось единство. Чем больше мы приближаемся к центру круга, тем ближе мы к тому общему основанию, в котором встречаются все

радиусы, и чем дальше от центра, тем более разъединенными становятся один радиус от другого. Внешний мир все больше и больше удаляется от центра, поэтому в нем мы не найдем общего основания, в котором все явления существования могли бы быть растворены. В лучшем случае, внешний мир только часть общего явления. Есть другие планы существования, где мы встречаем другие явления, как явления умственные, нравственные, интеллектуальные, и взять только один из них и вместить в нем целое решительно невозможно. Поэтому, прежде всего, мы должны найти где-то центр, из которого как бы исходят все планы существования: и затем, став в этом центре, можем стараться найти объяснение. Вот порядок действия, которому мы должны следовать. Но где мы должны искать этот центр? – Он внутри, во внутреннем человеке. Углубляясь больше и больше внутрь, в свою собственную природу, наши мыслители нашли, что в самой сердцевине человеческой душа и есть центр всей Вселенной. Все виды существования расходятся, как радиусы, из этого центра. Здесь их общая точка встречи, и, только стоя там, мы можем надеяться найти решение их всех. Таким образом, вопрос, "Кто создал этот мир?", далеко не философский – и ответ на него не многого стоит. Катха Упанишад выражает это в очень образной форме.

В древнее время был очень богатый человек, совершивший жертвоприношение, требовавшее, чтобы тот, кто его совершает, отдал все, что имеет. Но этот человек не был искренен. Он хотел приобрести известность и славу совершившего такое жертвоприношение, пожертвовать предметами, потерявшими для него ценность, вроде старых, бесплодных и искалеченных коров. У этого человека был сын, которого звали Начикетас. Мальчик видел, что его отец поступил неправильно, что он нарушил свой обет и должен погибнуть. В Индии отец и мать – живые боги, и дети в их присутствии не смеют без разрешения ни говорить, ни что-нибудь делать, но должны просто стоять. Поэтому мальчик приблизился к отцу и, не смея обратиться с прямым вопросом, спросил его: "Кому ты отдашь меня? Жертвоприношение, ведь, требует, чтоб все было отдано?" – Отец был очень огорчен вопросом и отвечал: "Что ты хочешь сказать, дитя? Разве отец может отдать своего собственного сына?" Мальчик повторил свой вопрос второй и третий раз, и отец, рассердившись, сказал, наконец: "Я отдам тебя Смерти" (Яма). И в рассказе говорится дальше, что мальчик действительно отправился к Смерти. У нас есть бог, называемый Яма, о котором басня говорит, что он был первый умерший человек. Он пошел на небо и стал там повелителем Питри, или блаженных мертвых. Все добрые люди, когда умирают, идут к нему и в течение долгого времени живут с ним. Он очень чистое и светлое существо. Итак, мальчик пошел в мир Ямы. Но боги не всегда бывают дома, и юноше пришлось три дня ждать у дверей Смерти. На третий день Яма вернулся.

"А, ученый человек, – сказал он, – ты ждал меня три дня, ничего не евши, а ты гость, достойный полного уважения. Привет тебе, Брахман! Добро пожаловать. Я очень сожалею, что не был дома. Но за то я вознагражу тебя. Проси у меня три вещи, по одной за день ожидания". "Моя первая просьба, – сказал мальчик, чтобы отец перестал на меня сердиться, был добр ко мне и узнал меня, когда ты разрешишь мне вернуться". – Яма обещал, что это будет исполнено. Следующая просьба касалась разъяснения относительно жертвоприношения, которое переносило человека на небо. Из этого мы видим, что в самой древней части Вед, Самхите, идеи о переходе на небо только что зарождались, – на небе люди должны были иметь светлые тела и жили со своими предками. Эти

идеи постепенно развивались, но все-таки были неудовлетворительны; чувствовалось, что должно быть что-то гораздо высшее. Жизнь на небе немногим отличалась от жизни в этом мире. В лучшем случае, это была жизнь богатого человека, полная чувственных удовольствий, обильная предметами наслаждения и не знающая телесных болезней. Это был тот же материальный мир, только немного утонченный; и там мы встречаем то же затруднение, которое находим здесь, – именно, что никакой внешний мир не может разрешить наш вопрос. Если этот наш мир не дает разрешения, то его не может дать и никакой другой мир, представляющий собой только увеличение и развитие нашего. Потому, – мы не должны этого забывать что материя – только бесконечно малая часть всех явлений природы, а большая часть, даже того, что мы видим, – не материя. Сколько, например, чувств вы испытываете в каждый момент вашей жизни, сколько происходит умственных явлений, и как сравнительно мало явлений материальных. То, что вы чувствуете, насколько оно больше по сравнению с тем, что осязаете и видите. Как обширно и с какой страшной быстротой проходит. Но и чувственных явлений, в свою очередь, очень мало сравнительно с умственными.

Итак, разрешение вопроса созданием идеи о небе приводит к ошибке; оно утверждает, что все явления могут быть только такими, которые воспринимаются осязанием, вкусом и зрением. Поэтому идея о небе, где мы целой толпой будем жить в самых светлых телах, не может дать полного удовлетворения. Но Начикетас просит, в виде второй милости, разъяснить ему что-то, касающееся жертв, которыми люди могут заслужить небо, так как в Ведах проводилась идея, что боги любят жертвы, и посредством жертв человеческие существа могут получить все, чего желают. Изучая все религии, вы найдете, что все старое обыкновенно считается священным. В Индии, например, наши предки имели обыкновение писать на древесной коре. Затем они научились делать бумагу. Но еще и теперь древесная кора считается у нас вещью священной. Когда старые формы посуды для варки пищи были усовершенствованы, формы, вышедшие из употребления, сделались священными. Здесь эта идея сохраняет силу, как и в Индии. Существовавший девять или десять тысяч лет назад древний способ добывать огонь трением двух кусков дерева сохраняется еще и теперь. Во время жертвоприношений у азиатской ветви Индо-Арийцев другие способы не употреблялись. Их потомки любят и теперь сохранять огонь, происшедший от молнии, показывая тем, что они сначала пользовались этим способом для добывания огня и только потом научились получать его трением двух кусков дерева. Таким образом, изучая новые обычаи, мы вспоминаем старые и начинаем смотреть на них, как на священные. То же мы видим и у евреев. Они употребляли для письма пергамент; теперь пишут на бумаге, но считают старый способ священным. То же самое и у всех народов; ритуалы, которым вы теперь придаете значение церемониалов, были просто старыми обычаями, и в Индии жертвоприношения имеют тот же характер. С течением времени, когда были открыты лучшие способы жизни, идеи тоже улучшались; но старые формы остались и, от времени до времени, употреблялись, как имеющие некоторое священное значение, причем особый класс людей сделал совершение жертвоприношений своим ремеслом. Это жрецы, или священники. Они начали спекулировать жертвоприношениями, которые сделались для них всем. Думали, что боги наслаждаются их курениями, и что все в свете можно сделать посредством них. Если совершать известные возлияния, петь известные гимны, строить известной формы алтари, то боги сделают все, чего бы ни пожелали

молящиеся. Вот почему Начикетас спрашивал о форме жертвы, при помощи которой люди могут попасть на небо. Затем он высказал третье желание. – "Я в полном недоумении. Когда человек умирает, то одни говорят, что он после того существует, другие, – что его больше нет. Я хочу получить ваши указания по этому предмету".

Этот вопрос смутил Яму. Он был готов исполнить другие просьбы, но тут сказал: "Сами боги в древнее время затруднялись решить этот вопрос. Этот закон не легко понять. Проси о чем-либо другом. Не настаивай на этом. Освободи меня от необходимости исполнить эту просьбу". Но Начикетас был юношей решительный и сказал: "Сказанное тобой, Властитель Смерти, что даже боги сомневались относительно этого предмета и что не легко понимать такие вещи, верно. Но я не могу найти другого подобного вам наставника, и никакая другая милость не заменит эту.

Тогда Смерть сказала: "Проси сыновей и внуков, которые жили бы по сто лет; проси скота, слонов, лошадей, золота. Проси земного царства и какой хочешь долгой жизни. Или выбери другие милости, равные, по твоему мнению, этим. Я могу дать тебе способность удовлетворить все твои желания. Проси даже о таких вещах, которые труднее всего получить в этом мире. Вот, посмотри на этих небесных девушек, на эти экипажи, на эту музыку, подобных которым не знают смертные; пусть они служат и тебе, о Начикетас, но не спрашивай меня о тайне смерти".

"Все это, о Властитель Смерти, вещи преходящие", – сказал Начикетас. "Они истощают энергию органов чувств. Даже самая долгая жизнь очень коротка. Оставь у себя твоих лошадей, экипажи, танцовщиц и музыкантов. Человека не может удовлетворить богатство. Разве мы сохраним наши богатства, когда взглянем тебе в лицо? Нет, мы живем лишь столько, сколько ты захочешь. Поэтому та милость, о которой я уже просил, единственная, которую я хочу получить от тебя".

Яме понравилась смелость мальчика и он сказал: "Действительно, дитя мое, совершенство – одна вещь, а наслаждения – другая. Эти две вещи, имея различные результаты, определяют человека. Тот, кто выбирает совершенство, становится чистым; тот же, кто выбирает наслаждения, не достигает истинной цели. Совершенство и наслаждение сами предлагают себя человеку, и только мудрый исследует их и отличает одно от другого. Он выбирает совершенство, как высшее сравнительно с наслаждением: но глупый выбирает наслаждение ради своего тела. Ты, Начикетас, обсудив природу вещей, которых так желают в этом мире, совершенно правильно отверг их. Затем Смерть начала учить Начикетаса тайнам жизни.

Здесь мы опять видим высоко развитую идею отречения, составляющую нравственность Вед, именно, что пока человек не победил желания наслаждаться, истина не засветится в нем. До тех пор, пока суетные чувственные желания шумно заявляют о себе, ежеминутно влекут нас к внешним предметам и делают нас рабами всего вне нас, пока, вопреки нашим намерениям, всякий цветной лоскут, всякий кусок пищи, всякое нежное прикосновение может увлечь за собой человеческую душу, как может истина проявиться в наших сердцах? "То, что следует, никогда не приходит на ум человеку легкомысленному, отуманенному богатством. Думая, что этот мир

существует, а другой нет, человек снова и снова подпадает под мою власть". Эту истину очень трудно усвоить. Многие, даже после того, как постоянно о ней слышали, не понимают ее, потому что для этого надо, чтобы как говорящий, так и слушающий, были люди незаурядные. "Да, учитель должен быть исключительным человеком, и таким же должен быть ученик". Всем известно, что религия требует, чтоб мы верили, требует от нас слепой веры. Как ни неприемлемым может казаться такое требование, под ним, однако, скрывается великая истина. Ум не следует беспокоить напрасными рассуждениями, потому что рассуждения никогда не приведут нас к познанию Бога. Это познание требует опыта, а не рассуждений. Все доказательства, все рассуждения должны быть основаны на известных фактах. Без фактов не может быть никакого суждения. Рассуждение есть способ сравнения известных фактов, которые нами уже непосредственно восприняты. Если таких раньше воспринятых фактов нет, не может быть никакого рассуждения о них. И, будучи верно относительно внешних предметов, почему это не должно быть верно относительно внутренних? Это одна из огромных ошибок, в которые мы постоянно впадаем. Всеми признано, что все знания внешних ощущений основано на действительном опыте. Относительно них никто не требует, чтоб вы верили каким бы то ни было утверждениям. Законы ощущения установлены действительными опытами, в форме не рассуждения, но прямого восприятия. А между тем все мы способны утверждать, что религия основана только на теоретических рассуждениях. Все наши доказательства исходят из того, что мы воспринимали. Химик соединяет известные тела, и происходят некоторые другие тела. Это факт; вы его видите, ощущаете и принимаете за основание, на котором строите ваши выводы. То же делает физик, и то же во всех других науках. Все знание основано на восприятии известных фактов, на которых мы строим наши теории. И довольно странно, что огромное большинство человечества думает в настоящее время, что для знания религии не требуется ничего, что она может быть понята путем одних, ни на чем не основанных рассуждениях.

По поводу таких заблуждений мы и читаем в Упанишаде, что не следует беспокоить ум пустыми аргументами. Религия есть вопрос фактов, а не болтовни. Мы должны анализировать нашу собственную душу и найти то, что в ней есть, должны понять и воочию убедиться в том, что нами понято. Это, и только это, и есть религия. Сколько бы мы ни вели разговоров, они не сделают нас религиозными. Вопрос, – есть ли Бог, или Его нет, никогда не может быть разрешен путем аргументации, потому что аргументы можно приводить в подтверждение как того, так и другого. Вы видели, что вопрос, существует ли мир, или не существует, не разрешен до сих пор, и что споры между идеалистами и реалистами будут продолжаться бесконечно, хотя мы знаем, как факт, что мир существует и что все наши споры не более, как обмен не имеющими смысла словами; совершенно то же и с этим жизненным вопросом о душе и Боге. Мы должны обратиться к фактам. Как в науке, так и в религии, в известных вещах необходимо убедиться опытом; известные факты должны быть восприняты, и только на таком основании могут строиться религиозные ; мнения. Чрезмерное требование, что вы должны верить всем догматам данной религии, – конечно, абсурд и унижительно для человеческого ума. Человек, требующий, чтобы вы чему-нибудь слепо верили, унижает себя, а если вы подчинитесь такому требованию, то унижает также и вас. Единственное право, вследствие которого великие мудрецы мира предлагают свои истины, заключается в том, что они исследовали свой собственный ум, открыли истины,

о которых говорят, и могут доказать, что если мы сделаем то же, что сделали они, то также непосредственно воспримем те же истины. Только тогда мы будем верить, но не раньше. В этом все основание религии. Но вы должны всегда помнить, что в действительности 99,9% из тех, кто рассуждает о религии, никогда не анализировали своего ума и никогда не старались убедиться в действительных фактах. Их аргументы против религии имеют, поэтому, не больше значения, чем заявления слепого, который кричит: "Нет никакого солнца! Сумасшедшие только верят, что оно светит!" Совершенно такое значение имеют для нас и доводы тех, кто никогда не пытался анализировать свой ум, но старается низвергнуть религию.

Мы должны настойчиво стремиться к познанию истины опытом. Все наши волнения и споры по поводу религии прекратятся только тогда, когда мы поймем, что ее нельзя найти ни в книгах, ни в храмах, ни чувствами. Ее можно найти непосредственным восприятием, и только тот человек имеет религию, который непосредственно воспринимал Бога и душу. Что касается всех остальных, не имевших такого восприятия, то, будь они самые высокие духовные лица, проповедующие на площади, или самые низменные и невежественные материалисты, между ними, в религиозном отношении, нет никакой разницы. Надо сознаться, что мы все атеисты. Простое умственное развитие не делает и не может сделать человека религиозным, будь то христианин, магометанин, или последователь какой бы то ни было религии. Вспомните Нагорную проповедь. Всякий человек, который исполнил бы ее, сделался бы тотчас совершенным, стал бы Богом. А еще говорят, что христиан много миллионов. Неужели вы думаете, что все они действительно христиане? Те, кто носит это имя, быть может, когда-нибудь в будущем попробуют исполнять эту проповедь, но в настоящее время из двадцати миллионов так называемых христиан не найдется и одного, который бы делал это. То же и в Индии. Говорят, что там триста миллионов ведантистов. Если бы из тысячи их один действительно осуществил религию, этот мир в пять минут стал бы совсем другим. Все мы, на самом деле, атеисты, хотя и нападаем на тех, кто признается в этом. Все мы ходим в потемках; для нас религия не имеет никакого значения; мы признаем ее умом, но служит она только предметом пустых разговоров. Один говорит о ней очень хорошо, другой плохо; и в этом, и только в этом, и состоит наша религия. "Но искусство соединять слова, риторические способности и умение объяснять различным образом тексты священных писаний только развлечение для образованных людей, но совсем не религия". Религия начинается только тогда, когда в нашей собственной душе зарождается действительное ее осуществление. Тогда в первый раз займется для нас заря религии, только тогда мы станем религиозными, и только тогда можем начать быть истинно нравственными. Теперь мы не более нравственны, чем лошади. Мы сдерживаемся только кнутом общества. Если бы сегодня общество сказало: "Воровство больше не наказывается", мы тотчас набросились бы на чужую собственность. Нас делает нравственными только страх полиции. Общественное мнение также в огромной степени определяет нашу так называемую нравственность. Не подлежит сомнению, что мы разве немногим лучше животных. В глубине нашего сердца мы признаем, что это верно; так не будем же лицемерами. Сознаемся, что мы не религиозны и не имеем права смотреть свысока на других. Все мы братья, и все сделаемся нравственными, когда осуществим религию.

Если вы видели какую-нибудь страну, то вас могут потом разрезать на куски, но вы никогда не скажете самому себе, что не видели ее. Физическим насилием вы можете быть принуждены сказать это вслух, но сами будете знать, что это неправда. Совершенно также, если вы раз видели Бога и узнали религию более ясно, чем теперь видите внешний мир, ничто не будет в состоянии поколебать вашу веру. Тогда вы начнете верить. Это то, что разумеется в словах Евангелия: "Вера похожа на горчичное зерно". Тогда впервые вы познаете истину, так как сами станете истиной.

Теперь возникает вопрос: Да может ли быть такое восприятие? – Вот самое существенное требование Веданты: "Осуществляйте религию. Не толкуйте о ней! Ее нужно видеть! Видеть собственными глазами, как бы это ни было трудно". "Он, древний Единый, скрылся в атоме и обитает в самых сокровенных тайниках каждого человеческого сердца! Мудрецы видели Его силой внутреннего зрения, и при этом становились выше всякой радости и всякого страдания, выше того, что мы называем добродетелью и того, что называется пороком, выше наших добра и зла, бытия и небытия. Так как тот, кто видит Его, познает Действительность". Что же тогда представляет собой идея о небе? – Это идея о счастье *минус* несчастье. Другими словами, то, чего мы желаем на небе, это все радости этой жизни без ее горя. Без сомнения, эта идея очень хороша; она приходит совершенно естественно, но представлять себе такое состояние – большое заблуждение, так как не может быть такой вещи, как абсолютное благо, ни такой, как абсолютное горе.

Все вы слышали о том римском богаче, который, узнав, что у него осталось только около миллиона фунтов стерлингов, сказал: "Что же я буду делать завтра?" – и лишил себя жизни. Миллион фунтов был бедностью для него, но не для вас и не для меня. Для нас его было бы более чем достаточно на всю нашу жизнь. Что такое радость и что такое печаль? Это величины, постоянно уменьшающиеся и исчезающие. В детстве я думал, что для меня было бы верхом счастья стать извозчиком и постоянно ездить. Теперь я не думаю этого. Все мы должны стараться понять, какое наслаждение нам особенно дорого. Оно должно быть одним из последних заблуждений, от которых нам следует освободиться. Удовольствия каждого различны. Я видел человека, который был несчастен, пока не проглатывал порции опиума. Вероятно он думал и о небе, в котором почва состоит из опиума. Для меня это было бы очень плохое небо. В Арабской поэзии мы постоянно читаем о небесах, полных садов с текущими в них реками. Я большую часть жизни прожил в стране, где воды слишком много. Каждый год несколько деревень и тысячи жизней становятся ее жертвами: и в моем небе не было бы садов с протекающими по ним реками. У меня оно было бы сухой страной, в которой выпадает очень мало дождя. Даже в течение одной жизни понятие человека об удовольствии постоянно меняется. Когда молодой человек мечтает о небе, он думает о прекрасной жене. Дайте ему постареть, и он не пожелает жены. Мы создаем себе небо из наших потребностей, и с изменением последних меняется и наше небо. Если наше небо – такое место, где усилены все чувственные наслаждения, – небо, особенно желаемое теми, для кого эти чувственные наслаждения составляют самую цель существования, – мы не подвигаемся вперед. Немножко слез, немножко танцев и затем умереть, как собака? Какое проклятие вы призываете на голову человечества, когда говорите, что мы должны жаждать такого положения вещей! А между тем это именно то, что вы делаете, когда кричите о радостях этого мира, так как не знаете, что такое истинное наслаждение.

Философия требует не отказываться от наслаждения, но знать, что такое наслаждение в действительности. Древнее небо Норманнов было место ужасных битв, где они сидели перед Одним. Они охотились на дикого медведя, а затем сражались, рубя друг друга на куски. Через несколько часов после таких сражений, их раны заживали, и они входили в зал, где стоял уже зажаренный медведь, и пировали. На следующий день дикий медведь оживал, и они снова охотились. Это понятие о небе, нисколько не хуже нашего, разве что наше немножко утонченнее. Мы тоже хотели бы охотиться за дикими медведями и приходиться в место, где все наши настоящие удовольствия будут продолжаться, подобно тому, как они представляли себе, что на небе дикий медведь, после охоты на него, каждый день съедается, а на следующий день восстанавливается опять.

Философия Веданты утверждает, что есть абсолютное блаженство, никогда не изменяющееся. Такое блаженство не может состоять в развлечениях и удовольствиях, которые мы имеем в этой жизни. В то же время Веданта доказывает, что все радостное в этой жизни есть проявление того внутреннего блаженства, потому что оно-то и есть единственное счастье в этой вселенной. Она заявляет, что в каждый момент мы уже наслаждаемся абсолютным блаженством, как бы оно ни было скрыто, неправильно понимаемо и извращено, так как всякое благо, блаженство и радость, в чем бы они ни проявлялись, и есть то абсолютное блаженство. Даже наслаждение, испытываемое вором, когда он обокрал кого-нибудь, то же абсолютное блаженство, обнаруживающееся в нем в помраченном и извращенном виде. Но чтобы это понять, мы должны пройти прежде через отрицание, отказаться от всего невежественного, от всего ложного, и тогда начнем познавать истину. Когда мы овладеем истиной, те вещи, от которых мы сначала отказались, примут новый образ и форму и представятся нам в новом виде, будут обожествлены, и мы поймем их в настоящем свете. Но, чтобы так понимать их, необходимо раньше иметь проблеск истины; сначала мы должны отказаться от них, а потом взять их обратно обожествленными. Поэтому мы должны отвергнуть все наши бедствия и печали, все наши маленькие радости и удовольствия, все то, что мы можем назвать различными степенями счастья и несчастья. То, о чем говорят все Веды, искание чего заставляет людей вести целомудренную жизнь, это – назову его вам теперь одним словом, восхваляемым в Ведах и почитаемым священным – это "Ом". На вопрос о том, что происходит с человеком, когда его тело умирает, Яма отвечает: "Мудрый Единый, Душа, никогда не умирает и никогда не рождается. Он ни из чего не происходит и ничто не происходит из Него. Вечный и Бессмертный, этот Древний Единый не может разрушиться с разрушением тела. Если убийца думает, что он может убить, или убиваемый – что он может быть убитым, никто из них не знает истины, потому что Душа не убивает и не бывает убита". Ужасно трудный для принятия тезис! В первой его строке есть прилагательное "Мудрый". Дальше вы найдете, что положение Веданты заключается в том, что все знание и вся чистота уже есть в душе, и разница между душами только в том, что знание и чистота выражены в них смутно или ясно. Различие между одним человеком и другим и между всем сотворенным заключается не в роде, а в степени. Основание или сущность всего есть то самое вечное, вечно-блаженное, вечно-чистое и вечно-совершенное Существо, Атман, Душа. В грешном и безгрешном, в счастливом и несчастном, в прекрасном и уродливом, в человеке и животном, во всем, что живет, оно одно и то же – Единый Светлый. Разница только в силе выражения. В одном он проявляется больше, в

другом меньше, но различие выражения не имеет никакого влияния на Него, на Атмана. Если через одежду одного тело более заметно, а через одежду другого меньше, это зависит не от разницы между самими телами, но исключительно от одежды, которая представляет собой более или менее непрозрачную оболочку. Подобно тому, и Атман светится в человеке в той степени чистоты и силы, в какой допускает это его телесный покров.

Здесь следует помнить, что нигде философия Веданты не рассматривает добро и зло, как две различные вещи, но скорее принимает, что одна и та же вещь может быть хорошей или дурной, причем разница только в степени. Мы сами можем видеть, что это факт. К той самой вещи, которую сегодня я нахожу приятной, завтра, при других условиях, я отнесусь с отвращением и назову ее причиняющей страдание. Таким образом, различие здесь только в степени проявления, а не в проявляющейся вещи. В конце концов, то, что мы называем хорошим и дурным, в действительности не существует. Тот же огонь, который согревает нас, обжигает насмерть ребенка: но в этом вина не огня. Если, таким образом, душа чиста и совершенна, то человек, желающий делать зло, обманывает себя; он не знает своей истинной природы. Даже в разбойнике находится чистая душа. Она не умирает. Это его ошибка, что он не мог проявить ее, или что он закрыл ее. Даже у человека, думающего, что он убит, душа не убита; душа вечна, никогда не убивается, никогда не уничтожается. "Бесконечно меньший, чем самый малейший атом, бесконечно больший, чем величайшее из сотворенных существ, Господь всего присутствует в глубине каждого человеческого сердца. Безгрешный, свободный от всякого страдания, смотри на Него, по Его милости, как на бесконечного, но живущего в теле, как превосходящего пространство, но кажущегося, что занимает место, как на Бесконечного и Вездесущего. И, зная, что такова природа души, мудрые никогда не бывают печальны". Но "этот Атман не познается ни посредством красноречия, ни разумом, ни даже изучением Вед".

Последнее утверждение замечательно. Как я уже говорил вам, Индийские мудрецы были самыми смелыми исследователями и ни перед чем не останавливались. Вы помните, что в Индии Веды имели значение, какого христиане никогда не придавали Библии. Ваша идея об откровении состоит в том, что человек был вдохновлен Богом. Индийская же идея та, что вещи существуют потому, что они есть в Ведах. В Ведах и через Веды произошло все творение. Все, что называется знанием, считается частью Вед. Каждое их слово священо и вечно и считается несотворенным, подобно человеку, без начала и без конца. Весь ум Создателя как бы заключается в этих книгах. Почему такая-то вещь нравственна? – Потому, что так говорят Веды. – Почему безнравственна? – Потому, что так сказано в Ведах.

И все-таки, несмотря на такую веру в них, посмотрите на этих смелых мыслителей, заявляющих: "Нет, истина не может быть найдена изучением Вед. Кого Господь любит, Он сам тому открывается". Здесь, однако, может быть возбужден вопрос: не есть ли это пристрастие со стороны Господа? Это затруднение разрешается следующим заявлением: – "Кто творит зло, чьи сердца не покойны, те не видят света. В тех же, чье сердце искренно, дела чисты и чувства подчинены, Я проявляет Себя".

Есть прекрасное сравнение. "Я" изображается едущим на экипаже, который есть тело. Пусть разум будет кучером, ум вожжами, и чувства лошадьми. Мы

знаем, что экипаж, в котором лошади хорошо выезжены, и вожжи прочны и туго натянуты кучером-разумом, достигает цели, тождества с Ним, Вездесущим. Но экипаж, лошади которого не управляются, а вожжи-ум, не крепко держатся, в конце концов разбивается. "Атман, обитающий в каждом существе, не проявляет себя глазам или чувствам; Его видят только те, чей ум очищен и утончен. Высший всякого звука или формы, недоступный вкусу и осязанию, бесконечный, не имеющий начала и конца, Он выше самой природы, Абсолютный и Неизменяемый; и тот, кто познает Его, освобождается от пасти смерти". Но как это трудно. "Познать Его, – говорят книги, – так же трудно, как идти по лезвию бритвы; и долог и опасен может быть путь. Но не отчаивайтесь. Проснитесь! Встаньте! Боритесь и не останавливайтесь до тех пор, пока цель не будет достигнута". Вы видите теперь, что главная идея Упанишад – необходимость познать Себя, или Абсолютное Существо. Много препятствий к этому будет от времени до времени встречать ум, особенно – ум современный. Может возникнуть вопрос о пользе такого познания и т.п. Но все эти препятствия, как увидим, происходят от влияния прежних ассоциаций, так как ассоциации идей имеют страшную власть над нашими умами. Для тех, кто с самого детства постоянно слышал о личном Боге и личном уме, идея о познании сущности может казаться грубой и неприятной. Но, если мы в течение некоторого времени будем слышать о ней и направим на нее наш ум, эта мысль станет частью нашей жизни и совершенно перестанет пугать нас. На вопрос о пользе этой философии ответ может быть только один. – Если на основании теории Утилитарианства для некоторых хорошо стремиться к удовольствиям, то почему не могут стремиться к тому же те, чье счастье заключается в религиозном созерцании? Многие наслаждаются чувственными удовольствиями и потому ищут их; но могут быть другие, которые ими не удовлетворяются и жаждут потому высших форм благополучия. Все удовольствия собаки заключаются в еде и питье. Она не может понять счастья человека науки, готового отказаться от всяких удобств и жить, может быть, на вершине горы, чтобы наблюдать положение известных звезд. Собака подняла бы на смех такое понятие об удовольствии, как взгляд сумасшедшего. Бедный мыслитель не имеет денег, чтобы приобрести дом или жениться. Он живет на вершине горы, питаясь хлебом и водой. Как посмеялась бы над ним собака! Но ученый, со своей стороны, мог бы сказать, что собака смеется только потому, что для нее немисливо удовольствие, возвышающееся над чувствами, тогда как для него бесконечно приятнее его суровая жизнь, и что свобода добиваться своих удовольствий своим собственным способом, на которую претендует собака, может быть, конечно, предоставлена и ему. Наша ошибка заключается в стремлении навязывать другим свои личные условия и в попытках применять мерку своего ума ко всей вселенной. Для нас старые чувственные предметы, может быть, доставляют величайшее наслаждение; но из этого не следует, что мои удовольствия нужно искать в том же направлении; и, когда вы настаиваете на этом, я могу не соглашаться с вами. В этом различие между утилитарианцем и человеком религиозным.

Привязанный ко всему мирскому, утилитарианец кричит: "Смотрите, как я счастлив. У меня есть немного денег, и я не беспокоюсь о вещах для меня недостижимых. Вот настоящий способ быть счастливым". До сих пор это хорошо. Хорошо для всех, называющих себя утилитарианцами, потому что этот мир действительно ужасен, и если какой-нибудь человек может достигнуть в нем счастья, каким бы то ни было способом, не обижая своих ближних, да поможет ему Бог. Но когда тот же человек приходит ко мне и говорит: "делай

так, как я делаю, или признайся, что ты глупец", – я отвечаю: "Нет, ты ошибаешься. Те самые вещи, которые доставляют тебе удовольствие, убили бы меня, если бы я был принужден их делать. Если бы я должен был посвятить мою жизнь добыванию нескольких горстей золота, моя жизнь не казалась бы мне стоящей того, чтоб иметь ее. Я должен бы был умереть". Это единственный ответ, какой может дать религиозный человек. И такой ответ уже заключает в себе утверждение, что религия возможна только для тех, кто покончил с низменными вещами. Мы должны иметь опыт; должны как бы пройти весь наш переход. И только, когда все это окончено, может для нас открыться другой и высший мир. Здесь мне приходит на память чрезвычайно важный вопрос. Есть вещь, которая звучит очень неприятно и которая тем не менее факт. Эти чувственные наслаждения иногда принимают такие размеры и форму, которые делают их гораздо опаснее и соблазнительнее. Существует идея, – постоянно имеющая приверженцев и встречающаяся во всех религиях, что наступит время, когда останутся только радости и наслаждения в жизни, и эта земля сделается небом. Я этому не верю. Эта наша старая земля всегда останется такой же, как и теперь. Ужасная вещь говорить это; и все-таки я не вижу выхода из настоящего положения. Страдания человечества похожи на ревматизм. Выгоните его из головы, он перейдет в ноги; выгоните оттуда и он окажется в каком-нибудь другом месте. То же и с несчастьем. В древнее время люди жили в лесах и пожирали друг друга. В нынешнее время, вместо того, чтобы есть, они обманывают друг друга. Целые города, целые страны разрушаются вследствие обмана. В этом оказывается не много прогресса. В самом деле, я не в состоянии понять, что вы называете прогрессом, если это не увеличение желаний; и если для меня что ясно, так это то, что все страдания рождаются от желаний. Желания приносят все бедствия. Они превращают нас в нищих, которые всегда просят чего-нибудь и не могут видеть ничего в лавке, без мысли о том, чтобы иметь ее; в нищих, которыми всецело управляет мысль об обладании решительно всем. Вся жизнь становится жизнью нищего, сжигаемого неутолимой жаждой желаний. И если способность удовлетворения их возрастает в арифметической прогрессии, то способность желать возрастает в геометрической. Таким образом, в лучшем случае, сумма счастья и несчастья остается постоянной. Если волна вздымается в одной части океана, она делает углубление где-нибудь в другой. Подобно этому, если счастье приходит к одному человеку, несчастье приходит к какому-нибудь другому человеку, или, по крайней мере, к какому-нибудь животному. Посмотрите только, как увеличивается число людей и уменьшается число животных. Мы убиваем их и отнимаем у них землю. Мы лишаем их всех средств к существованию. Как можем мы говорить, что счастье увеличивается? Более сильная раса может пожрать слабую, но будет ли она от этого постоянно счастливее? Нет, они после поменяются положением и растерзают друг друга. Увы, я не вижу, как мир может быть счастливым. Все факты говорят против возможности этого. Теоретически рассуждая, эта идея также невозможна. Совершенство всегда бесконечно. Это бесконечное совершенство уже в нас есть; наше усилие должно состоять только в проявлении его. Вы, я и каждый из нас стремимся проявить это Совершенство. До сих пор рассуждения ясны.

На этом факте, однако ж, некоторые немецкие мыслители думали построить странную теорию, – именно, что это проявление будет продолжаться, делаясь все выше и выше, пока не станет совершенным, короче, – пока все мы не станем совершенными существами. Но что значит совершенное проявление? Совершенство предполагает бесконечность, а проявление предполагает

ограниченность; отсюда совершенное проявление равнозначно неограниченному ограниченному, – противоречие в словах. Такое учение может доставить удовольствие детям, давая им удобную религию. Но в то же время оно приносит яд лжи и не способствует развитию действительной духовности. Мы должны признать факт, что этот мир вырождающийся, что человек – вырождение Бога, что, как говорит ваше собственное священное писание, Адам пал. В настоящее время нет в мире ни одной религии, которая бы не учила, что человек, как он есть, представляет собой вырождение. Мы выродились было до состояния животных. Теперь опять поднимаемся. Когда-то в будущем мы выйдем, освободимся из этого рабства. Но здесь мы никогда не будем способны проявлять бесконечность. Как бы настойчиво ни боролись, мы в конце концов увидим, что это невозможно. Придет время, когда мы признаем, что здесь, связанные чувствами, мы не можем достигнуть совершенства. И когда это время настанет, прозвучит сигнал к отступлению, или к отречению.

Мы должны будем заставить себя выйти из затруднительного положения, в которое попали, и тут начнется милосердие и нравственность. Потому что, какой лозунг всех нравственных кодексов? – Не я, но ты! Наше маленькое я есть выражение Бесконечного, находящегося позади него и стремящегося проявиться во внешнем мире. Бесконечное, Абсолютное, стремится проявить себя, и результат этого стремления -вы и я. Но это маленькое я должно будет повернуть назад и стремиться снова соединиться с Бесконечным, его собственной природой. Оно должно открыть, что все время делало неправильные попытки. Мы узнаем, что сами подставили наши плечи под колесо и сами должны уйти из-под него. Это открытие делается ежедневно. Все время, когда вы говорите: "Не я, мой брат, но ты!" – вы стараетесь уйти назад в непроявленное. Стараясь, наоборот, перевести Бесконечное в проявленное, вы говорите: "Я, а не ты". Такой образ действия вносит в мир зло и борьбу. После него должно начаться отречение, вечное отречение. Только тогда маленькое я умрет и исчезнет. Только тогда вы узнаете, что для вас безразлично, живете вы или умираете, так как все мысли о жизни и наслаждении ей здесь, или расчеты на жизнь в каком-то другом состоянии или месте, но состоящую тоже в чувственных наслаждениях, – те же, все повторяющиеся, рабство и смерть.

Если бы было верно, что мы в этом мире не что иное, как более развитые животные, то мы могли бы привести тот же самый аргумент, только в образном направлении, так как животные, в свою очередь, могут быть выродившимися людьми. Почему вы знаете, что это не так? Вся теория развития основана на факте, что мы находим ряд форм, идущих последовательно от самых низших до самых высших. Но как можем мы на основании этого утверждать, что они идут от низших вверх, а не от высших вниз? Одно и то же доказательство может быть приведено в подтверждение обоих положений, и, что касается меня, то я думаю, что процесс происходит как вверх, так и вниз, и серии повторяются. Потому что, как может быть эволюция без инволюции? Разве не ясно, что мы должны идти вниз по тем же ступеням, по которым шли вверх. Во всяком случае, главная идея, на которую я указываю, заключается в том, что мы представляем результат стремления Бесконечного найти для Себя выражение в конечном.

Без сомнения, я хотел бы быть убежденным в совершенно противоположном. Но те две идеи, что Абсолют может быть вынужден проявиться, и что мы продолжаем двигаться вечно по прямой линии, я не принимаю. Обе они бессмыслица. Нет

такой вещи, как вечное движение по прямой линии. Если вы бросите камень вперед, то наступит время, когда он опишет круг и вернется назад. Разве не математическая аксиома, что прямая линия, бесконечно продолженная, становится кругом? Итак, я держусь старых религиозных идей, проповеданных Христом и Буддой и высказанных в Веданте и Библии, – что со временем мы все достигнем совершенства, но только отказавшись, отвернувшись от настоящего несовершенства.

Весь этот мир ничто. В лучшем случае, он только скверная карикатура, только тень действительности, И в нем глупцы кричат о чувственных наслаждениях. Бежать в сбруе чувств легко, и легче всего ограничиваться по старому едой и питьем. И новые философы рекомендуют именно эти удобные идеи и ставят на них клеймо религии, Такие учения неверны. В чувствах – смерть, а мы должны стать выше смерти, потому что она не действительность. Только отречением мы можем достичь действительности. Отречение проповедуется во всех кодексах нравственности. Оно есть сила, проявляемая в каждом шаге, в каждое мгновение, когда мы не думаем о себе. Когда мы узнаем, что мы как бы мертвы, что маленькое я в нас умерло, только тогда мы достигаем действительности, и эта действительность, которая есть Бог, по словам Веданты, наша собственная истинная природа! Бог всегда в вас, всегда с вами. Живите же и вы в Нем и оставайтесь в Нем. Это, хотя и кажется трудным, будет постепенно все легче и легче, и вы увидите, что такое состояние единственное радостное состояние, всякое же другое – смерть. Жизнь в сфере Духа только и есть жизнь. Во всех же других сферах только смерть. На весь этот мир и на время, которое мы обречены проводить в нем, следует смотреть просто, как на место и время обучения. Только поднявшись выше его, можно наслаждаться настоящей жизнью.

СВОБОДА ДУШИ

Катха Упанишад, который мы до их пор изучали, написан гораздо позднее, чем Чхандогья, к которому приступим теперь. Язык первого новее, и его мысли обработанное. В более старых Упанишадах язык вышедший из употребления, похожий на язык гимнов в некоторых частях Вед, и чтобы добраться в них до главных положений, приходится с трудом подвигаться вперед среди массы совершенно излишних предметов. Обрядовая литература, о которой я уже говорил вам, как о составляющей вторую часть Вед, оставила глубокий след на древнем Упанишаде, так что больше чем половина его посвящена обрядам. Но, с другой стороны, изучая эти очень древние Упанишады, мы имеем то преимущество, что можем как бы наблюдать историческое возникновение религиозных идей. В более поздних Упанишадах, в которых религиозные истины собраны и сведены в одно место, – как, например, в Бхагавад Гите, на которую мы можем смотреть, как на последний из Упанишад, – мы не находим и следа старой обрядности. Почти все стихи Гиты собраны из разных мест Упанишад и в целом составили род букета. Но в них невозможно наблюдать в строгой последовательности рост идей и нельзя проследить их до первоначальных источников, – обстоятельство, составляющее, как часто было указано, огромное преимущество изучения Вед, так как высокая идея святости, связываемая с этими книгами, предохранила их лучше, чем все другие, от искажения. В них мысли самого высокого и самого низкого уровня одинаково сохранены, и никто никогда не осмеливался касаться их, существенны они или

не существенны, в высшей степени ли облагораживают или касаются самых пустых подробностей. Конечно, от времени до времени, являлись комментаторы, пытавшиеся смягчить их противоречия и из очень старых вещей извлечь новые идеи, находя религиозные истины в самых обыкновенных положениях; но самые тексты оставались нетронутыми и представляют в настоящее время самое редкое в мире поле для исторических исследований.

В священных писаниях почти всех других религий, с течением времени и с ростом и развитием мысли, слова изменяются и вместо одних ставятся другие, а вещи, не соответствующие духовному прогрессу времени, совсем выбрасываются, и это совершенно независимо от смягчающего влияния комментаторов. В литературе же Вед этот процесс вероятно никогда не происходил, а если и происходил, то результаты его почти незаметны. Таким образом, здесь мы имеем огромное преимущество, – можем изучать мысли в их первоначальном значении, замечать как они постепенно развиваются, как из материалистических идей возникают все более и более тонкие идеи духовные, пока не достигнут наибольшей высоты в Веданте. В этих Упанишадах приведены также некоторые старые нравы и обычаи, но не очень много. Язык же их отличается особенным изяществом, способствующим их запоминанию.

Но писавшие эти книги, желая напомнить читателю какие-нибудь факты или истории, которые они считали хорошо известными, не излагали их, а ограничивались подстрочными на них ссылками. И это представляет теперь неудобство, состоящее в том, что мы лишены возможности узнать подлинный текст какой бы то ни было из историй, на которые они ссылаются, так как предание о них почти уже утрачено, а то немногое, что осталось, сильно изменено. Они подверглись стольким новым толкованиям, что, когда вы встречаете те же самые вещи в Пуранах, они уже развернулись в поэтические поэмы. Как в истории западных рас закон политического развития выражается в факте, – что они не могут переносить идеи управления одним человеком против этой формы правления, переходя постепенно к демократическим утверждениям и более широким понятиям о физической свободе, – так же и в Индии замечается то же явление, но только в области метафизики и духовной жизни. Сначала первоначальное множество богов уступает место одному Богу Вселенной, а затем, в Упанишадах, поднимается восстание и против одного Бога. Для мыслителей этого периода не только становится невыносимой идея о многих Правителях, из которых каждый управляет своей областью, но их умы не выносят потом и того, что даже одно лицо может управлять Вселенной. Так, по-видимому, возникла эта идея, а затем все росла, пока не достигла предела. Во всех почти Упанишадах раньше или позже встречаем идею о низложении Единого Бога Вселенной. Личный Бог исчезает и Его замещает Безличный. Он уже не лицо, не человеческое существо, занимающее место Правителя миров, как бы оно ни было возвеличено и распространено, но принцип, воплощенный в нас и во всех существах, и присущий всему космосу. После этого, отвергнув личного Бога, ради безличного, было бы нелогично продолжать смотреть на человека, как на личность; и, следовательно, понятие о человеке, как о личности, тоже должно быть отброшено, и человек, в свою очередь, должен рассматриваться как принцип. Снаружи личность, внутри принцип, таково должно быть истинное представление о нем. Так, одновременно в двух направлениях, шел процесс разрушения личности и перехода к принципу: личный Бог переходит в безличного Бога и личный человек – в безличного человека. Так последовательными ступенями развивалось великое

представление о Боге и человеке. Мы видим две сходящиеся линии, Безличного Бога и безличного человека, и Упанишады сводят их последовательно так, что, наконец, они становятся одной. Последнее слово каждого Упанишада: "Ты Тот!" Есть только Один Принцип, Один вечно блаженный и этот один Принцип проявляет Себя во всем этом разнообразии.

Задача Упанишад на этом, по-видимому, кончается, и дальнейшее – уже дело философов и логиков. План работы Упанишадами дан, и последним остается выработать только подробности. При этом естественно возникает много вопросов. Например, признавая, что был только Один Безличный принцип, проявляющий себя во всех множественных формах, как объяснить факт, что Один стал многим? Это тот старый вопрос, который возникал в человеческом сердце в грубой форме, как потребность объяснения происхождения зла, "Почему зло находится в мире?" и т.д. Но здесь вопрос этот стал более отвлеченным и утонченным. Больше не спрашивают с чувственной точки зрения, почему мы несчастны, но спрашивают с философской точки зрения, как произошло, что Единый Принцип стал Множественностью? И ответом, который дала Индия, – лучшим ответом, какой только мог быть дан, является теория Майи. Единый не стал, в действительности, Многим. Он не утратил ни одной части своей существенной природы. Эта Множественность только кажущаяся. Человек только по-видимому личность, в действительности же, он Одно Безличное Существо. Только казалось, что Бог личный; на самом деле, Он – Безличная Сущность Вселенной. Но даже в этом ответе были последовательные стадии, и взгляды философии менялись. Не все Индийские философы признавали теорию Майи. Возможно даже, что большинство отвергали ее. До настоящего времени у нас существуют дуалисты с прямолинейным образом мыслей, которые не допускают этих вопросов, но душат их при самом возникновении. Им кажется, что мы не имеем права ставить такие вопросы, не имеем права требовать объяснения. Все происходит по воле Бога, и наше дело смиренно подчиняться. Для человеческой души нет свободы. Все предопределено, и все, что мы должны делать – это терпеть и радоваться. Наш долг спокойно терпеть, иначе мы будем наказаны. Почему вы это знаете? спрашиваем их. "Потому, что так говорят Веды", – отвечают они. Так они и стоят, закованные в броню текстов и объяснений, стараясь только усилить их.

Но есть и другие, хотя не признающие философии Майи, но стоящие на полпути и старающиеся объяснить эти вещи теорией последовательных проявлений – последовательного развития и порчи человеческой природы. Все души, – говорят они, могут быть рассматриваемы метафорически, как то расширяющиеся, то сокращающиеся. Творение образует как бы тело Бога. Бог – Душа всех душ, Душа всей природы. Создание есть расширение или распространение этой природы Бога. Расширяясь в течение некоторого времени, она затем сокращается. В случае отдельных душ это сокращение производится дурными поступками. Всякий раз, как человек поступает неправильно, его душа теряет в силе, и это продолжается до тех пор, пока он не начнет совершать добрых дел; тогда начинается расширение.

Всем этим Индийским системам, всем системам в мире, равно как и моим личным воззрениям, обща одна подразумеваемая идея, которую я назвал бы идеей о Божественности человека. Нет ни одной философской системы в мире, ни одной религии, которая бы так или иначе не учила, – в форме мифологии,

аллегории или изящным языком философии, – что человеческая душа, какой бы она ни казалась и каково бы ни было ее отношение к Богу, – по существу чиста и совершенна, что по своей природе она сильна и свята, а не слаба и несчастна, и что ее представление о страдании и слабости требует объяснения. Грубые системы призывают к ответу за это падение личное зло, Сатану или Аримана. Другие, без всяких объяснений, стараются представить Бога и дьявола, как одно лицо, предназначенное одних страдать, а других наслаждаться. Наконец, третий – более рассудительный – тип, признает теорию Майи и т.д. Но во всех их ясно проглядывает одна мысль, которую мы и должны рассмотреть. Философские системы и идеи – только гимнастика, простые упражнения ума. Во всех этих системах, и даже во всей массе суеверий, распространенных в разных странах и верах, мне кажется, просвечивает одна мысль, что человек божествен и что эта божественность есть сущность нашей природы. Все прочее в нас – просто наслоение, как называет его Веданта. Нечто может быть наложено на эту божественную природу, но она все-таки никогда не умирает. Она присутствует в самом развращенном, как и в самом святом. Надо только позвать ее, и она проявится. Люди думают, что огонь в кремне как бы спит, и что удар стали необходим для того, чтоб разбудить его, или что огонь уже есть в сухих кусках дерева и трение двух кусков друг о друга нужно только для того, чтобы он проявился. Совершенно также и природная свобода и чистота есть в каждой душе: она ее сущность. Это не качества наши, так как качества могут быть приобретены, а – следовательно – и потеряны. Душа и свобода – одно; Душа и существование одно; Душа и знание – одно. Эта *Сат-Чит-Ананда*, Существование, Знание и Абсолютное Блаженство, – есть самая сущность природы, самое прирожденное право души, и все проявления, которые мы видим – только выражение природы души, обнаруживающееся ярко или туманно, как случится. Даже сама смерть только проявление этого действительного существования. Рождение и смерть, жизнь и разрушение, вырождение и возрождение суть также проявления этого Одного. Так, знание, как бы оно ни проявлялось, – как невежество или как образованность, – только выражение *Чит*, или сущности знания. Различие этих проявлений состоит только в степенях, а не в роде. Знание самого низшего червяка, ползающего у нас под ногами, отличается от знания самого великого гения, какого только небо может послать нам, только в степени, а не в роде. И мыслитель Ведантист смело заявляет, что всякое блаженство, или наслаждение, даже самое низменное, какое может быть в этой жизни, только проявление того Божественного Блаженства, которое составляет сущность Души.

Эта идея, кажется, самая важная в Веданте и, как я говорил, все религии, по-видимому, держатся того же учения: – я, по крайней мере, не знаю такой, в которой бы она не составляла основания. Возьмем, например, Библию. В ней мы находим, что Адам был сотворен безгрешным, и его чистота утрачена вследствие совершенных им дурных дел. Из этого ясно, что природа первого человека, или, как они могли бы сказать, истинный человек, был уже совершенным. Согласно этому взгляду, греховность, которую мы видим, и слабость, которую чувствуем, должны быть рассматриваемы, как наслоение; и дальнейшая история этой религии указывает также на несомненную возможность достижения вновь прежнего состояния. Это видно из всей Библии, как Старого, так и Нового Завета. То же и у магометан. Они также верят в Адама и в его первоначальную чистоту и считают, что с появлением Магомета открыт путь к возвращению утраченного состояния. То же самое и у Буддистов,

верующих в Нирвану, состояние, высшее чем этот наш относительный мир, которое Ведантисты называют Брахманом. Все учение Буддистов состоит в указании, как получить вновь потерянное состояние Нирваны. Таким же точно образом во всех системах есть учение, что мы не можем достигнуть ничего, что бы уже не принадлежало нам. Мы ничем не обязаны никому в этой Вселенной и должны только заявлять наше прирожденное право, или, как великий Ведантист-философ поэтически выразился в одной из своих книг*: "Мы должны добыть свое собственное государство". Это государство наше; мы потеряли его и должны взять его вновь. Майя-вадин, или верящий в теорию *майи*, говорит, однако, что даже эта кажущаяся утрата государства была только галлюцинацией, что на самом деле мы никогда не теряли его. В этом только и различие между признающими теорию *майи* и не признающими ее.

* Название этой санскритской книги о философии Веданты Самрайя-Сиддхи.

Но хотя все системы согласны в том, что у нас было государство и что мы утратили его, все они дают нам разные советы, как получить его назад. Одни говорят, что для получения этого государства мы должны совершать известные церемонии и платить определенные суммы известным лицам. Другие говорят: если вы любите всем сердцем такое-то Существо, вы получите государство. Дальше вы увидите, что все эти разные советы можно найти и в Упанишадах. Но последний и самый важный их совет заключается в том, что вам вовсе нет надобности плакать. Вам нет надобности проделывать все эти церемонии и заботиться о том, как вернуть ваше царство, так как на самом деле вы никогда его не теряли. Зачем искать то, что не было потеряно? Вы уже чисты, вы уже свободны. Если вы только подумаете, что вы свободны, в тот же момент вы свободны, но если будете думать, что связаны, вы и будете связаны. И не только будете связаны, но, предполагая, что свобода не ваша природа, вы никакими способами и никогда не сделаетесь свободными. Думая, что вы каким-либо иным способом станете свободными, вы действительно теряете свободу и никогда не будете в состоянии вернуть ее. Потому, что это покажет, что вы не были с самого начала свободны. Если бы вы были свободны, что могло бы связать вас? Независимый никогда не может стать зависимым: зависимый же не был независим и, если считал себя таким, то это была галлюцинация.

Итак, что же вы предпочитаете из двух? Рассуждения приводят нас к следующему: Если вы говорите, что душа по своей природе чиста и свободна, то естественно следует, что никогда не было ничего в этой вселенной, что могло бы ограничить или связать ее. Если же в природе было что-нибудь, что могло связать ее, то необходимо следует, что душа никогда не была свободна, и ваше утверждение о ее свободе было заблуждением. Таким образом, вы приходите к заключению, что душа по самой своей природе свободна. Иначе быть не может. Свобода значит независимость от внешних вещей, т.е., что ничто извне не может действовать на нее, как причина. Душа не имеет причины. Отсюда вытекают все наши великие идеи. Вы не можете установить никакой идеи о бессмертии, если раньше не примите за несомненное, что душа по своей природе свободна, другими словами, что на нее не может воздействовать ничто извне. Остановимся на минуту. Смерть, как действие, производимое на меня чем-то, находящимся вне меня, показывает, что по крайней мере мое тело может подвергаться воздействию внешних вещей. Я выпиваю яд и убиваю себя. Это показывает, что на мое тело может

действовать внешняя вещь, называемая ядом. Если это применимо и к душе, то душа связана. Но если верно, что душа свободна, то естественно следует, что ничто внешнее не может и никогда не будет в состоянии на нее действовать; а потому душа никогда не умрет: она беспричинна, или вне закона причинности. Свобода, бессмертие, блаженство, – все основывается на том, что душа не подчинена закону причинности, выше Майи. Очень хорошо. Но если наша природа была первоначально совершенно свободна, а потом мы оказались связаны, то это указывает, что в действительности мы никогда не были свободны, и мысль о том, что мы когда-то были свободны – неверна. С другой стороны, говорят, что мы свободны, и идея о связанности, о рабстве – заблуждение. Что вы выберете из этих двух? Будете считать заблуждением первое или второе? Что касается меня, то второе я не считаю заблуждением. Эта гипотеза более согласуется со всеми моими чувствами и опытами. Я вполне уверен, что я свободен по природе, и ни на секунду не могу допустить, что рабство действительно, а моя идея о свободе – иллюзия.

Это разномыслие, в более грубых или в современных формах, как случится, – встречается во всех философиях. Одни говорят, что нет никакой души, что идея о ее существовании чистое заблуждение, поддерживаемое постоянным прохождением физических частиц, со всеми их движениями и колебаниями, через то соединение, которое мы называем телом, мозгом и т.п. Вследствие непрерывности таких изменений, они оставляют впечатление свободы. Были Буддийские секты, имевшие обыкновение указывать, что если вы возьмете зажженный факел и станете быстро описывать концом его круги, то будет казаться, что получается огненный круг. Никакого круга, в действительности, не существует, получается только впечатление его, потому что факел каждое мгновение меняет свое место. Подобно этому, – говорят они, – каждый из нас есть масса тонких частиц, быстро вращающихся и производящих в нас иллюзию нашего собственного постоянства и свободы. По мнению таких мыслителей, тело есть существо, а душа, в действительности, не существует. Но, с другой стороны, есть партия, которая находит, что в быстрых изменениях мысли материя является как иллюзия, на самом же деле ее вовсе нет. Эти две партии существуют до настоящего времени и утверждают: одна, – что дух – иллюзия, а другая, что иллюзия – материя. С которой же стороной мы должны согласиться? – Конечно, примем дух и отвергнем материю. Доказательства в пользу обеих почти одинаковы, только в пользу духа, быть может, несколько сильнее. Никто, ведь, никогда не видел, что такое материя. Мы чувствуем только себя, а материя вне нас. Никогда не существовал человек, который бы стоял вне своей души. Поэтому аргумент несколько сильнее на стороне духа. Кроме того, эта гипотеза объясняет вселенную, тогда как материализм не в состоянии сделать это, а потому мы и не можем смотреть на материалистическую теорию, как на логичную. Если из всех философских теорий оставить только существенное и проанализировать его, то в конце концов мы найдем в них только эти две разные и друг другу противоречащие идеи. Даже в самых новейших системах мы раньше или позже встречаемся лицом к лицу со старой альтернативой: – одна сторона утверждает, что предполагаемая чистота и свобода человеческой природы иллюзия, а другая – что так называемое рабство не более, как обман. Таким образом, и среди новых школ вторая, согласно с нами, считает заблуждением мысль, что мы связаны.

Итак, предлагаемое Ведантой решение вопроса состоит в том, что мы не связаны, но уже и теперь свободны. Кроме того, она предостерегает нас, что говорить или думать будто бы мы связаны опасно; что это заблуждение, самогипноз. Как только вы сказали: "я связан", "я слаб", "я беспомощен", – горе вам, вы сковали для себя новую цепь. Никогда не говорите этого, никогда не думайте этого. Мне рассказывали об одном человеке, который жил в лесу, на берегу реки, и день и ночь повторял: "Сивогат" – я Блажен. Однажды на него напал тигр, и люди с другого берега слышали, как он, пока у него был голос, даже в пасти тигра повторял: "Сивогат", Были люди, которые, когда их резали на куски, благословляли своих врагов и говорили: "Я – Он! Я – Он! И ты также! Я свободен, и совершенен, и таковы же все мои враги! Вы – Он, и я тоже!" И таких людей было много. Но и в религии дуалистов есть великие и удивительные вещи. Удивительна их идея о личном Боге, отдельном от природы, Которому мы должны поклоняться и Которого должны любить. Иногда она очень утешительна. Но, – говорит Веданта, – утешение, происходящее не естественно, а от усыпления, похоже иногда на то, что производится морфием. Со временем оно влечет за собой слабость, а теперь больше, чем когда-либо прежде, миру недостает силы. Слабость, говорит Веданта, – причина всех несчастий в мире, единственная причина всех страданий. Мы несчастны, потому что слабы. Мы ворует, грабим, лжем и совершаем всякие преступления, потому что слабы. Где нет ничего ослабляющего нас, там не будет ни смерти, ни печали. Мы несчастны вследствие заблуждения. Отбросьте заблуждения, и все тревоги исчезнут. Это ясно и просто. После всех философских споров и акробатической умственной гимнастики, мы приходим обратно к единственной религиозной идее, самой простой, какая только есть в мире.

Монистическая Веданта это простейшая форма, в которую вы можете облечь истину. В Индии и во всех других странах люди страшно заблуждались, обращая внимание не на принципы, к которым приходили, а на процесс, приводящий к этим принципам, и это ужасно запутывало вопрос. Великие логические и философские теоремы устрасали их. Они думали, что такие вещи не всеобщие, не могут служить поучением в повседневной практической жизни, и что под видом такой философии может распространиться страшная распущенность в жизни.

Но я решительно не согласен с тем, что учение о монистических идеях может иметь следствием ослабление, безнравственность и т.п. Я верю, что оно единственное лекарство для мира. Если монизм верен, зачем людям пить воду из канавы, когда перед их дверью поток жизни? Если верно, что все чисты, почему не провозгласить это миру тотчас? Почему не объявить это громогласно во всеуслышание как святых, так и грешников, мужчин, женщин и детей, великих и малых, почему не учить этому всякого рожденного и даже того, кто еще придет в мир, человека на троне или уличного метельщика, богатого и бедного? Я царь царей; нет царя высшего, чем я! Я Бог богов; нет бога высшего, чем я!

Это покажется теперь слишком большим и смелым новшеством. Дк многих такое объявление будет звучать ошеломляюще, но боязнь его не более как предрассудок. Питаясь плохой и скудной пищей, мы делаемся неспособными есть хорошие кушанья. Мы с детства слышали советы быть слабыми. Это то же, что наслушаться рассказов о привидениях. Люди постоянно слышат, что не

следует верить в привидения, и в то же время мало кто не испытывает жуткого чувства, оставшись в темноте. Таково следствие суеверия. Эта идея Веданты единственная идея, заслуживающая того, чтобы существовать. Пусть завтра исчезнут все книги. Какое кому дело, пришла ли эта идея раньше всего индусам, евреям или народу, живущему на северном полюсе? Мы знаем только, что идея эта – истина, что истина вечна, и что сама истина учит, что она не может быть собственностью какого-нибудь отдельного существа. Люди, животные и боги – все одинаково должны воспринять эту истину. Поэтому проповедуйте ее всем. Зачем делать жизнь несчастной? Зачем оставлять людей во всякого рода суевериях? Я отдал бы десять тысяч жизней за то, чтобы только двадцать душ оставили свои суеверия. Но эта истина не только у вас, но и на родине Веданты, пугает людей. Они говорят, что голая истина годна только для Саньясинов, или отшельников: те оставляют мир, живут в лесах, и для них все это хорошо. Но для нас, бедных деловых людей, говорят они, – необходимо чего-нибудь бояться, и мы должны держаться наших старых верований и обрядов.

Дуалистические идеи достаточно долго господствовали в мире, и вот результат. Почему не сделать нового опыта? Может быть, потребуются миллионы лет для того, чтобы все умы приняли эту идею, но отчего не начать теперь? Между прочим, если один из нас в течение своей жизни научит ей двадцать лиц, то уже сделает великое дело.

В Индии очень распространена идея, сильно противодействующая этому. Обыкновенно говорят: "Все это очень хорошо. Я чист, я блажен, но я не могу проводить это постоянно в жизни". Это правда. Идеал всегда очень труден. Какой-нибудь ребенок может видеть, что небо очень высоко над головой, и он не может достать до него; но это еще не причина, чтобы и мы не должны были стремиться к этому. Разве поможет делу, если мы вернемся к старым суевериям? Будет ли для нас полезно, если, не имея возможности достать нектара, мы станем пить яд? Поможет ли нам, если, не будучи в состоянии познать истину, мы станем стремиться к темноте, слабости и суеверию?

Я ничего не имею против дуализма во многих его формах: большая часть в нем мне нравится, но я возражаю против всякого учения, которое укореняет слабость. Каждому мужчине, женщине или ребенку, которые учатся чему-нибудь, я предложил бы вопрос: стали ли вы сильнее от этого? Чувствуете ли вы прибавление силы? Так как я знаю, что только истина дает силу, только она дает жизнь. Ничто, кроме стремления к истине, не делает нас сильными и никто не достигнет истины, пока не стал сильным. Поэтому каждая система, ослабляющая ум, делает человека суеверным, заставляет его цепенеть во тьме и желать всякого рода болезненных невозможностей и таинственностей. Такие теории я осуждаю. Они бесполезны для человеческих существ и опасны. Они никогда не ведут к добру.

Те, кто имел уже опыт в этом отношении, согласятся со мной, что подобные вещи делают человека болезненным и настолько слабым, что со временем для него становится почти невозможным узнать истину и жить сообразно с ней. Сила, поэтому, первая вещь, которой нам не достает. Она великое лекарство от болезни мира. Сила – лекарство, в котором нуждаются бедные, когда их тиранят богатые, лекарство, необходимое невежде, теснимому образованным, лекарство для грешника, насилуемого другими грешниками. И ничто не дает

такой силы, как идея Монизма. Никогда мы не работаем так хорошо, никогда не остаемся так долго в самом лучшем и высоком положении, как когда вся ответственность лежит на нас. Я предлагаю каждому из вас ответить: как вы поступили бы, если б я положил вам на руки маленького ребенка? Наша жизнь в одно мгновение изменилась бы; каковы бы вы ни были теперь, вы тогда должны были бы стать бескорыстными. Вы отказались бы от всех ваших преступных мыслей, и весь ваш характер изменился бы, как только на вас была возложена ответственность. Таким образом, если бы вся ответственность была взвалена на наши плечи, мы находились бы в самом лучшем положении. Когда нам не у кого искать поддержки, не на кого сваливать вину, когда у нас нет ни дьявола, ни личного Бога, которым можно было бы приписывать зло; когда только мы сами за все ответственны, тогда мы достигаем всего для нас самого лучшего и высокого. Я ответствен за свою судьбу. Я сам приношу себе добро и сам приношу зло. Я Чистый и Блаженный. Вы должны отбросить все мысли о противном. "Я никогда не умирал и не боялся; для меня нет разницы между кастами и верами; у меня не было ни отца, ни матери, ни рождения, ни смерти, ни друзей, ни врагов; потому что Я – Существование, Знание и Абсолютное Блаженство. Я Блажен! Я Блажен! Я не связан ни добродетелью, ни пороком, ни счастьем, ни несчастьем. Ни книги, ни паломничества, ни Веды и никакие обряды не связывают меня. Я не ем, тело не мое; суеверия, приходящие к моему телу, не мои, и слабость, овладевающая моим телом, не моя, потому что Я – Существование, Знание и Абсолютное Блаженство. Я Блажен! Я Блажен!" Это, – говорит Веданта, единственная молитва, которую должны иметь массы. Единственный способ достигнуть цели говорить себе и всем, что мы – Он. И, по мере того, как вы будете повторять это, появится сила. Кто сначала был слаб, делается сильнее и сильнее: голос этот будет усиливаться, пока не пройдет по нашим жилам и не проникнет все наше тело. Когда солнечный свет становится более ярким, призраки исчезают, постепенно исчезает бремя невежества, и затем настанет время, когда оно исчезнет все, и останется Солнце, одно Солнце. Идея Веданты многим, конечно покажется ужасной, но это, как я уже говорил, следствие суеверия. В вашей стране есть люди, которым, если б я сказал, что такого существа, как дьявол, нет, то они подумали бы, что вся их религия уничтожена. Многие говорили мне: как может существовать религия без дьявола? Как может быть религия без кого-нибудь, кто бы направлял нас? Как можем мы жить, ничем не управляемые? Мы любим, чтобы нами распоряжались, привыкли к этому, и это нам нравится; если же не чувствуем, что нас каждый день осаживают, мы несчастны. Это тоже суеверие. Но какими бы ужасными ни казались высказанные мной мысли, придет время, когда каждый из нас оглянется назад, посмеется над теми суевериями, которые когда-то скрывали чистую и вечную душу, и с радостью, уверенностью и силой будет повторять: Я Он, был Им, и всегда Им буду!

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Часть I

Меня просили сказать хотя несколько слов о практическом значении философии Веданты. Я говорил уже, что, как теория, философия эта несомненно хороша; но как применить ее к практике? Всякая теория, если она непрактична, решительно ничего не стоит, за исключением разве того, что может служить гимнастикой для ума. Поэтому и Веданта, чтобы стать религией, должна быть вполне практична и применима во всех областях нашей жизни. Но

этого еще недостаточно; Веданта проповедует единство жизни во всем, и – следовательно – раз она становится религией, кажущееся различие между религией и жизнью должно исчезнуть. Религиозные идеалы должны обнимать все поле жизни, проникать каждую нашу мысль и все больше и больше выражаться в нашей деятельности.

Дальше я перейду постепенно к практической стороне Веданты; но настоящая серия лекций предназначена быть основанием учения, и потому нам следует прежде всего рассмотреть теории и проследить, как они вырабатывались, зарождаясь в лесах и переходя на улицы шумных городов. Заметим, впрочем, что многие из них получили свое начало не в уединенных убежищах лесов, но исходили с тронов, от людей, занятых больше чем кто-нибудь в этой полной суете жизни, – от царей на тронах.

Шветакету был сын Аруни, мудреца и – вероятнее всего отшельника. Он вырос в лесу, но потом пошел в город Панчалов и там явился ко двору царя Правахана Джайвали. Царь спросил его: "Знаешь ли ты, как люди уходят отсюда, умирая?" – "Нет, господин". – "Знаешь ли, как мертвые возвращаются сюда?" "Нет, господин". – "Знаешь ли, как живут отцы и боги"? "Нет, господин". Тогда Шветакету были предложены другие вопросы, и, так как он не мог на них ответить, то царь сказал ему, что он ничего не знает. Мальчик отправился назад к отцу, передал ему разговор с царем, и отец сказал ему, что и он не знает, как ответить на вопросы царя. После того, они оба отправились к царю и просили его научить их этой премудрости. Царь сказал им, что эта наука, эта философия, была до сих пор известна только царям, даже жрецы ничего не знали о ней. Тем не менее, он стал учить их тому, что сам знал по этому предмету. Таким образом, в разных Упанишадах мы находим одну и ту же мысль, что философия Веданты представляет собою не результат размышлений в лесах, но большею частью была продумана и изложена умами, больше всего занятыми нашими житейскими делами. Мы не знаем людей более занятых, чем абсолютные монархи, неограниченно властвующие над миллионами народа, а вместе с тем, эти правители были и глубокими мыслителями.

Это уже показывает, что философия Веданты должна быть очень практична. Позже, когда мы дойдем до Бхагавад-Гиты, заключающей в себе лучшие комментарии к философии Веданты, с которыми вы, может быть, уже знакомы, мы найдем сцену того, как на поле битвы Кришна учит этой философии Арджуну, и на каждой странице Гиты увидим ясно выраженное требование самой напряженной деятельности, в основании которой лежит безусловное спокойствие. Эта идея называется секретом труда, и осуществление ее составляет цель Веданты. Бездеятельность, понимая ее в смысле пассивности, не может быть целью. Если бы она составляла цель, стены, нас окружающие, оказались бы более разумными, чем мы, так как они бездеятельны. Глыба земли, древесный пень были бы величайшими мудрецами, потому что они инертны. И бездеятельность не становится деятельностью, хотя бы и сопровождалась страстью. Настоящая деятельность, составляющая цель Веданты, соединена с неизменным спокойствием, тем спокойствием, которое не может быть расстроено, тою уравновешенностью ума, которую ничто происходящее вокруг не в состоянии нарушить. И мы все, из собственного житейского опыта, знаем, что это лучшее состояние для работы. Меня часто спрашивали, как можно работать, если не испытываешь страсти, которая

обыкновенно чувствуется при работе. Я так же думал много лет назад; но став старше и более опытным, я нашел, что это неверно. Чем меньше страсти, тем лучше идет работа. Чем мы спокойнее, тем лучше себя чувствуем и тем больше сделаем. Давая свободу нашим чувствам, мы тратим много энергии, расшатываем наши нервы, беспокоим ум и производим очень мало работы. Энергия, которая должна перейти в действие, тратится, как ничего не приносящее чувство. Вся энергия расходуется полезно только тогда, когда ум вполне спокоен и сосредоточен. И, читая биографии величайших деятелей, каких когда-либо создал мир, вы видите, что все они были удивительно спокойные люди: ничто не могло вывести их из равновесия. Если человек сердится, он многого не сделает; не склонный же сердиться всегда работает успешнее. Всякий поддающийся гневу, ненависти, или какой-либо другой страсти, не в состоянии трудиться с пользой; он только изводит себя, не достигая никаких результатов. Наибольшее количество работы производит спокойный, уравновешенный ум.

Веданта указывает идеал, а идеал, как мы знаем, всегда далек от всего реального, или, как говорят, практичного. В окружающей нас среде мы замечаем два стремления: одно приспособить идеал к жизни, и другое – согласовать жизнь с идеалом. Помнить это чрезвычайно важно, так как эти стремления являются для нас серьезными искушениями. Я думаю, что мог совершать только известный род поступков, большая часть которых дурны, будучи результатом страстей, гнева, ненависти или эгоизма. И вот, если кто-нибудь придет ко мне проповедовать идеал, прежде всего требующий, чтоб я отказался от своего эгоизма, от потворства своим страстям, я найду этот идеал непрактичным. Но когда человек явится с идеалом, оправдывающим мой эгоизм, примиряющим меня со всеми моими подлостями, я тотчас обрадуюсь и с жадностью наброшусь на его идеал: он окажется для меня самым подходящим. Слову "практический", подобно слову "правоверный", придается разное значение. "Моя религия – правоверна, ваша – ересь". То же и с практичностью. Только то и практично, что я считаю таким. Если я лавочник, для меня единственное практичное занятие – торговля. Если я вор, я считаю практичным знанием только умение красть; все остальное непрактично. Все мы употребляем слово "практичный" в применении к тому, что мы в данном положении и обстоятельствах можем делать. Поэтому я попрошу вас усвоить, что Веданта, хотя и чрезвычайно практична, но только в смысле идеала. Проповедуемый ею идеал, как он ни высок, не недостижим, и все-таки он достаточно высок для идеала. Результат всего учения Веданты выражается в словах: "Ты – Тот!", т.е., ты – Бог! Все отдельные ее рассуждения и умозаключения приводят нас к понятию о душе, чистой и всеведущей; она нам показывает, что такие суеверные представления, как рождение и смерть, чистая нелепость, когда мы говорим о душе. Душа никогда не рождается и никогда не умирает, и такие мысли, как "я должен умереть", или "я боюсь умереть", – просто предрассудки. Предрассудок также мысль: "я не могу это сделать или не сделать". Я могу сделать все. Веданта прежде всего говорит человеку, чтоб он верил в себя. Некоторые религии называют человека, неверующего в личного Бога, атеистом; Веданта же говорит, что атеист тот, кто не верует в себя. Атеизмом Веданта называет отсутствие веры в величие вашей собственной души. Для многих это, без сомнения, ужасная идея, и большинство из нас думает, что такой идеал никогда не может быть достигнут; но Веданта утверждает, что он достижим для каждого из нас. Ни различие расы, пола, или возраста, ни что-либо другое не составляет препятствия к

осуществлению этого идеала, так как эта философия показывает, что он уже осуществлен.

Все силы во вселенной уже принадлежат нам. И мы сами закрываем себе руками глаза и кричим, что темно. Знайте, что вокруг нас нет тьмы. Уберите руки от глаз, и вы увидите, что свет всегда окружал вас, а тьма и слабость никогда не существовали. Мы безумцы, когда кричим, что мы слабы; безумцы, когда кричим, что мы порочны. Веданта настаивает, что не только этот идеал осуществим, но что он всегда был таким, и что, представляясь идеалом, он на самом деле действительность, наша собственная природа. Все прочее, что вы видите, не настоящее, фальшивое. Говоря: "я ничтожное смертное существо", вы говорите неправду, обманываете, гипнотизируете себя, заставляя думать, что вы нечто гадкое, слабое, жалкое.

Веданта не признает никакого греха, никакого заблуждения и утверждает, что величайшее заблуждение является только тогда, когда вы говорите, что вы слабы, что вы грешное, несчастное создание, или что у вас нет силы, и вы не можете сделать то или это. Всякий раз, когда вы думаете так, вы, так сказать, прилепываете лишнее звено к цепи, которая удерживает вас внизу, накладываете на вашу душу новый слой гипноза. Поэтому неправ тот, кто думает, что он слаб или порочен: он вносит в мир дурную мысль. Мы не должны забывать, что Веданта вовсе не старается примирить с настоящей жизнью, жизнью гипноза, ложною жизнью, которую мы считаем идеалом; эта фальшивая жизнь должна исчезнуть, а вместо нее должна проявиться и засиять реальность, всегда находящаяся позади нее. Ни один человек не становится чище: он только кажется более или менее чистым, в зависимости от большего или меньшего проявления его совершенной чистоты. Зло спадает, и природная чистота души начинает проявляться. У нас уже есть бесконечная чистота, равно как свобода, любовь и могущество.

Веданта говорит также, что это может быть осуществлено не только в дебрях лесов или в глубинах пещер. Мы только что видели, что первые, открывшие нам эти истины, не жили ни в лесах, ни в пещерах и даже не вели обыкновенный образ жизни. Наоборот, есть полное основание думать, что это были самые занятые люди, командовавшие армиями, занимавшие троны и заботившиеся о благосостоянии своих подданных, и это во дни абсолютных монархий, а не теперь, когда короли, в большинстве случаев, уравниваются в своем влиянии на ход событий с теми эффектными, но лишенными всякого значения фигурами, которые помещались раньше на носовой части кораблей... И при всем том они находили время обдумывать эти идеи, осуществлять их и проповедовать человечеству. Насколько же осуществимее они для нас, чья жизнь, сравнительно с их жизнью, постоянный досуг! Для нас позор, что мы не можем их осуществить, имея все время сравнительно свободным и очень мало дела. Мои нужды – ничто, по сравнению с нуждами каждого из тех древних абсолютных монархов. Можно ли сравнивать требования от меня с тем, что требовалось от Арджуны на поле сражения при Курукшетре, когда он командовал огромной армией и все-таки находил время, среди шума битвы, беседовать о самых высших философских вопросах и проводить их в жизнь. Мы, в нашей, сравнительно свободной и значительно более легкой и удобной, жизни, не имеем права делать меньше. Большинство из нас имели бы больше, чем мы думаем, возможности делать добро, если бы только захотели употребить на это наше время. При желании и том количестве свободного

времени, которым располагаем, мы в течение этой жизни достигли бы двухсот идеалов. Но мы не должны принижать идеал до действительности. Это один из самых опасных, незаметно вкрадывающихся, соблазнов. Он является к нам в образе лиц, оправдывающих нас и подсказывающих нам специальные извинения для каждого нашего безумного желания, пока мы не станем думать, что мы сами представляем собою единственный идеал, какой только может быть у нас. Но это не так. Веданта учит не этому. Действительность, наоборот, должна приравниваться к идеалу, настоящая жизнь – к жизни вечной.

Следует всегда помнить, что главная идея Веданты – Единство. Ни в чем нет двух: нет двух жизней, ни даже двух родов жизни для двух разных миров. В некоторых Ведах говорится о небесах, но это только в начале; а дальше, когда доходит дело до самых высших идеалов их философии, все такие вещи отбрасываются. Есть только Одна Жизнь, Один Мир и Одно Существование. Все представляет собою Единство, и различие бывает только в степени, а не в роде. Отличие одной жизни от другой – не различие в роде. Веданта решительно отвергает идеи, вроде той, что животные представляют собою нечто совсем особое от людей, и что они сотворены Богом, чтобы служить для нас пищею.

Некоторые люди были настолько добросердечны, что основали общество противников вивисекции, и, когда я однажды спросил члена этого общества: "Как это, мой друг, вы считаете законным убивать животных для еды и недозволенным убить одно или два из них для научных исследований?" Он отвечал мне: "О, животные даны нам в пищу, вивисекция же – это нечто ужасное". Но единство включает и всех животных. Если бессмертен человек, то бессмертны и животные, Различие здесь только в степени, а не в роде. Амеба то же самое, что и я: разница между нами в степени, а не в роде, и – с точки зрения высшей жизни – все это различие исчезает. Человек может видеть огромную разницу между стеблем травы и маленьким деревом, но, если вы подниметесь очень высоко, то трава и самое большое дерево покажутся вам одним и тем же. С самой высшей точки зрения, таким же образом, все идеалы одинаковы, и, если вы верите, что есть Бог, то самое низшее животное и высочайшее Его творение должны быть одинаковы, иначе Он вовсе не Бог. Бог, пристрастный к Своим детям, которые называются людьми, и такой жестокий к детям же, называемым животными, был бы хуже демона. Я скорее согласился бы сто раз умереть, чем поклоняться такому богу. Вся моя жизнь была бы войною против такого бога. Но это не так. Те, кто говорит это, не знают, что говорят. Это бессердечные люди, не ответственные вследствие своего невежества. Здесь вы видите употребление слова "практический" в ложном смысле. Мы нуждаемся в еде. Я сам могу не быть строгим вегетарианцем, но мне понятен идеал. Когда я ем мясо, я знаю, что это дурно. Если меня к этому даже принуждают обстоятельства, я все-таки сознаю, что это дурно. Но это не то, что принижать идеал к действительности и стараться оправдывать свою слабость. Я при этом не тяну идеала вниз. Идеал заключается в том, чтобы не есть мяса, не причинять страданий никакому существу. Животные, будь то кошка или собака, мои братья. Если вы так смотрите на них, вы сделали шаг вперед к братству всех душ, не говоря уже о братстве людей. Но это рассуждение назовут ребячеством, и оно многим придется не по вкусу, потому что проповедует отказаться от действительности и подняться выше, к идеалу. Если же вы предложите теорию, примиряющую ваше теперешнее поведение с идеалом, вам скажут, что она очень практична, В человеческой натуре есть

ужасная склонность к консерватизму: мы не любим делать ни одного шага вперед. Человечество представляется мне собранием людей, замерзающих в снегу, о которых я когда-то читал. Говорят, что они чувствуют сильный позыв ко сну и, когда их стараются насильно разбудить, говорят: "Дайте мне спать. Так прекрасно спать в снегу!" – и во сне умирают. То же происходит и со всеми нами. Мы в течение всей жизни постоянно замерзаем, начиная с ног, и нам все хочется спать. Но мы должны проснуться и стремиться к идеалу, а если кто-нибудь сводит идеал до нашего уровня, если кто-нибудь учит вас, что религия не высший идеал, не слушайте его. Их религия, по-моему, непрактичная религия. Если же человек говорит, что религия требует осуществления самых высших идеалов в жизни, я с ним согласен. Такой религии надо следовать, беречь ее. Остерегайтесь тех, кто старается оправдывать тщеславие и чувственные слабости: если вы последуете их учению, вы никогда не подвинетесь вперед. Я много видел таких примеров и довольно опытен в этом отношении, так как на моей родине секты растут, как грибы. Каждый год появляются новые секты. Но я заметил, что из них только те распространяются, которые никогда не стараются примирить человека плоти с человеком истины. Везде, где возникает ложная идея примирения плотской суеты с высшими идеалами, низведения Бога до уровня человека, везде является болезнь. Человека следует не унижать до состояния, в котором он находится, но поднимать до Бога.

При этом мы не должны смотреть с презрением или свысока на других. Все мы идем к цели, и разница между слабым и сильным, между светом и тьмою, между добродетелью и пороком, небом и адом, жизнью и смертью, между всем, противоположным в этом мире – только в степени, а не в роде, так как все Одно, будь то мысль, жизнь, душа или тело, и разница только в степени. А, раз это так, мы не имеем права смотреть свысока на тех, кто не достиг той же степени, как мы. Не осуждайте никого; если можете протянуть кому-нибудь руку помощи, протяните ее; если не можете, сложите ваши руки, благословите его и предоставьте ему следовать своею дорогой. Осуждение и порицание дурной спутник работы. При них работа никогда не может быть выполнена. Порицая других, мы растрачиваем собственную энергию; и со временем узнаем, что все мы имеем в виду одно и то же, все более или менее приближаемся к одному и тому же идеалу, и что наибольшее между нами различие только в словах. Возьмите даже только что высказанное мною понятие Веданты о грехе, и другое: что человек – грешник. Практически они одинаковы, только одно из них ошибочно в направлении. Распространенное суеверие рассматривает отрицательную сторону, а Веданта положительную. Одно показывает человеку его слабости, другая говорит, что слабости возможны, но что, несмотря на них, нам предназначено расти. Как только человек родился, в нем уже замечается болезнь. Каждый знает ее сам и не нуждается, чтобы о ней говорили ему другие. Мы можем забыть о чем-нибудь для нас постороннем, можем стараться обмануть других, но в глубине нашего сердца все сознаем наши недостатки. Напоминание о наших слабостях, – говорит Веданта, – не поможет; нам нужно лечение. Лечение же от слабости состоит не в том, чтобы заставлять человека постоянно думать, что он слаб, а в том, чтобы он думал о своей силе. Говорите ему о силе, которая уже есть в нем. Вместо того, чтобы говорить людям, что они грешники, Веданта учит, наоборот: "Вы чисты и совершенны, и все, что вы называете грехом, не ваше". Это только очень слабая степень вашего проявления; проявляйтесь в возможно сильнейшей степени. Это единственная вещь, которую надо помнить, и каждый из вас может это делать. Никогда не

говорите: "у меня нет", никогда не говорите "я не могу". Этого не может быть, так как вы бесконечны. Даже время и пространство – ничто, сравнительно с вашей природой. Вы можете делать все, вы всемогущи.

Это, конечно, только принципы этики, и мы должны войти в более детальное их рассмотрение. Нам надо рассмотреть, как применить Веданту к нашей повседневной жизни каждого народа, так как, если религия не может помочь человеку во всех положениях и обстоятельствах, от нее мало пользы, – она будет только теорией для немногих избранных. Чтобы помогать человеку, религия должна быть способна помогать всегда и везде, на службе и в совершенно свободной жизни, при самом глубоком падении и при самой высшей чистоте, и только когда принцип Веданты, идеал религии, или как бы вы его ни называли, будет осуществлен. Этот идеал веры в себя представляет собою самую великую помощь, какая может быть оказана человечеству. Я убежден, что, если бы вере в себя более настойчиво учили и она более широко применялась, огромная часть наших бедствий и страданий исчезла бы. Вся история человечества показывает, что, если в жизни великих людей с самого их рождения преобладала какая-либо побудительная сила, то эта сила была верою в себя. Они уже родились с сознанием, что должны быть великими, и стали великими. Пусть человек падает как угодно низко, но наступит время, когда, после настоящего отчаяния, кривая его падения примет направление вверх, и он научится верить в себя. Лучше, однако, если мы знаем это с самого начала. Зачем нам подвергаться всем этим горьким испытаниям для получения веры в себя? Мы видим, что все различие между людьми заключается в существовании или несуществовании у них доверия к себе. Вера в себя делает все. Я испытал это на себе и, по мере того, как становился старше, эта вера во мне делалась все крепче и крепче. Кто не верит в себя – атеист. Старые религии говорили, что атеист тот, кто не верит в Бога: новая религия говорит, что атеист тот, кто не верит в себя. Но это не эгоистичная вера, потому что Веданта есть учение о Единстве. Она предполагает веру не только в себя, но и во всех людей, животных и во все, потому что вы и все прочее одно. Любовь к себе, значит, любовь ко всем и всему. Я уверен, что эта великая вера сделает мир лучшим. Лучший человек тот, кто осмеливается говорить: "Я знаю о себе все". Знаете ли вы, сколько способностей, сил и энергии таится позади вашей формы? Что знают ученые о том, что есть в человеке? Прошли миллионы лет с тех пор, как появился на земле человек, и до сих пор проявилась только бесконечно малая часть его способностей. Поэтому, как смеете вы говорить, что вы слабы? Откуда вы знаете, что находится за этой испорченной поверхностью? Что вы знаете о том, что внутри вас? Позади вас – целый океан бесконечного блаженства и могущества.

"Атман – то, к чему надо прежде всего прислушиваться и о чем надо слушать". Слушайте день и ночь, что вы – Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца, пока не проникнет в ваши мускулы и кости. Пусть все ваше тело наполнит эта одна мысль: "я нерожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечнопрекрасная Душа". Думайте об этом день и ночь; думайте, пока эта мысль не станет частью вашей жизни. Размышляйте о ней, и она обратится в дело. От полноты сердца уста говорят, и от полноты же сердца рука делают, – мысль переходит в дело. Проникнитесь этою идеею и, что бы ни делали, думайте о ней. Все ваши действия преобразуются обожествятся, усилятся и станут выше, одной силою мысли. Если материя могущественна,

мысль всемогуща. Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы. Дай Бог, чтобы противоположное суеверие никогда не запало вам в голову. Дай Бог, чтоб при самом рождении мы не были окружены суеверными влияниями, этими парализующими идеями о нашей слабости и порочности. Дай Бог, чтобы человечество шло более легкой дорогой к достижению самой благородной и высокой истины. Но человек должен пройти через все это; не делайте же эту дорогу еще более трудной для тех, кто пойдет после вас.

Эти учения иногда кажутся ужасными. Есть люди, которых они пугают; но для тех, кто хочет быть практичным, они представляют то, что надо прежде всего осуществить. Не говорите ни себе, ни другим, что вы слабы. Если можете, делайте добро, но ни в каком случае не приносите миру вреда. Вы сознаете в глубине сердца, что многие из ваших ограниченных идей, идей о смирении и слезных мольбах перед воображаемыми существами – суеверие. Укажите мне хоть один случай, когда на такие мольбы получен ответ. Все ответы, которые вы когда-либо получали, исходили из вашего собственного сердца. Все вы знаете, что никаких привидений нет, но как только вы остаетесь в темноте, вы испытываете легкое ощущение жуткости. Это потому, что в детстве все эти идеи о страхе вложены нам в голову. Но теперь правилом вашего поведения должно быть никогда не вселять в других подобных идей какого бы то ни было рода, ни боязни общества или общественного мнения, ни ненависти друзей, ни утраты предрассудков. Будьте выше всего подобного.

Что же еще есть в религии, чему нужно научиться? – Единство вселенной и вера в себя, вот все, что нужно знать. Все, что делало человечество в течение миллионов лет, было направлено к одной цели, – познать Единство, и люди до сих пор работают над этим. Теперь эта цель достигнута: Единство признано всеми; нас учат ему со всех сторон. Не только философия, но и материалистические науки ежедневно заявляют о нем. Где вы найдете в наши дни ученого, который бы осмелился не признать этой истины – Единства вселенной? Кто посмеет толковать о многих мирах и т.п.? Все это были суеверия. Есть только одна жизнь и один мир, и эта одна жизнь и один мир кажутся нам многими, совершенно так, как, когда вы спите, один сон проходит и приходит другой. Вы не живете в ваших снах, но перед вами проходит один сон за другим, разворачиваются одна за другой сцены. То же происходит и в нашем мире, этом мире, в котором девяносто процентов страданий и десять процентов счастья. Может быть, через некоторое время он покажется нам состоящим на девяносто процентов из счастья, и мы назовем его небом; но для мудреца настанет другое время, когда все исчезнет, и весь мир, и его собственная душа представится самим Богом. Поэтому нет многих миров и многих жизней. Вся эта множественность есть только проявление Одного. Этот Один проявляется как многое, в материи, духе, уме, мысли и во всем; и наша первая практическая задача состоит в том, чтобы самим усвоить это и научить ему других. Пусть мир откликнется на этот идеал, и пусть исчезнут суеверия. Говорите о нем слабым, повторяйте им: Ты чист. Встань! Проснись! То, что тебе снится, не ты. Оно совсем на тебя не похоже. О, могущественный, встань и иди вперед. Ужели ты считаешь себя слабым? Проснись! Поднимись, всемогущий, и прояви свою натуру! Не годится считать себя грешником, слабым. Говорите это миру, говорите себе, и посмотрите, какой будет результат, как все проявится с быстротою электрической вспышки, как все изменится. Говорите это

человечеству и покажите ему его силу, и тогда вы научитесь применять ее в вашей повседневной жизни.

Дальше мы придем к тому, что мы называем *Вивека*. Мы научимся в каждый момент нашей жизни, в каждом нашем действии, различать правильное от неправильного, истинное от ложного, и узнаем, что отличительный признак истины – чистота, Единство. Все, что ведет к Единству – истина. Любовь истина, а ненависть – ложь, потому что ненависть создает рознь. Она разделяет вас от меня, и поэтому она ложь. Ненависть – сила раздробляющая, – она разделяет и разрушает.

Любовь связывает, создает Единство. Мать и дети, семья и город становятся одним. Все человечество становится одним с животными, потому что любовь есть существование, любовь Сам Бог, а все существующее – проявление любви, более или менее, выраженной. Различие только в степени; всякая любовь – проявление одной Всеобщей Любви. О всяком поступке мы должны судить по тому, влечет ли он за собою различие или Единство. Если он ведет к различию, мы должны отказаться от него, если к Единству, – это хороший поступок. То же и с мыслями. Мы должны выяснить, ведут ли они к разделению на многое, или к единству, к слиянию душ и подчинению общему влиянию. В последнем случае, мы принимаем их, в первом отбрасываем, как преступные.

Вся идея этой этики не основана на чем-нибудь недоступном познанию и не учит ничему неизвестному, но только тому, что у Св. Павла выражено словами: "Я проповедую вам о Том, Кому вы поклонялись, как неведомому Богу". Вы можете знать что-нибудь только через *я*. Я знаю о существовании этого стула; но прежде должен знать о своем *я*, и уже потом о стуле. Стул известен только в *я* и через *я*. Я знаю о вас только в себе и через себя, знаю о всем мире только в себе и через себя; а потому говорить, что это *я* неизвестно, чистая бессмыслица. Устраните *я*, и вся вселенная исчезнет. Все знание получается в *я* и через *я*. Поэтому *я* известно больше, чем что-либо другое. Вы сами – то, что называете моим *я*. Вас, пожалуй, удивляет, как это ограниченное *я* может быть безграничною бесконечностью; но это так. Ограниченное *я* только фикция. *Я* было скрыто, но и маленькая часть его проявилась, как *я*, но это последнее только часть бесконечного *Я*. Ограниченное *я* не оказывает никакого действия на неограниченное: ограниченное – это фикция. Поэтому *я* известно каждому из нас, мужчинам, женщинам, детям и даже животным. Без знания этого Властелина, мы не могли бы ни двигаться, ни дышать, ни жить хотя бы секунду, так как Он должен быть налицо, чтобы заставляя нас двигаться, думать и жить. Известный больше, чем что-либо другое, Бог Веданты вовсе не продукт воображения.

Если это не проповедь познанного опытом Бога, то какое другое учение о Нем вы могли бы предложить? Бог вездесущ, присутствует во всех существах и более реален, чем наши чувства. Где более настоящий Бог, чем Тот, Которого я вижу перед собою? Вы – Он, Вездесущий, Всемогущий Бог, Душа вашей души. И если я скажу, что вы не Он, я скажу неправду. Я знаю это, всегда ли это очевидно для меня или нет. Он – Единство, объединение всего, сущность всей жизни и всего существования. Эти идеи этики Веданты следует рассмотреть в подробностях, и потому вы должны иметь немного терпения. Детальное и основательное исследование этого предмета нам необходимо, как я уже говорил вам, для того, чтобы видеть, как идеалы росли с самого их зарождения,

как из существовавших идей возник один Великий Идеал Единства, и как он принял форму Всеобщей Любви. Этот идеал мы должны исследовать со всех сторон, чтобы избежать опасных ошибок. Мир не может не спешить подниматься вверх от самых низших ступеней. Какая польза от того, что мы занимаем высшее положение, если мы не в состоянии передать открытых нами истин другим, идущим за нами. Поэтому лучше изучить предмет во всех его применениях, и прежде всего безусловно необходимо составить ясное понятие о его интеллектуальной стороне, хотя мы и знаем, что интеллектуальность почти ничто, а наибольшую важность имеет сердце. Бог видим сердцем, а не интеллектом

Интеллект только метельщик, очищающий для нас путь; он подручный рабочий, сторож, полицейский. Но полицейский не представляет собою положительную необходимость для образования общества. Его назначение в нем – прекращать беспорядки, препятствовать нарушению справедливости. Работа, требуемая от интеллекта, та же самая. Когда человек читает умную книгу, он, одолев ее, думает: "Слава Богу, мне не надо читать ее больше!" – потому что интеллект слеп и не заключает в себе движения. У него нет ни рук, ни ног. Деятель – чувство, движущееся со скоростью большею, чем электричество. Весь вопрос в том, чувствуете ли вы. Если да, чувством вы узрите Бога. Чувство, которое есть у вас в настоящее время, вы должны усиливать, обожествлять, развивать до самой высокой степени, пока не начнете чувствовать всего, единства во всем, Бога в себе и в других. Интеллект не может сделать этого. "Различные методы выражения, разные способы объяснения текстов книг служат для удовольствия ученых, но не для спасения души".

Те из вас, кто читал Фому Кемпийского, видели, что он на каждой странице повторяет это, – и почти каждый великий человек утверждал то же. Разум необходим, потому что без него мы впадаем в грубые заблуждения и делаем всякого рода ошибки. Он удерживает от них; но не пытайтесь строить на нем что-нибудь. Он недеятельное второстепенное средство; действительное средство – чувство, любовь. Чувствуете ли вы за других? Если чувствуете, вы делаете успехи в объединении. Если нет, вы можете быть величайшим умственным гигантом, какой когда-либо родился, но из вас не выйдет ничего: вы сухой разум, и им же останетесь. Если же вы чувствуете, то, даже не умея читать, и не зная ни одного языка, вы на правильном пути, вы обрели Бога.

Вам известно влияние пророков на историю человечества. Чем оно произведено? Умом ли их? Написали они хоть одну изящную книгу по философии или сложное рассуждение по логике? – Ни один ничего подобного не делал. Они и сказали-то всего горсть слов. Чувствуйте, как Христос, – и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда, – и вы будете Буддой. Чувство – это жизнь, сила, без которых никакими умственными усилиями нельзя постичь Бога. Разум похож на члены тела, которые могут двигаться и касаться других только тогда, когда в них войдет чувство и сообщит им движение. Этот путь (к познанию Бога) был всегда и во всем мире, и вы должны помнить его. Веданта учит, что все вы пророки и должны быть пророками. Это самая практическая ее мораль. Книга не ценитель вашего поведения, – вы оцениваете книгу. Почему вы знаете, что книга проповедует истину? – Потому, что вы осуществляете эту истину и чувствуете ее. Это то, чему учит Веданта. Какое доказательство истины Учения Христа и Будды? – То, что я и вы чувствуете так же, как Они. Вот почему мы знаем, что они были правы. Наша собственная пророк-душа

свидетельствует об их пророке-душе. Наше собственное божественное естество свидетельствует о Самом Боге. Если вы не пророк, то никогда не было ничего верного о Боге. Если вы не Бог, то никогда не было и не будет никакого Бога. Это идеал, – говорит Веданта, – которому надо следовать. Каждый из нас должен быть пророком, и вы уже пророки. Только знайте это. Никогда не думайте, что может быть что-нибудь невозможное для души. Говорить так – величайшая ересь. Если грех есть, то только один, – именно, говорить, что я, или другие, слабы.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Часть II

Позвольте прочесть вам очень древний рассказ из Чхандогья Упанишада о том, как один мальчик приобрел знание. Рассказ этот очень необработан по форме, но он поясняет один великий принцип. Маленький мальчик сказал своей матери: "Я хочу изучать Веды; скажи мне имя моего отца". Мать была незамужняя, а в Индии на детей таких женщин смотрят, как на негодную ничтожность, неспособную чему-нибудь научиться вообще, а тем более изучать Веды. Мать ответила: "Дитя, мое, я не знаю твоей фамилии. Я была служанкой, служила в разных местах и не знаю, кто был твой отец. Мое же имя Джабала". Ребенок пошел к ученым и просил принять его учеником. Они спросили его: "Скажи, дитя, какой ты касты и как зовут твоего отца?" Мальчик ответил: "Я спрашивал об этом мать, и она сказала мне вот что". При этом он передал то, что слышал от матери. Большинство ученых были смущены ответом и не знали, что сказать; но один подозревал мальчика и сказал ему: "Ты сказал правду, не уклонился от пути чести, и так как таких называют браминами, то ты брамин, и я буду учить тебя". Он принял мальчика, обучил его и, так как тот сказал правду, дал ему новое имя – Сатьякама – жаждущий истины.

Затем в этом рассказе приводятся способы древнего обучения. Этот учитель дал Сатьякаме под присмотр несколько сот коров и послал его с ними в лес, сказав, чтоб он вернулся, когда стадо увеличится до тысячи голов. Тот пошел и жил в лесу. Спустя несколько лет, Сатьякама однажды услышал голос одного большого быка из стада, говорящего ему: "Нас теперь тысяча, гони нас назад к твоему учителю, а пока я тебе сообщу кое-что о Брахмане". – "Говори", – сказал Сатьякама. Тогда бык сказал: "Север есть часть Господа, также как восток, запад и юг. Четыре главные точки – четыре части Брахмана. Большему тебя научит огонь". В то время огонь был великим символом, и каждый учащийся должен был добывать огонь и совершать ему приношения. Поэтому бык и сказал: "Огонь научит тебя чему-то". Сатьякама вернулся и, сделав возлияния и помолившись огню, сел около него. Тогда из огня раздался голос: "Сатьякама!" – "Говори, господин", – сказал Сатьякама. – Вы, вероятно, помните подобную же историю в Ветхом Завете, как молодой Самуил слышал таинственный голос. – "Я пришел, о Сатьякама, поучить тебя немного о Брахмане. Эта земля часть Брахмана, небо и небеса – части Его. Океан – часть Брахмана". Затем огонь сказал, что некая птица научит его остальному. Сатьякама пошел домой, там к нему прилетел лебедь и сказал: "Позволь мне поучить тебя кое-чему о Брахмане. Огонь, которому ты поклоняешься, – часть Брахмана. Солнце, луна, молния – части Брахмана. Птица Мадгу скажет тебе больше". Прилетела эта птица, и Сатьякама опять услышал голос. "Позволь мне сказать тебе нечто о Брахмане. Жизнь – часть Брахмана, зрение, слух и ум – Его части". Тогда

мальчик вернулся к своему учителю, и тот увидел его издали и сказал: "Дитя мое, твое лицо сияет, как у познавшего Брахмана". Мальчик просил учить его дальше, и учитель ответил: "Ты уже знаешь часть истины".

Читая дальше, мы видим, что здесь в форме аллегории проводится мысль, что все, чему учили бык, огонь и другие, находится в нашем собственном уме. Ученик, наконец, открывает, что все, что он слышал, верно, но что он ошибочно считал, будто голоса исходили от внешнего мира; на самом же деле, они все время раздавались изнутри его самого, из его сердца. Вторая идея заключается в том, что понятие о Брахмане, как Единстве, должно быть доступно среднему пониманию. Древняя Индийская мысль постоянно стремилась к такому объяснению религии. Читая эти истории, мы видим, что Брахман с каждым днем становится все более и более понятным. Идея о Нем выясняется всем, с чем люди уже знакомы: огнем, которому они поклоняются, землю и т.д.

Дальше рассказывается об ученике этого Сатьякамы, жившего некоторое время и учившегося у него. Один раз Сатьякама ушел куда-то ненадолго, и ученик очень опечалился. Когда жена учителя пришла к нему и спросила, почему он не ест, он отвечал: "Я слишком несчастлив, чтобы есть". Тогда из огня, которому он поклонялся, послышался голос: "эта жизнь Брахман: Брахман – эфир и Брахман – пространство. Познай Брахмана!" "Я знал", – отвечал ученик, – "что жизнь Брахман, но что Он – эфир и пространство, этого я не знал". Под эфиром здесь разумеется бесконечное пространство. Тогда огонь стал учить его обязанностям главы дома. "Тот, Кто обитает в земле, в птице, в солнце, которому ты поклоняешься, Он – в каждом из нас. Кто знает это и поклоняется Ему, как таковому, имеет долгую жизнь, все его грехи исчезают, и он становится счастливым. Также и тот, кто живет в четырех частях света и говорит: "Я – Он" и "Я Тот", и кто живет в эфире, в небесах и в молнии и говорит: "Я – Он". Здесь опять мы видим ту же идею практической религии. Знакомый голос берет то, чему человек поклоняется, как огонь, солнце, луна и т.п., объясняет его и придает ему высшее значение. Это практическая сторона Веданты. Веданта не разрешает мира, но объясняет его. Она не отрицает личности, или индивидуальности, но объясняет их, указывая действительную личность, действительную индивидуальность, Она не заявляет, что мир не существует, или не нужен, но говорит: "Поймите этот мир так, чтобы он не причинял вам вреда". Голос, который слышал Сатьякама, не говорил ему, что огонь, которому он поклонялся, солнце, луна, молния или что-либо прочее, не то, чем ему кажутся, но показал, что дух, обитающий во всем этом, тот самый, который живет в нем. Таким образом, все в глазах Сатьякамы становится как бы преображенным. Огонь, который раньше был для него простым материалом, на который он должен был совершать возлияния, принял совершенно иной вид и стал действительно самим Господом. Преобразились земля, жизнь, солнце, луна, звезды, молния, и все стало обожествленным. Их истинная природа стала теперь в первый раз известна. Задача Веданты – видеть во всем Бога: не только то, что нам кажется, но их истинную сущность. Затем мы встречаем очень интересное поучение. "Тот, кто сияет в глазах – Брахман. Он прекрасен. Он блестящ. Он светится во всех этих мирах". Комментатор говорит, что здесь под светом в глазах подразумевается тот свет, который бывает у чистого человека. Когда человек становится чистым, такой свет сияет в его глазах, и этот свет принадлежит душе, которая везде. Это тот же свет, который сияет в планетах, звездах и солнце.

Я хочу прочесть вам еще о некоторых странных учениях этих древних Упанишад, рассматривающих рождение, смерть и т.п. Думаю, что они будут для вас интересны.

Шветакету пришел к царю Панчалов, и царь спросил его: "Знаешь ли ты, куда идут люди, когда умирают? Знаешь ли, возвращаются они когда-нибудь, или нет? Знаешь ли, почему земля никогда не становится пустою?" Мальчик отвечал, что не знает, пошел к своему отцу и предложил ему те же вопросы. Отец сказал: "Я не знаю". И они оба вернулись к царю за объяснениями. Царь сказал, что этим знанием никогда не обладали жрецы, оно всегда принадлежало только царям, и потому-то цари и правят миром. Отец Шветакету, Гаутама, остался служить царю, и спустя некоторое время царь сказал, что будет учить его. "Видимый огонь, которому ты поклоняешься, Гаутама, представляет собою очень низший род энергии Огня. Земля – другой, уже великий его символ. Воздух – его дрова. Ночь – дым, страны света – пламя. Нижняя часть его населена тьмою. На этот огонь боги совершают свои возлияния, в виде дождя, который производит пищу". Он продолжал дальше, показывая, как бесполезно делать возлияния маленькому огню. "Весь мир – наш жертвенный огонь, и мировое возлияние, мировая молитва постоянно совершаются. Боги и ангелы, и все и везде совершают молитву. Человек, его тело, о Гаутама, – величайшие символы огня". Здесь опять видим идею, становящуюся на практическую почву, – Брахман низводится к действительности. Через все эти символические рассказы проходит одна мысль, что придуманный символизм может быть хорош и полезен, но что уже существуют символы, лучше которых нельзя придумать. Если вы хотите придумать образ для поклонения в нем Богу, знайте, что уже существует гораздо лучший образ – живой человек. Если хотите построить храм для проявления в нем Бога, это очень хорошо, но уже существует гораздо лучший храм, далеко высшее Святая-Святых – человеческое тело.

Мы должны помнить, что Веды состоят из двух частей, обрядовой и сообщающей знание. С течением времени, обряды настолько умножились и усложнились, что стало практически невозможно разобраться в них; поэтому в Упанишадах они почти совсем отвергаются; но делается это осторожно и с объяснением. В древнее время совершались возлияния и приносились жертвы; но явились философы, и вместо того, чтобы отнестись отрицательно к этим символам, вырвать их из рук духовенства, как, к сожалению, обыкновенно поступают новейшие реформаторы, они дали взамен их нечто другое. Существует, например, символ огня. Прекрасно! Но мой символ – земля. Какой огромный и величественный символ! Вот маленький храм. Да, но мой храм – вся вселенная; где бы я ни молился, всякое место свято. Или – вот особые изображения, которые вы приготовили, чтобы создать на земле алтари; но для меня самый величественный из алтарей – живое чувствующее человеческое тело, и поклонение ему гораздо возвышеннее, чем какому бы то ни было бездушному символу.

Есть еще странное учение. Я сам не вполне его понимаю; но, на случай, что вы, может быть, извлечете что-нибудь из него, я вам сообщу о нем. "Когда человек, размышлявший, очистивший себя и достигший (высшего) знания, умирает, он сначала идет к месяцам, от месяцев к годам, от годов к солнцу, от солнца к луне, от луны к молнии и, придя к сфере молний, встречает кого-то, – не человека, – помогающего ему встретиться с Брахманом, с Богом. Это путь

богов. Ученые и мудрые люди, умирая, идут этим путем". Что здесь разумеется под месяцами, годами и проч., в настоящее время никто наверно не знает. Каждый думает об этом по-своему, а многие говорят, что это просто бессмыслица.

Что такое идти в мире луны и солнца, кто такой проводник, помогающий душе после того, как она достигла сферы света? Среди индусов распространена идея, что луна – страна жизни и что жизнь явилась на земле в виде дождя с луны. Те, кто не достиг (высшего) знания, но делал в этой жизни добрые дела, когда умирают, то прежде всего идут через дым, потом к ночи, затем к темным пятнадцати дням, затем к месяцу и затем к году. Оттуда они идут к эфиру, оттуда в область луны и здесь становятся пищею богов, и рождаются опять богами. В этом состоянии они живут в течение времени, соответствующего количеству совершенных ими добрых дел. Когда же действие их добрых дел оканчивается, они идут назад. Сначала становятся эфиром, потом воздухом, затем дымом, затем облаком и т.д. Наконец, в виде дождевых капель падают на землю, обращаются в пищу, съедаются людьми и становятся их детьми. Те, чьи дела были очень хороши, рождаются в хороших семьях, а чьи дела были дурны, – в очень плохих, и даже вселяются в такие низкие тела, как тело свиньи. Это ничтожные животные постоянно умирают и постоянно возвращаются на землю. Вот почему земля никогда не бывает вполне населена и никогда не бывает пуста.

После мы, может быть, будем в состоянии понять все это лучше и даже сообразить, что все это значит. Последняя часть, говорящая о том, как те, что были на небе, возвращаются назад, может быть, яснее чем первая. Но общая идея здесь, по-видимому, та, что без непосредственного познания Бога нет неба. Люди, не познавшие непосредственно Бога, но совершившие в этом мире добрые дела, имея в виду наслаждаться результатами их, когда умрут, идут в разные сферы, пока не достигнут неба и не рождаются там детьми богов, так же как рождаемся мы от людей, и живут там столько времени, сколько позволят им их добрые дела. Во всем этом выступает главная идея Веданты, что все имеющее имя и форму преходяще. Земля преходяща, потому что имеет имя и форму. Небеса также должны быть преходящи, как тоже имеющие имя и форму. Вечное небо было бы противоречием в словах, так же как и вечная земля, потому что все, имеющее имя и форму, должно начинаться во времени, продолжаться во времени и оканчиваться во времени. Это – установленное положение Веданты, и потому небеса не признаются ею.

В Самхитах мы встречаем идею, что небо вечно, почти ту самую идею которая преобладает в настоящее время в Европе среди магометан и христиан. Вся разница только в том, что у магометан она немного конкретнее. Они говорят, что небо это место, где есть сады, вдоль которых текут реки. В пустынях Аравии вода – нечто очень желательное, и потому магометане всегда стараются сделать свои небеса полными воды. Я же родился в стране, где шесть месяцев в году идут дожди, и полагаю, что представлял бы себе небо, как место сухое, с чем со мною были бы согласны и англичане. Эти небеса в части Вед, содержащей Самхиты, считаются вечными. Отошедшие идут в них, получают там прекрасные тела, встречают своих предков, детей и родственников и живут с ними вечно, ведя такую же точно жизнь, как здесь, только гораздо счастливее. Все затруднения и препятствия этой жизни к счастью там исчезают, а все хорошее в ней и все ее наслаждения остаются. Но

я должен напомнить вам, что, как бы удобным ни находили люди все это, между удобством и истиной есть разница, и бывают случаи, пока мы не достигли совершенства, когда истина совсем не то, что удобство. Человеческая природа очень консервативна. Раз начав делать что-нибудь, ей трудно остановиться. Ум отказывается допускать новые мысли, потому что процесс мышления так утомителен. Но в Упанишадах делается страшное отступление (от прежних взглядов). В них заявляется, что эти небеса, где люди живут со своими предками, не могут быть вечны, так как все, имеющее имя и форму, должно умереть. Если небеса есть и имеют форму, они со временем должны перестать существовать. Может быть, до этого пройдут миллионы лет, но рано или поздно наступит время, когда они исчезнут. В это же время, т.е., одновременно с указанною только что идеей, возникает другая идея, что души возвращаются назад на землю, и небеса служат только местом, где души наслаждаются некоторое время плодами своих добрых дел. Когда же действие последних кончается, они возвращаются к земной жизни. Из этого ясно, что уже в эти ранние времена человечество имело некоторые понятия о философии и причинности. Здесь наши философы говорят почти как дети, но дальше увидим, как они выразили те же идеи языком философии и логики. Читая эти книги, вы заметите также, что в них рассматриваются предметы внутреннего восприятия. Если вы спросите меня, может ли Веданта быть применена к практике, я отвечу, что она сначала применялась только к практике и уже после обратилась в философию. Вы сами можете видеть, что эти вещи раньше должны быть восприняты и осуществлены и затем уже записаны. Древним мыслителям говорил сам мир: им говорили птицы, животные, солнце, луна: и мало-помалу они непосредственно познали эти вещи и проникли в самое сердце природы. Они достигли этого не путем размышления, не силою логики, не собиранием вкладов чужих умов и составлением толстых книг, как это делается в новейшее время, и не так, как делаю теперь я, взяв одно из их творений и составляя из него длинную лекцию; нет, они должны были все открыть сами. Для них важнее всего был личный опыт, и это будет всегда так; религия всегда была и будет самым практическим знанием, а не какой бы то ни было теологической теорией. Она всегда сначала – практика, а потом – знание. Идея, что наши души возвращаются, уже есть в Упанишадах. Те лица, которые совершают добрые дела с мыслью о результате, получают его, но он не будет вечен. Здесь мы видим прекрасно выраженную идею о причинности, – именно, что следствие соответствует причине. Какова причина, таково и следствие. Если причина вечна, должно быть вечно и следствие; но так как все такие причины, как добрые дела и подобные им вещи, представляют собою нечто конечное, то они не могут произвести бесконечных следствий. Здесь мы подошли к другой стороне вопроса, – что, так как не может быть вечного неба, то, на том же основании, не может быть и вечного ада. Предположите, что я очень дурной человек и каждую минуту делаю зло. Но вся моя жизнь здесь – ничто, по сравнению с моей вечной жизнью. Поэтому, если я подвергнусь вечному наказанию, это будет значить, что бесконечное следствие порождено конечною причиной; бесконечное следствие в вечной жизни будет произведено конечною причиной этой короткой жизни, чего быть не может. Если я всю мою жизнь творю добро, я не могу наслаждаться плодами бесконечного неба. Думать так, – значит, делать ту же ошибку. Но есть третий путь для тех, кто познал истину, кто реализовал ее. Познать, так сказать, воочию (реализовать) истину единственный путь выйти из-под покрова Майи, и Веданта указывает направление, какого для этого надо держаться, указывает, что следует понимать под реализацией истины.

"Надо видеть все обитающим в Я, и все действия не хорошими и не дурными, но исходящими от Я. Я – во всем. Мы должны отвергнуть природу. Должны закрыть глаза; видеть Бога в небесах и также в аде, в жизни и в смерти". Мысль, заключающаяся в только что приведенных строках, та, что эта земля есть символ Бога, что небо и место, которое мы занимаем, может быть названо Богом. Все – Брахман. Итак, следует видеть, а не только говорить и думать. Логическим следствием этого будет то, что если душа видит все в этой вселенной и всякое место, как полное Бога, Брахмана, то для нее будет безразлично идти на небо, в ад, или куда бы то ни было. В таком случае, для меня не будет иметь никакого значения, – должен ли я родиться на земле, или на небе. Все эти вещи потеряют для меня всякое значение, так как всякое место для меня будет одинаково, всякое место станет храмом Божиим, станет святым; и в небе, аде и во всем я буду видеть присутствие Божие. Для меня не будет ни неба, ни ада, ни зла, ни жизни, ни смерти. Когда человек достиг такого состояния, стал так воспринимать все, он, по словам Веданты, стал свободным, и только такой человек, – говорит Веданта, способен жить в этом мире. Все другие не приспособлены. Как может жить в этом мире человек, видящий зло? Вся его жизнь сплошное страдание. Несчастье для человека жизнь, если он видит опасность, видит смерть. Только тот может жить в этом мире, только тот может сказать, что он наслаждается жизнью и счастьем, кто видит жизнь в истинном свете и во всем истину. Между прочим, замечу, что в Ведах вы нигде не встретите идеи об аде. Она пришла в Индию гораздо позже, с Пуранами. Самое худшее наказание, какое знают Веда, это возвращение сюда, на землю, и получение новой возможности (достижения свободы). Таким образом, мы видим, что в Ведах уже с самого начала идея (о Боге) принимает безличный характер. Идеи о наказании и награде слишком материальны и вяжутся только с понятием о человеческом Боге, огромном человеке, который любит одного и не любит другого, совершенно так, как это делаем мы. Наказание и награда совместимы только с существованием такого Бога. Такой Бог признается в Самхитах, и там мы видим понятие о страхе; но, как только мы подходим к Упанишадам, идея страха исчезает, и безличная идея заменяет ее. Но естественно, что во всех странах понять эту идею было в высшей степени трудно. Человек всегда слишком привязан ко всему личному. Великие мыслители, или – по крайней мере – те, кого мир считал такими, возмущаются этой идеей о безличности. Но на мой взгляд это смешно, низко, грубо и, если можно так выразиться, богохульно. Думать, что Бог – человек, допустимо для детей, но не для взрослого, мыслящего человека, будь то мужчина или женщина. Которая идея выше, – идея о живом Боге или о Боге мертвом? О Боге, которого никто не видит, никто не знает, или о Боге известном? От времени до времени, Он посылает в этот мир вестника с мечом в одной руке и проклятием – в другой; и, если вы не уверуете в этого вестника, вы должны погибнуть. Почему тогда Он не придет сам и не скажет, что мы должны делать? Зачем Он продолжает посылать вестников, наказывать и проклинать нас? И однако, эта идея многих удовлетворяет.

Так неразумно наше воображение.

Безличный Бог, наоборот, – Бог живой, которого я вижу перед собой, живой принцип. Различие между личным и безличным в том, что личный – только маленький человек, тогда как безличный – и человек, и животное, и ангел, и, кроме того, нечто большее, чего мы не можем ни видеть, ни представить. Для нас Безличный включает в себе все личное, сумму всех личностей Вселенной,

и бесконечно больше, чем эта сумма. "Как огонь, приходя в мир, проявляется во всех видимых нами формах и, кроме того, в бесконечно большем", так и Безличный.

Нам необходимо поклоняться живому Богу. Я во всю мою жизнь не видел ничего кроме Бога, и вы также. Чтобы видеть стул, вы должны раньше видеть Бога и затем уже в Нем и через Него – стул. Он всегда, день и ночь, перед нами и говорит: "Я есмь". В момент, когда вы говорите: "Я существую", вы познаете существование. Куда вы пойдете искать Бога, если не можете видеть Его собственным сердцем, как живое существо, как человека? "Ты – человек, Ты – женщина, Ты – девочка, Ты – мальчик, Ты – старик, опирающийся на палку. Ты – юноша, идущий в гордом сознании своей силы". Все они – чудный, живой Бог, представляющий собою единственный факт во вселенной. Для многих это покажется ужасным, прямой противоположностью традиционному Богу, обитающему где-то за покрывалом и которого никто никогда не видел. Священники нас уверяют, что мы не увидим Его здесь, но что, если мы будем следовать их указаниям, угождать и поклоняться им, они дадут нам паспорт, с которым, когда умрем, можем увидеть лицо Божие. Вполне ясно, что все идеи о небе – более или менее простые изменения этого бессмысленного обмана духовенства. Идея безличия, конечно, очень разрушительна; она отнимает у духовенства его выгоды, упраздняя все церкви и храмы. В Индии в настоящее время голод, а между тем там есть храмы, из которых в каждом находятся драгоценности, стоящие миллиарды. Если бы жрецы проповедовали народу безличную идею, их ремеслу пришел бы конец. Но мы должны проповедовать ее бескорыстно и без ухищрений жрецов. Вы – Бог и я – тоже. Кто кому повинуется? Кто кому поклоняется? Вы – самый величественный храм Бога, и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу, или Библии. Почему окружающие нас люди так противоречат себе самим? Они говорят; "Мы практичные люди". Прекрасно. Но что более практично, чем молиться здесь, молиться вам? Я вас вижу, чувствую и знаю, что вы Бог. Магометанин говорит, что нет Бога, кроме Аллаха. Веданта говорит, что нет Бога, кроме человека. Вас это может поразить сначала, но мало-помалу вы это поймете. Живой Бог в вас, а вы строите церкви и храмы и верите во всякого рода воображаемую бессмыслицу. Единственный Бог для поклонения – это человеческая душа или человеческое тело. Если это верно, то даже тела животных храмы, человек же – самый высший из них, Тадж Махал. Если я не могу поклоняться ему, не остается ничего, чему можно поклоняться. В тот момент, когда я почувствую Бога, обитающего в храме каждого человеческого тела, когда я остановлюсь с благоговением перед каким-либо из человеческих существ и действительно с уверенностью увижу в нем Бога, в тот момент я освобожусь от рабства, все прочее для меня исчезнет, и я буду свободен.

Это практичное, самое практичное из всех богопочитаний. В нем нет никаких теоретических умозрений, а между тем, если вы скажете о нем большинству людей, они придут в ужас. Они скажут, что оно не верно и станут развивать идеи своих дедов, полученные ими от их прадедов двадцать тысяч лет назад, – о Боге, обитающем где-то на небесах и сказавшем кому-то, что он Бог. С тех пор мы не имели ничего, кроме теорий. По их мнению, это практично, а наши идеи непрактичны. Хорошо, – говорит Веданта, – каждый должен идти своей дорогой, только ваш идеал – поклонение Богу в небесах, и все связанные с ним идеи, не заключая в себе ничего дурного, представляют собою только ступени к истине. Они хороши, и между ними можно встретить удивительные мысли; но

Веданта постоянно говорит: "Друг мой, Тому, Кому ты поклоняешься, как неизвестному, я поклоняюсь в тебе. Тот, Кому ты молишься, как неизвестному, и Кого ты ищешь по всей вселенной, все время был здесь. Ты живешь Им. Он постоянно присутствует во вселенной". "Если существует Тот, Кому поклоняются Веды, и Кто всегда присутствует в вечном Я, то существует и вся вселенная. Он – свет мира. Если б в вас не было Я, вы не видели бы солнца; все для вас было бы темною массой, не существовало бы. Он светит, и вы видите весь мир".

Обыкновенно спрашивают, не ведет ли это учение к ужасной массе дурных последствий? Каждый из нас будет думать: Я Бог, и потому все, что я делаю и думаю, хорошо: Бог не может делать ничего дурного. Во-первых, если даже допустить возможность такого неправильного толкования, то может ли быть доказано, что другое учение не включает в себе такой же опасности? Люди поклоняются богу в небесах, отдельному от них, богу, которого они страшно боятся. Они рождаются, дрожа от страха, и дрожат всю жизнь. Сделался ли от этого мир лучшим? Рассмотрим вопрос с другой стороны. Возьмем тех, кто понимает Бога как личного, и так ему поклоняется, и тех, кто поклоняется Безличному Богу. Между которыми из них было больше великих мировых деятелей, исполинов-работников, могучих нравственных гигантов? Без сомнения, между поклонниками Безличного. Как можете вы ожидать, чтобы под воздействием страха могли развиваться высоконравственные люди? Это невозможно. "Где один видит другого, где один обижает другого, – там *майя*. Когда один не видит другого, когда один не вредит другому, когда все становится Атманом, – кто там кого видит? Кто кого замечает? Там все – Он и в то же время все – Я. Душа становится чиста". Тогда, и только тогда мы понимаем, что значит любовь. Может ли любовь явиться вследствие страха? Ее начало – свобода, и только свобода родит любовь. Когда мы действительно начнем любить мир, только тогда, но не раньше, мы поймем, что значит братство и человечество.

Таким образом, несправедливо говорить, что это учение (о Безличном Боге) поведет ко множеству дурных дел во всем мире, как будто другое учение (о Нем) никогда не вызывало зла, не затопляло мир кровью, не разрывало человечество на части, не вело к сектарианству, – "Мой Бог величайший из богов. Решим это в открытом бою". Таково было следствие дуализма везде, во всем мире. Выйдем же на яркий дневной свет. Сойдем с нашего узкого пути. Как может бесконечная человеческая душа согласиться жить и умереть в маленьком желобке? Здесь целая вселенная света. Все в этой вселенной ваше. Попробуйте протянуть руки и обнять в любви всю вселенную. Если вы когда-нибудь почувствуете желание сделать это, вы почувствуете Бога.

Вы помните то место проповеди Будды, где он посылает мысленно любовь к Югу и Северу, Востоку и Западу, вверх и вниз, пока вся вселенная не наполнилась этой любовью, великой до бесконечности. Испытывать такое чувство – значит, быть настоящей личностью. Вся вселенная станет тогда одною личностью, а мелочи пусть исчезают. Отбросьте ваши маленькие наслаждения, ради бесконечного блаженства. Какая польза наслаждаться ничтожными частицами блаженства? Все, ведь, оно ваше, так как вы должны помнить, что Безличное включает в себе все личное. Таким образом, Бог личен и безличен в одно и то же время. То же и человек. Бесконечный, безличный человек проявляет себя, как лицо. Мы, бесконечные, сократили себя

до размеров маленьких кусочков. Мы ограничили себя собственной кармой. Она, подобно цепи на шее, тянет нас к ограничению. Разбейте эту цепь и будьте свободны. Растопчите закон. Для человеческой природы нет закона, нет предопределения, нет судьбы. Как может быть закон в бесконечности? Ее лозунг – свобода. Свобода ее природа, ее прирожденное право. Сделайтесь только свободными, и вы будете в состоянии принять на себя сколько угодно личностей, какие вам нравятся. Тогда вы будете играть ваши партии, как актер, как король, выходящий на сцену в роли нищего, тогда как настоящий нищий идет по улице. В обоих случаях сцена одна и та же, слова те же; и в то же время какая разница! Один наслаждается своим нищенством, а другой страдает от него. Что же делает эту разницу? – Один свободен, другой раб. Король знает, что его нищенство не действительно, что он сам принял его, взял его только для игры; нищий же думает, что оно неразлучно с ним, и он, хочет или не хочет, должен вести его. Это закон, и он несчастен. Вы и я, – пока не имеем понятия о нашей истинной природе, – такие нищие, поработанные и затолканные всем, кричащие на весь мир о помощи, которая никогда не приходит, старающиеся везде получить ее от несуществующих, воображаемых существ и никогда не получающие. Пока мы думаем: "это время, наверно, скоро наступит", и в то же время плачем, рыдаем и надеемся, вся жизнь оказывается пройденною, а игра все продолжается. Будьте свободны! Не надейтесь ни на что от кого бы то ни было. Я уверен, что если вы оглянетесь назад, на всю свою жизнь, вы увидите, что всегда пытались получить помощь от других, и всегда напрасно; она никогда не приходила. Вся помощь, какую вы получали, вы получали изнутри вас самих. Вы имели только плоды того, что сами делали, хотя, странно сказать, всегда надеялись на постороннюю помощь. Это похоже на гостиную богача. Она всегда полна, но если вы станете наблюдать, то заметите, что тот же состав людей не бывает в ней два раза. Люди всегда надеются что-нибудь получить от этого богача, но никогда не получают. То же делаем и мы: все надеемся и никогда не достигаем цели. Бросьте эту надежду, говорит Веданта, – зачем вам надеяться, когда у вас все уже есть? Вы царь, вы – Я. Чего вы ожидаете? Если царь сходит с ума и идет искать царя в своей стране, он никогда не найдет его, потому что он сам царь. Он может обойти все города и села, обыскать каждый дом, может кричать и плакать, но никогда не найдет царя, потому что все время он сам остается царем. Гораздо лучше для нас знать, что мы – Он, и прекратим навсегда безумные поиски царя. Таким образом, – говорит Веданта, – зная, что мы царь, мы становимся счастливыми и довольными. Отбросьте глупые искания и играйте в этой вселенной, как дети. Вся картина тотчас изменится. Вместо того, чтоб быть вечною тюрьмой, мир станет театром. Из арены конкуренции, он делается странною весною, полною весело летающих бабочек. Тот самый мир, который раньше был адом, теперь Станет небом. В глазах раба, – он место ужасных мучений, в глазах свободного он – только существующий мир. Небо и все подобные места – в нем. Эта жизнь – жизнь мировая. Все возрождения здесь. Все боги, прототипы человека, здесь. Не боги сотворили человека по своему образу, но человек создал богов. И здесь, между нами, есть прототипы, есть Индра с Кармою и все боги вселенной, сидящие вокруг него. Все вы проектировали своих маленьких двойников, оставаясь сами оригиналами, действительными и единственными богами, которым следует поклоняться. Это взгляд Веданты, а его практичность заключается в следующем. Из того, что мы станем свободными, не следует, что мы должны сойти с ума, бросить общество и бежать в леса или пещеры. Мы останемся там, где были раньше, только будем все понимать. Те же явления останутся перед нами, но получают новый смысл. До сих пор вы не знаете мира;

только став свободными, мы увидим его таким, какой он есть, и поймем его внутреннюю природу. Мы увидим тогда, что так называемые закон, судьба, рок составляют только бесконечно малую часть нашей природы. Они – только одна сторона, другая же – всегда свобода. Мы были похожи на преследуемого охотниками зайца, прячущего голову в землю и пытающегося тем спастись от беды.

Мы, вследствие заблуждения, старались забыть свою природу, но никак не могли забыть ее, так как она всегда напоминала о себе. Все наши искания Бога, богов, или внешней свободы, были призывами нашей собственной природы. Мы только не разбирали, откуда исходил голос. Мы думали, что он исходит из огня, от Бога, от солнца, луны, звезд, но, наконец, нашли, что он все время раздавался изнутри нас. Там есть вечный голос, говорящий нам о вечной свободе. Его музыка звучит вечно. Часть этой музыки души стала землей, законом, вселенною, но она всегда была и всегда будет наша. Одним словом, идеал Веданты, состоит в поклонении человеку здесь (на земле), и она говорит, что если вы не можете поклоняться вашему брату – человеку, проявленному Богу, ваше поклонение кому бы то ни было другому, и где бы то ни было, не будет заслуживать никакого доверия.

Разве вы не помните слов Христианской библии: "Если вы не можете любить вашего брата, которого видите, как можете любить Бога, Которого не видели?" Если вы не можете видеть Бога в божественном лице человека, как можете видеть Его в облаках, или чем-либо темном или мертвом, или в воображаемых пустых выдумках вашего собственного мозга? Я назову вас религиозными с того дня, когда вы увидите Бога в мужчинах и женщинах, и поймете, что значит подставить левую щеку человеку, ударившему вас в правую.

Когда вы будете видеть Бога в человеке, все, даже тигр, станет для вас желанным гостем. Все, что придет к вам, будет Богом в разных формах, Вечным, Единым, Блаженным, нашим отцом, матерью, другом, нашей собственной душой, играющей с нами.

Есть идеал более высокий, чем называть Бога Отцом. Это звать его Матерью. Но есть еще более высокий идеал, называть Его Другом. Еще выше – Возлюбленный. Самый же высший – не видеть разницы между любящим и любимым. Вы, вероятно, помните старый Персидский рассказ, как один любовник пришел к своей возлюбленной. Он постучал в дверь и, когда на вопрос: "Кто там?" отвечал – "я", дверь не открылась. Он пришел второй раз, и повторилось то же самое. В третий раз, на вопрос: "Кто там?" он ответил: "это ты, моя любовь", и дверь была открыта. То же бывает между Богом и нами. "Ты во всем, Ты все. Каждый мужчина и каждая женщина – Ты, Ты осязаемый, Блаженный, живой и единый Бог. Кто говорит, что Ты неизвестен? Кто говорит, что Тебя надо искать? Мы нашли Тебя от вечности. Мы от века родились в Тебе. Везде Ты вечно, вечно известен, вечно поклоняем".

Дальнейшая идея (Веданты) заключается в том, что другие формы богопочитания не представляют собою заблуждения. Одно из важных положений, которого никогда не следует забывать, то, что поклонение Богу совершением обрядов и церемоний, какими бы грубыми они нам ни казались, не заблуждение. Оно путь от одной истины к другой, от более низкой к более высокой. Темнота есть меньший свет, зло – меньшее добро, порочность –

меньшая чистота. Это, таким образом, взгляд, что мы должны относиться к другим с любовью и симпатией, зная, что они идут той же дорогой, которую мы протоптали. Если вы свободны, то вы должны видеть, что все они поднимаются, чтоб рано или поздно также быть свободными, и если вы свободны действительно, как вы можете продолжать видеть преходящее? Если вы действительно чисты, как вы можете видеть нечистое? Так как то, что внутри, то и снаружи. Мы не можем видеть нечистоту, если не имеем ее сами. Это один из практических выводов Веданты, и я надеюсь, что все мы постараемся провести его в нашу жизнь. Вся жизнь нам дана для того, чтобы это было осуществлено на практике. При этом мы получим чрезвычайно важный результат; мы будем трудиться, после того, с чувством удовлетворения и довольства, вместо неудовлетворенности и недовольства, так как будем знать, что все в нас, все принадлежит нам, что это наше природное право, и нам остается только проявлять его, сделать его ощутимым и деятельным.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Часть III

В том же Чандогья Упанишаде мы читаем, что мудрец, по имени Нарада, пришел к другому мудрецу, Санаткумара, и предложил ему несколько вопросов. Между прочим, он спросил, объясняет ли религия вещи, как они есть. И Санаткумара отвечал ему: "Есть нечто высшее, чем земля, нечто высшее, чем это высшее земли и т.д.", пока не дошел до Акаши, Эфира. "Эфир", продолжал он, – "выше, чем свет, потому что в эфире находится солнце, луна, молния и звезды; в эфире мы слышим, в эфире живем и в эфире умираем". На вопрос, есть ли что еще высшее, он указал на Прану. Прана, согласно Веданте, есть жизненный принцип. Она, подобно эфиру, – везде находящееся начало, и всякое движение, происходящее в теле, или где бы то ни было, производится праной. Прана важнее и более могущественна, чем акаша. Праной все живет. Прана есть в матери, в отце, в учителе: она сознает себя самою.

А вот другое место, где мальчик спрашивает отца об истине, и отец между прочим говорит: "Все сделано из того, что составляет тонкую причину всех вещей. Эта причина – все, она – истина, она – ты, о Шветакету!" А затем поясняет разными примерами: "Как пчела, о Шветакету, собирает мед с разных цветов, и мед не знает, что он произведен разными деревьями и цветами, так и все мы, происходя из того Существа, забыли об этом. О, Шветакету, ты – Тот!" Он приводит еще пример рек, текущих в океан. "Они не знают, что много раз поднимались вверх (в виде пара); так же и мы, выходим из того Существа и не знаем, что были Им. О, Шветакету, ты Тот!"

Есть два способа приобретать знание. Один состоит в заключении об общем по частному, и другой – в исследовании, насколько возможно, собственной природы того, что ищем. Рассматривая первый способ, мы видим, что знание состоит в классификации, поднимающейся все выше и выше. Если что-нибудь происходит спорадически, мы неудовлетворены. Если же оказывается, что то же самое постоянно повторяется, мы довольны и называем это законом. Когда мы видим, что один камень падает, нас это не удовлетворяет; но, замечая, что все камни или яблоки падают, называем это законом притяжения и довольны; из частного мы делаем общий вывод.

Тот же научный процесс следует применять и при изучении религии. Он и здесь оказывается удобным, и всегда применялся. В книгах, отрывки которых я переводил вам, самая первая идея, которую я мог проследить, это переход от частного к общему. Мы видим, как "светлые существа" сливаются друг с другом и переходят в принцип и как идеи о космосе становятся все выше и выше, как элементы становятся все более и более тонкими и простыми, и из материи обращаются во всеобъемлющую силу, или прану. И через все это проходит один принцип, что одно неотделимо от всего остального. Всё в этом космосе – тот же самый эфир, который находится и в высших формах; в нем высшая форма праны как бы сгустилась и стала сначала эфиром, а потом еще более грубыми формами. Обобщение Личного Бога представляет другой вид того же процесса. Мы видели, как получилось такое обобщение, названное суммой всех сознаний. Но это еще не полное обобщение. Мы взяли только одну сторону явлений природы, сознание, обобщили его и наше обобщение приняло форму Личного Бога, все же остальное в природе осталось в стороне. Таким образом, это обобщение прежде всего неполное. Затем в нем есть и другой недостаток, являющийся следствием второго принципа. Все должно объясняться также своей собственной природой. Могут быть люди, думающие, что каждый упавший на землю камень брошен вниз каким-нибудь духом, но наука объясняет его падение законом тяжести, и хотя это и несовершенное объяснение, но оно гораздо лучшего первого, потому что первое предполагает некоторую постороннюю причину, тогда как это основано только на природе самого камня. Подобным же образом, во всех областях нашего знания объяснение, вытекающее из природы самой вещи, рассматривается как научное, объяснение же, не имеющее никакой связи с рассматриваемым предметом, считается ненаучным.

Отсюда следует, что определение Личного Бога, как создателя вселенной, должно основываться на том же научном доказательстве. Если Бог вне природы, не имеет с нею ничего общего, а эта природа создана Им из ничего, то такая теория, очевидно, очень ненаучна; и в этом слабая сторона всякой теистической теории. Эти два недостатка мы находим в так называемой теории монотеизма, теории о Личном Боге, имеющем все свойства человеческого существа, хотя и значительно усиленные, и Который своею волею создал вселенную из ничего и все-таки остается отдельным от нее. Это ведет к двум затруднениям.

Во-первых, мы видим, что понятие о Боге не достаточно обобщено и, во-вторых, оно не объясняется натурою природы. Оно принимает, что следствие не то, что причина, что причина нечто совершенно отдельное от следствия, между тем, как все человеческое знание показывает, что следствие есть та же причина, только в другой форме. Это подтверждается каждый день открытиями новейшей науки, и основание последней теории развития заключается в том, что следствие представляет собою приспособленную к новым условиям причину, являющуюся, таким образом, в новой форме. Идея создания из ничего способна возбудить смех в современных ученых.

Может ли религия подтвердить свои учения такими научными доказательствами? Если бы какие-нибудь религиозные теории могли это сделать, они были бы приняты современными мыслящими умами; всякую другую теорию, которой мы стараемся верить, уважая авторитет духовенства, церковей или книг, современный человек не может принять, и в результате

получается такое огромное число неверующих. Даже в сердцах тех, кто делает вид, что верит, огромная масса неверия. Остальные совсем отрекаются от религии, отступают от нее, не хотят иметь с нею дела, смотрят на нее, как на выдумку духовенства.

Религия теперь превратилась в род национализма. Она, говорим мы, одно из самых драгоценных наших общественных наследий, и потому должна остаться. Но действительной необходимости, какую чувствовали деда современного человека, в ней больше не ощущается; человек находит ее теперь неудовлетворяющею его ум. Идея о личном Боге и о создании, известная в различных религиях, как монотеизм, не может дольше держаться. В Индии она не устояла перед Буддистами, которые в древние времена одержали победу именно в этом пункте. Они показали, что, если природа одарена почти бесконечной силой и может удовлетворять свои собственные потребности, то совершенно бесполезно настаивать на том, что должно быть еще что-то, кроме природы. Даже душа, по их мнению, не необходима. Это старое суеверие, идея о субстанции и качествах, оспаривалось еще в древности, но и теперь вы ее иногда еще встретите,

Большинство из вас, конечно, читали, что в Средние Века, а я, к сожалению, должен сказать, что и позже, одним из предметов споров был вопрос, составляют ли качества принадлежность субстанции, или, наоборот, субстанция результат качеств, – длина, ширина и толщина представляют ли дополнение субстанции, и, если эти качества исчезают, то субстанция остается или нет? Тут приходит Буддист и говорит, что нет никакого основания признавать существование субстанции; существуют только качества. Кроме них, вы ничего не видите. Совершенно того же взгляда держатся и наши новейшие агностики. Этот спор, относительно существования субстанции и качеств, перенесенный в высший план, обращается в спор относительно ноуменов и феноменов. Существует этот феноменальный мир, постоянно изменяющаяся вселенная: но, существует также нечто другое, неменяющееся. Одни эту двойственность существования ноуменов и феноменов признают верной, другие же, с большим основанием, находят, что вы не имеете никакого права принимать оба, так как все, что мы видим, чувствуем, мыслим, – только феномены. Вы не имеете права считать, что есть что-нибудь кроме феноменов, и на это возразить нечего. Единственный возможный ответ на это дает Веданта. Она говорит: "Верно, что существует только Одно, и что это Одно должно быть или феномен, или ноумен. Не верно, что существует два, одно изменяющееся, и в нем нечто неизменное, но скорее это одна и та же вещь, кающаяся изменяющеюся, но в действительности неизменная".

Переходя к конкретному и философскому заключению, мы начинаем думать, что тело, ум и душа – отдельные вещи; но в действительности здесь только одно, обнаруживающееся во всех этих различных формах. Возьмем хорошо известный пример веревки и змеи, приводимый монистами, как иллюстрация. Некоторые, в темноте или по какой-нибудь другой причине, принимают ошибочно веревку за змею. Но когда узнают, что это такое, змея исчезает, и остается веревка. Из этого примера видим, что когда в уме присутствует змея, веревка исчезает, а когда присутствует веревка, исчезает змея. Когда мы видим феномен и только феномен, ноумен исчезает; но когда видим ноумен, т.е. неизменное, естественным следствием бывает то, что феномен исчезает. Теперь мы лучше понимаем положение реалиста и идеалиста. Реалист смотрит

только на феномен, а идеалист старается смотреть на ноумен. Для идеалиста, настоящего идеалиста, который действительно достиг такой способности восприятия, что может устранить от изменяемого, для него изменяющаяся вселенная исчезает, и он имеет право говорить: все это заблуждение; никакого изменения нет. Реалист в то же время смотрит на изменяемое. Для него исчезает неизменяемое, и он, в свою очередь, прав, говоря, что все, что он видит, реально.

Какой же вывод из этой философии? – Тот, что личная идея о Боге недостаточна; мы должны подняться несколько выше, к безличной идее. Не для того, чтоб разрушить личную идею, не для того, чтобы привести доказательство, что Личный Бог не существует, но просто потому, что это единственный логический нуль, который мы можем избрать. На том же основании мы говорим, что человек есть личное безличное существо. Мы безличны и в то же время личны. Таким образом, наша древняя идея о Боге должна быть отставлена; она представляет собою повторение на высшем плане идеи о человеке. Для объяснения личного, мы должны, наконец, перейти к безличному, так как безличное – гораздо высшее обобщение, чем личное. Бесконечное может быть только безличным; личное может быть только ограниченным. Поднимаясь к безличному, мы на самом деле сохраняем личное, а не разрушаем его. Много раз высказывалось мнение, что если мы придем к понятию о Безличном Боге, Личный Бог будет устранен; если придем к понятию о безличном человеке, личный утратится. Но правильная идея об этом та, что это не разрушение индивидуальности, но действительное сохранение. Мы не можем доказать существование индивидуального никаким другим способом, как только ссылкой на общее, показав, что это индивидуальное составляет часть того общего. Если мы думаем об индивидуальном, как об особом от всего прочего во вселенной, оно не устоит ни одного мгновения, потому что такая вещь никогда не существовала.

Применяя второй принцип, что объяснение всего должно вытекать из самой природы вещей, мы становимся лицом к лицу с еще более смелой и более трудной для понимания идеей, что Безличный Бог, самое высшее обобщение, находится в нас самих, и что мы – Он. "Ты – Тот, о Шветакету! Ты то безличное Существо, тот Бог, Которого ты искал по всей вселенной и Который все время был ты сам". Здесь следует заметить, что "ты сам" надо понимать не в личном смысле, а в безличном. Мы знаем теперь человека проявленного, олицетворенного, но сущность его безлична. Чтобы понять личное, мы всегда должны относить его к безличному; частное должно быть сравниваемо с общим, и то общее, то безличное есть Истина – Я человека; к этому же, олицетворенному, проявленному, не следует относиться, как к тому, истинному.

В связи с этим могут возникнуть разные вопросы, и я дальше постараюсь ответить на них; но прежде необходимо составить себе ясное представление о тезисе монизма, заключающемся в том, что видимая нами вселенная есть все, что существует, и нам нечего искать вне ее. В ней все, как грубое, так и тонкое, в ней следствие и причина, и объяснение. То, что известно как частное, – только повторение в малом в виде общего. Нашу идею о вселенной мы получили, изучая наши собственные души, и что верно относительно души, то считается верным и относительно внешней природы. Небо и все подобные места, если они существуют, находятся во вселенной и, сведенные вместе, все дают Одно. Все маленькие частицы образовались из одного целого, и каждая

из них, как и каждый из нас, составляет часть этого целого. Как проявленные существа, мы кажемся отдельными, но наша сущность заключается в Одном, и чем меньше мы думаем о себе, как о *wei-to* отдельном от этой Единицы, тем лучше для нас, а чем больше думаем о себе, как об отдельном от общего целого, тем более становимся несчастными. Из этого положения мы выводим правила монистической этики; и я осмеливаюсь сказать, что ниоткуда больше правил нравственности мы получить не можем. Мы знаем, что самое древнее понятие о нравственности представлялось волею некоего особого существа, или существ; но в настоящее время немногие принимают такое определение нравственности, так как оно только частичное обобщение. Индус говорит, что мы не должны делать того или другого, потому что так сказано в Ведах; Христианин не соглашается признавать авторитет Вед и говорит, что не следует делать того и этого потому, что так написано в Библии. Но это не обязательно для тех, кто не верит в Библию. Нам нужна теория, достаточно широкая, чтобы она могла вместить в себе все эти разные основания.

Существуют миллионы людей, готовых верить в Личного Бога Создателя: но есть также тысячи самых светлых умов, для которых такая теория оказывается неудовлетворительной и которые нуждаются в чем-то более высоком. И, если религия не достаточно широка, чтобы включить и их, самые высшие умы общества останутся вне организованной веры. Это никогда не было так заметно, как в настоящее время, особенно в Европе.

Чтобы включить их, религия должна быть достаточно широка. Все, что она утверждает, должно быть обсуждаемо с точки зрения разума. Почему религии могут заявлять претензию, что только они не обязаны подчиняться основным требованиям разума, этого никто не знает. Общее соглашение – это ложный довод. Если вы не признаете указаний разума, не может быть никакого суждения, даже в вопросах религии. Религия может предписывать самые гнусные поступки. Например, магометанская религия разрешает убивать всех не-магометан. В Коране ясно сказано: "убивай неверных", и если они не делаются магометанами, их следует предавать огню и мечу. Если вы скажете магометанину, что это нехорошо, он, естественно, может спросить: "Откуда вы это знаете? Откуда вы знаете, что это нехорошо? Все ваши понятия о добре и зле получены вами из ваших книг, а моя книга говорит, что это хорошо". Если вы скажете, что ваша книга древнее, придет Буддист и скажет: "а моя еще древнее"; а затем явится Индус и сошлется на свои книги, самые древние из всех. Таким образом, ссылки на книги не приводят ни к чему. Где мерило для сравнения? Вы укажете на Нагорную Проповедь, а магометанин обратит ваше внимание на этику Корана. Кто, – скажет он, – может быть арбитром для решения вопроса, которая из двух лучше. Ни Евангелие, ни Коран не могут быть арбитрами в споре между нами самими. Нужно независимое лицо, и им может быть не книга, но нечто универсальное. А что же универсальнее разума? Было говорено, что разум недостаточно силен, не может всегда помочь нам найти истину, что он часто вводит в заблуждение; и, как вывод из этого, делали заключение, что мы должны верить авторитету церкви. Это говорили римокатолики; но я не вижу у них логики. Я, с своей стороны, могу сказать: "Если разум так слаб, то духовенство еще слабее, и я не желаю слушать его, но лучше буду слушать разум, потому что, при всей его слабости, от него я имею некоторый шанс узнать истину, тогда как, слушая другую сторону, не достигну решительно никакой. Поэтому мы должны следовать указаниям разума и симпатизировать даже тем, кто, следуя им, не приходит ни к какой вере. Лучше

для человечества следовать указаниям разума и быть атеистами, чем быть последователем какого-нибудь человека и верить в двести миллионов богов". Мы нуждаемся в прогрессе, развитии, опытном знании. Никакие теории не возвысят людей. Никакое количество книг не сделает их более чистыми. Единственная возможность этого в нас самих, в опытном познании, а оно является результатом размышления. Дайте человеку думать. Человек совсем неразвитой никогда не думает, и можно поручиться, что он верит всему; но, ведь, он не больше, как ком земли. Корову, собаку тоже можно заставить чему-нибудь поверить. Но все они и остаются собаками, коровами и глыбами земли. Величие же человека в том и заключается, что он мыслящее существо. Он только тем и отличается от животных, что должен думать. Поэтому я верю разуму и следую его указаниям. Я видел достаточно зла от подчинения авторитетам, так как родился в стране, где авторитет достиг самых крайних пределов...

Индусы думают, что создание произведено их книгами. "Почему вы знаете, что существует корова?" – "Потому, что слово "корова" есть в Ведах". – "Почему вы знаете, что есть человек?" – "Потому, что слово "человек" есть там же. Если бы его там не было, то не было бы и никакого человека". Вот что они говорят. Ужасный авторитет! Его не исследовали, как я теперь исследую; но несколько сильных умов приняли его, создали на нем чрезвычайно логичные теории и построили целую философскую систему. Тысячи самых светлых умов посвящали себя затем, в течение тысяч лет, разработке этой теории. Такова сила авторитета, и так велика опасность от него! Достоинство монистической теории в том, что она более, чем что-нибудь в теологии, приближается к истине, которую можно доказать. Идея о Безличном, о Безличном Существо в природе, и о природе эволюции этого Бесконечного ближе всего к тому, истину чего мы можем доказать; другие же идеи и понятия о Боге – частичные, незначительные и личные, – не основаны на опыте и разуме. Это разумное понятие о Боге имеет еще то достоинство, что доказывает необходимость для многих умов в известных нам частичных понятиях, служа таким образом единственным аргументом в их пользу. Вы можете встретить людей, говорящих, что личное объяснение неразумно, но утешительно, что они нуждаются в религии, которая утешала бы их: и мы понимаем, что она им необходима. Очень немногие в этой жизни в состоянии выносить яркий свет истины; гораздо меньшее число может вырабатывать ее. Поэтому необходимо, чтоб были утешающие религии: они помогают многим душам становиться со временем лучшими. Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью. Их понятия и даже идеи о маленьких богах, символах и идеалах, очень хороши и полезны для них, но, чтобы они могли быть такими, мы должны познать Безличного, и только в Нем и через Него это достижимо.

Человек, например, понимающий Безличное и верящий в него, пусть это будет Джон Стюарт Милль, – говорит, что Личный Бог невозможен и Его существование нельзя доказать. Я согласен с ним, что доказать нельзя; но понятие о Безличном есть самое высшее, чего может достичь человеческий разум, а сколько другого, кроме разных толкований Абсолютного, составляют вселенную? Она лежит перед нами, как книга, и каждый вносит свой собственный разум при чтении этой книги; каждый читает ее по-своему. В умах всех людей есть нечто сходное, и потому некоторые вещи общи для умов всего человечества. То, что вы и я видим этот стул, доказывает, что в наших умах

есть нечто общее. Предположим, что сюда пришло другое существо с отличными от наших чувствами; оно могло бы совсем не видеть стула, но все существа, так же устроенные, как мы, увидят то же, что видим мы. Таким образом, сама вселенная абсолютна, неизменна, – она ноумен, а феномен – ее толкование. Вы видите, прежде всего, что феномен всегда конечен. Всякий феномен, который мы можем видеть, чувствовать, или мыслить, непременно конечен, ограничен нашим знанием: и идея о Личном Боге, как мы понимаем ее, тоже феномен. – Идея о причинности принадлежит к феноменальному миру, и Он, как причина вселенной, должен естественно быть мыслим как ограниченный, а между тем Он – тот же самый Безличный Бог. Сама вселенная, как мы ее видим, есть Безличный Бог, угадываемый в ней нашими умами. Все, что действительно существует во вселенной, – это Безличное Существо, формы же и понятия придаются ему нашими умами. Действительное в этом столе есть то Существо, а форма стола и все подобные вещи приданы ему сходными между собою умами людей.

О движении, например, – которое необходимо явление феноменальное, – нельзя говорить, что оно всеобщее. Каждая маленькая частица, каждый атом этого космоса постоянно изменяется и движется: но вселенная, как целое, неизменна, потому что движение и изменение – вещи относительные. Мы можем мыслить что-нибудь движущимся, только сравнивая с чем-нибудь неподвижным. Чтобы движение было возможно, необходимо, чтоб было два предмета, а так как вся масса вселенной – единица, то двигаться она не может. Относительно чего она двигалась бы? Нельзя говорить, что она и изменяется. Сравнительно с чем она изменилась бы? Таким образом, целое абсолютно не движется и не изменяется, но внутри него каждая частица находится постоянно в состоянии движения и изменения; каждая частица в одно и то же время изменяема и неизменяема, лична и безлична. Это – наше понятие о вселенной, движении и Боге, и это то, что разумеется под словами: "Ты – Тот". Олицетворенный человек забывает свое происхождение, подобно воде, поднимающейся из океана, забывающей откуда она произошла и думающей, что всегда была отдельна от него. Так и мы, как личные, разделенные существа, забываем свою истинную природу; и монизм учит нас, что мы должны отвергнуть эти разделения и прежде всего понять, что мы такое. Мы – то Бесконечное Существо, та самая Душа, похожи на воду, исходящую из океана, получившую в нем свое бытие и составляющую, в действительности, одно с океаном, потому что бесконечная масса существующей энергии вся принадлежит вам и мне, так как вы и я, и всякое существо представляем собою множество каналов и путей, чрез которые проявляется бесконечная действительность. Вся масса изменений, которую мы называем эволюцией – в действительности не что иное как душа, проявляющая эту бесконечную энергию, и мы не можем остановиться нигде по сю сторону бесконечного. Мы обладаем бесконечной силой, существованием и блаженством; и они не приобретаются нами, но составляют наше предвечное достояние, которое мы должны только проявить.

Эта великая идея вытекает из монизма и одна из весьма трудных для понимания. Я знаю по личному опыту, что с самого моего детства все меня окружающие проповедовали слабость: с самого моего рождения говорили, что я слабое существо. Поэтому мне теперь очень трудно понять мою силу. Но путем анализа и рассуждения я пришел к заключению, что должен узнать мои силы и способности, и это мною сделано. Откуда получается все знание, какое

есть в этом мире? – Оно в нас. Покажите мне хотя крупицу знания вне нас. В материи его нет; оно только в человеке. Никто никогда не создавал знания; его только открывали, приносили изнутри. Оно там. Огромный баньян, покрывающий собою мили почвы, был прежде в маленьком семечке, в котором и заключалась вся масса энергии баньяна. Самый гигантский ум, какой только мы знаем, мог лежать свернутым в клетке протоплазмы; почему же там не могла быть и бесконечная энергия? Мы знаем, что это так. Это может казаться парадоксом, но это верно. Все мы произошли от клетки протоплазмы, и все маленькие силы, какие у нас есть, были свернутыми там, Вы не можете сказать, что они добыты из пищи, потому что, какую бы высокую гору вы ни нагромодили из пищи, никакой силы из нее не выйдет. Энергия была в клетке, в потенциальном состоянии, но все же была, также как и бесконечная Сила в душе человека, хотя бы он и никогда не знал о ней, Вопрос только в том, чтобы сознать ее. Этот бесконечный гигант как бы медленно поднимается, просыпается и начинает сознавать свою силу; и по мере того, как он сознает ее, его оковы ломаются, цепи с треском распадаются, и наступает день, когда бесконечное сознание возвращается к нему, и он встает во весь свой гигантский рост, полный силы и мудрости. Будем же все помогать наступлению этого дня.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Часть IV

До сих пор мы рассматривали, главным образом, понятия общие, мировые; сегодня я постараюсь познакомить вас с идеями Веданты об отношении к этим понятиям понятий частных. Мы уже видели, что в более ранних дуалистических формах учений Вед встречается подробное описание личной души, особой для каждого существа. Много теорий создано относительно этой души, отдельной для каждого индивидуума; но главный спор происходил между древними буддистами и ведантистами, из которых последние верили в существование такой самостоятельной души, первые же решительно это отвергали. Подобный же спор, как я упоминал вам раньше, был в Европе относительно субстанции и свойств; одна сторона находила, что позади различаемых нами свойств есть нечто, существующее от них независимо, называемое субстанцией, относительно которой свойство есть нечто придаточное; другая – отрицала существование такой субстанции как совершенно ненужной, так как свойства могут быть предполагаемы сами по себе. Наиболее древняя идея о душе основана, без сомнения, на самоощущении, на том, что я вчера был тем же, что сегодня, и сегодня я такой же, каким буду завтра; что, несмотря на все изменения, какие могут произойти в моем теле, я все-таки верю, что я тот же самый. Это, по-видимому, главный аргумент у тех, кто верит в ограниченную, но тем не менее совершенно цельную индивидуальную душу.

Древние Буддисты отвергают необходимость такого допущения. Они выставляют аргумент, что все, что мы знаем, и все, что можем знать, – это изменения. Допущение не изменяющейся и не могущей изменяться субстанции излишне; и затем, говорят они, если бы даже действительно существовало такое неизменное основание, мы никогда не были бы в состоянии ни познать его, в каком бы то ни было смысле слова, ни составить о нем какое-либо понятие. То же разногласие вы найдете в настоящее время в Европе, между верующими и идеалистами, с одной стороны, и новейшими позитивистами и

агностиками – с другой. Одни представителем которых был Герберт Спенсер – верят, что есть нечто не изменяющееся, что мы схватываем как бы проблеск чего-то неизменного. Другие – новейшие последователи Конта и агностики – не признают этого. Те из вас, кто интересовался несколько лет назад полемикой между Гаррисоном и Гербертом Спенсером, могли видеть то же самое старое разногласие: одна партия стоит за субстанцию позади изменяющегося; другая отвергает необходимость такого допущения. Одни говорят, что мы не можем представить себе изменения, не представляя в то же время чего-нибудь не изменяющегося; другие утверждают, что последнее совсем не нужно; что мы способны понимать только изменяющееся, не изменяющегося же не можем ни знать, ни чувствовать.

Этот важный вопрос не был разрешен в самые древние времена в Индии, потому что, как мы видели, допущение субстанции, стоящей позади свойств, но которая не есть свойства, никогда нельзя было доказать; да не могло быть доказано и то, что Я – нечто постоянное, ни на основании памяти, ни тождественностью Я, т.е., что Я – тот же, что был вчера, потому что я помню, чем я тогда был. Другие, обыкновенно выставляемые, софизмы – простое заблуждение. Например, кто-нибудь может взять ряд фраз, вроде: "Я делаю", "Я иду", "Я сплю", "Я двигаю" и т.д. и утверждать, что делание, ходьба, сон и т.д. суть изменения, но я остается не изменяющимся и, как таковое, есть нечто постоянное, само по себе индивидуальное; все же изменения происходят только с телом. Такое заключение, хотя по-видимому очень убедительное и ясное, основано просто на игре слов. Я и делание, ходьба, сон могут быть отдельными на бумаге, но никто не разделит их в своем уме.

Когда я думаю о себе, как об идущем, или работающем, я не отделяю себя в представлении от ходьбы или работы: я и мои действия сливаются, а не составляют разных вещей. Таким образом, этот аргумент не особенно строг. Другой аргумент память, также не убедителен. Если тождество моей личности я основываю на памяти, то ведь, выйдет, что когда я делал что-нибудь забытое мною, то это был уже не я. А мы знаем, что при известных условиях многие забывают все свое прошлое: в случаях же сумасшествия, человек часто считает себя каким-нибудь животным, или даже стеклянную вещь. Если бы существование такого человека зависело от памяти, то, значит, он был животным или стеклом. Но так как это неверно, то, очевидно, мы не можем строить тождество своей личности на таком шатком аргументе, как память. К какому же заключению остается придти? – К тому, что тождество души, отдельной, но полной и сплошной, нельзя установить независимо от свойств, нельзя признавать ограниченного существования, к которому лишь придан пучок свойств.

Мнение древних Буддистов, что мы не знаем и не можем знать ничего позади видимых свойств, кажется основательнее. Согласно ему, душа есть совокупность свойств, называемых ощущениями и чувствами. Сумма этих свойств и есть то, что называют душою, и она постоянно меняется. Теория Адвайты о душе примиряет обе стороны.

Положение адвайтистов состоит в том, что мы не можем мыслить субстанцию отдельно от свойств, не можем также мыслить в одно и то же время изменение и не-изменение. Субстанция и качества не две разные вещи: но то, что мы называем субстанцией, есть в то же время и то, что называется качеством.

Неизменяемая субстанция вселенной то же, что и наша изменяемая вселенная. Неизменяемое лишь кажется изменяемым. Ноумен не нечто отличное от феномена; но он стал только феноменом. Есть душа, которая не изменяется, а то, что мы называем чувствами, восприятиями и даже телом, все это – та же самая душа, и мы воспринимаем только одно. Мы привыкли думать, что имеем тела, души и т.д.; но в действительности у нас есть только одно. Когда я думаю о себе, как о теле, я только тело; а когда думаю о себе, как о душе, тело исчезает, и восприятия тела не остаются. Никто не может воспринимать свое Я без того, чтобы восприятие тела не исчезло; никто не может достичь восприятия субстанции, без исчезновения восприятия свойств.

Старый пример Адвайты, – веревка, принимаемая за змею, может быть приведен и здесь, для лучшего уяснения нашей мысли. Когда человек считает веревку змеей, веревка для него не существует, а когда узнает, что это веревка, змея исчезает, и остается веревка.

Наши идеи о двойном и тройном существовании получались путем анализа, а затем были записаны в книги, и мы читали или слушали о них до тех пор, пока в нас не укоренилось заблуждение, что мы имеем двойное восприятие, души и тела. На самом деле, его никогда не было. Воспринимать в данное время можно или душу, или тело. Это не требует дальнейших доказательств, и вы сами можете это проверить на себе.

Попробуйте думать о себе, как о душе, как о чем-то, не имеющем тела. Вы увидите, что это почти невозможно; но те немногие, которым это удастся, знают, что в то время, когда их я представляется им как душа, у них не бывает никакой идеи о теле. Вы, может быть, встречали людей, находившихся под влиянием гипноза или, вследствие истерии, в особенном состоянии сознания. Из их рассказов о том, что они испытывали, вы могли видеть, что в то время, когда они воспринимали что-нибудь внутреннее, внешнее для них исчезало. Это показывает, что все, что существует, одно; что одно проявляется в разных формах и что отношение всех этих различных форм друг к Другу то же, что между причиной и следствием. Отношение между причиной и следствием то, что причина становится следствием, следствие причиной и т.д. Причина как бы исчезает, и на ее месте остается следствие. Если душа – причина тела, то душа как бы исчезает на некоторое время, и остается тело, а когда тело исчезает остается душа. Эта теория давала бы буддистам удобные аргументы против допущения дуалистами тела и души, так как она опровергает положение дуализма, показывая, что субстанция и качество – одно и то же, принимающее только различные формы.

Мы видели также, что идея о неизменяемости может относиться только к целому, но никоим образом не к части. Понятие о части вытекает из понятия об изменении и движении. Что-нибудь ограниченное мы можем понимать и знать потому, что оно изменяемо; целое же должно быть неизменяемо, потому что кроме него нет ничего другого, а изменение может быть только по отношению к чему-нибудь, что сравнительно постоянно, или неизменно.

Итак, согласно Адвайте, идея о мировой душе, – всеобщей, неизменяемой и бессмертной, – может быть вполне доказана. Затруднение может быть только относительно частной (души). Что же остается от старых дуалистических теорий, через которые все мы должны были пройти и которые имели над нами

такую власть, – от теорий о маленьких отдельных индивидуальных душах? Мы знаем теперь, что мы бессмертны в целом, но беда в том, что нам хотелось бы быть бессмертными в отдельности. Мы видели, что мы бесконечны и что в именно этом и состоит наша индивидуальность. Но мы так сильно желаем сделать индивидуальными наши маленькие души. Чем же они становятся, когда ежедневный опыт нам показывает, что эти маленькие души индивидуальны, но с оговоркой, что они индивидуальности постоянно растущие. Они те же и не те же. Вчерашний я тот же, что и сегодняшней я, и в то же время не тот; в нем что-то изменилось. Освобождаясь от дуалистического понятия, что среди всех этих изменений проходит нить тождества, и принимая самые новейшие понятия, например, понятия об эволюции, мы находим, что наше тождество, – то, что мы считаем неизменным, – постоянно увеличивается.

Если верно, что человек представляет собою эволюцию моллюска, то индивидуальность моллюска должна быть та же, что и индивидуальность человека, только она стала значительно больше. От моллюска до человека было постоянное увеличение до состояния бесконечности. Поэтому отдельная душа может быть названа индивидуальностью, постоянно развертывающейся в направлении к бесконечности. Совершенной индивидуальностью она станет только тогда, когда сделается бесконечной; по эту же сторону бесконечности она индивидуальность постоянно изменяющаяся, растущая.

Адваистические системы Веданты имеют особенное стремление согласоваться с предыдущими системами. В них проводится та же идея, которую в новейшее время вы называете теорией эволюции, т.е., что все мало-помалу растет. При таком взгляде не трудно примирить все предыдущие системы, не отвергая ни одной из их идей. Ошибка Буддистов заключалась в том, что они не имели понятия об этом постоянно увеличивающемся росте, и потому никогда даже не пытались примирить с идеалом предшествовавшие шаги. Они просто отбрасывали их, как бесполезные и даже вредные. Вы увидите, что такая склонность в деле религии в высшей степени опасна. Человек приходит к новой лучшей идее и, оглядываясь на все те, что отбросил, сразу решает, что они были не нужны и вредны. Он никогда не подумает, что как бы они ни казались теперь, с современной точки зрения, незрелыми и грубыми, когда-то они были очень полезны и даже необходимы ему, для достижения его настоящего состояния, и что каждый из нас должен расти подобным же образом, жить с такими идеями, извлекать из них возможную для себя пользу и с помощью их достигать высшего состояния. Поэтому Адвайтист смотрит благосклонно на самые старые теории, на дуализм и все ему предшествовавшее. Он относится к ним не в покровительственном тоне, но с убеждением, что все они были верны, все представляли собой проявления одной и той же истины и все должны придти к тому же заключению, к какому пришла и сама Адвайта.

Все эти ступени, по которым прошло человечество, должны сохраняться со словами благословения, а не проклятия. Поэтому дуалистические системы сохранены нетронутыми в Веданте и никогда ею не отталкиваются и не отбрасываются. Даже дуалистическое понятие об индивидуальной душе, которая после смерти человека идет в другие миры, находит в Адвайте место. Эти идеи сохранены здесь во всей полноте, благодаря чему представляется возможным дать каждой из них надлежащую оценку, помня только, что все они выражают собою лишь отдельные частные взгляды на данный предмет.

Смотря на вселенную с известной точки зрения, вы можете видеть только одну ее часть. Так вселенная и представляется уму. С той точки, на которой стоит дуалистический ум, вселенная только и может представиться как создание из материи и силы. Она может казаться только игрою какой-то воли, а эта воля, в свою очередь, только отдельной от вселенной. В этом положении человек должен видеть и в себе двойную природу, тело и душу, при чем эта душа, хотя и ограниченная, сама по себе вполне индивидуальна и к ней применяются все идеи о бессмертии. Эти фазы развития религиозных идей сохранены также в Веданте, и я считаю полезным привести вам из этой дуалистической ее части несколько общераспространенных идей. Согласно им, мы имеем тело и за ним – другое, так называемое тонкое тело. Последнее состоит также из материи, только очень эфирной. Оно – носитель всей нашей кармы, всех наших действий. Впечатления от всей нашей прежней деятельности сохраняются в этом тонком теле, готовые проявиться опять. Всякая наша мысль, всякий поступок, по прошествии известного времени, становятся тонкими, переходят, как говорят, в форму семени и в таком виде живут в этом теле, в скрытом состоянии, а спустя некоторое время всплывают опять и приносят свои плоды. Это целая история того, чем человек сделал свою жизнь. Человек не связан никакими законами, кроме тех, которые он сам для себя создал. Наши дела, мысли и поступки – только нити той сети, которую мы опутываем себя, из-за добрых или злых побуждений. Если мы приводим в действие какую-нибудь силу, то должны нести и все последствия этого. Это – законы кармы. Позади тонкого тела находится Джива, или индивидуальная душа человека. Много спорили относительно размеров, формы или отсутствия формы этой индивидуальной души. По мнению одних, она очень мала, вроде атома; по мнению других – не так мала; по мнению третьих – очень велика и т.д. Эта Джива есть часть мировой субстанции и живет вечно; как часть целого, она существует, не имея начала, и будет существовать без конца, переходя во всевозможные формы, чтобы проявить свою истинную природу и чистоту. Всякие действия или мысли Дживы, влекущие ее назад к тому состоянию, из которого она вышла, называются дурными поступками; а действия и мысли, помогающие ей расширяться, проявить себя дальше – хорошими. Одна удивительная теория принята в Индии, как самыми незрелыми дуалистами, так и наиболее ушедшими вперед их противниками, – именно, что все способности и силы души уже существуют в ней, а не приходят откуда-то извне. Они находились в душе в скрытой форме, и вся деятельность нашей жизни, или жизнью, направлена к одной цели – проявить ее возможности. Существует также учение о так называемом перевоплощении, состоящее в том, что после того, как тело разложится, Джива берет другое тело, затем третье и т.д., и живет с ними в этом мире, или в других мирах. Но этому миру отдается предпочтение, как лучшему из миров для наших целей. Относительно других миров находят, что в них слишком мало страданий, и потому мало побуждений думать о более высоких вещах. Так как этот мир неустойчиво уравновешен огромной массой страданий и некоторым количеством счастья, то Джива рано или поздно пробуждается и у нее является мысль о своем освобождении. Но как очень богатые лица в этом мире имеют мало поводов думать о высших предметах, так точно и Джива, если пойдет на небо, не будет иметь побуждений к этому. Ее положение в этом случае станет лучше прежнего, ее очень тонкому телу не придется думать ни о каких болезнях, не будет необходимости в еде и питье, и все его желания будут выполняться. Джива будет переходить там от наслаждения к наслаждению и забудем все о себе и всяких идеалах. Но в высших мирах есть все-таки Дживы, продолжающие

совершенствоваться, несмотря на окружающие их наслаждения, и переходящие оттуда еще выше. Очень грубая часть дуалистов представляет себе цель, которой надо достигнуть, в виде самого высшего неба, куда, наконец, попадут эти души и будут там вечно жить вместе с Богом. Они будут иметь прекрасные тела, не знать болезней и смерти и, вообще, никакого зла. Все их желания будут исполняться, и они будут вечно лицезреть Бога. Но от времени до времени некоторые из них возвращаются на землю и принимают новые тела, чтобы поучать людей. Они-то и были, по словам упомянутых дуалистов, великими учителями мира. Они были уже свободны и жили с Богом в высших сферах, но их милосердие к страждущему человечеству было слишком велико, и они воплотились опять и проповедовали людям пути к Нему. Теперь они пошли в миры ангелов и в разные другие.

Адвайта, конечно, не находит такое состояние идеальным. Идеалом должна быть бестелесность. Все, меньшее бесконечного, не может быть идеалом: бесконечное же тело немыслимо, так как самое понятие тела уже предполагает пределы или границы. По той же причине не может быть и бесконечной мысли. Адвайта говорит, что мы должны идти за пределы тела, а также и за пределы мысли.

Другое странное положение Адвайты состоит в том, что нам нет надобности добывать свободу, что она уже есть у нас, но мы только забыли и отрицаем ее. Совершенства, неизменяемости и бессмертия нам тоже не приходится достигать; их также мы все время имеем. Если вы решитесь сказать себе, что вы свободны, – в тот же момент вы свободны. Если скажете, что вы связаны, – связанными и останетесь. Но дуалисты и некоторые другие держатся противоположного мнения. Вы можете выбирать то, что вам больше нравится.

Этот идеал Веданты очень трудно понять, и он вызывал много споров. Наибольшее затруднение представляло то, что если принять идеи Адвайты, то является необходимость отрицать и оспаривать идеи дуалистов. Берите то, что вам нравится, и предоставьте другим брать то, что они найдут для себя подходящим. Если вам очень хочется сохранить вашу маленькую индивидуальность, – остаться отдельным человеком, – вы сохраните также и все ваши желания. Если путем опыта вы пришли к заключению, что человеческая природа хороша и приятна, можете сохранить ее сколько хотите времени, так как вы сами создаете свою судьбу, и никто не может принуждать вас. Вы будете людьми так долго, как захотите. Если захотите быть ангелом, будете ангелом. Все зависит от вас. Но могут быть люди, которые не хотят быть даже ангелами. Какое право вы имеете говорить им, что их понятия ужасны? Вы можете прийти в ужас, если потеряете сто фунтов; но могут быть другие, которые даже не мигнут, если бы потеряли все деньги, какие есть на свете. Есть такие и этакие. Как вы смеете судить других по своей мерке? Вы льнете к вашим ограничениям и маленьким мирским идеям, и это может быть вашим идеалом. Пожалуйста. Вы получите то, что желаете. Но есть другие, познавшие истину и покончившие со всем этим: такие не могут успокоиться в этих ограничениях: они хотят вырваться из них, и ничто в этом мире не удовлетворяет их. Для них мир, со всеми его наслаждениями, просто грязная лужа. Почему вы хотите заставить их подчиняться вашим взглядам? Вы должны отвыкнуть от этого раз и навсегда. Предоставьте свободу каждому. Не тяните других к себе вниз. Год назад я читал рассказ, как несколько судов были застигнуты циклоном у островов Самоа. На иллюстрации к этому рассказу (в

"Иллюстрированных Лондонских Новостях") все суда представлены погибающими, кроме одного – английского, благополучно выдержавшего шторм, и люди гибнущих кораблей, которых вот-вот поглотит море, стоят на палубах и аплодируют тем, которые плывут, несмотря на бурю.

Некоторые говорят, что, если мы утрачиваем нашу маленькую индивидуальность, то для человечества не будет никакой нравственности, никакой надежды. Как будто все они все время умирают ради человечества. Бог с вами, да если бы в каждой стране нашлись две сотни мужчин и ; женщин, действительно желающих делать добро человечеству, то через пять дней настало бы царствие Божие на земле. Знаем мы, как умирают за человечество. Все это – только громкие фразы, и говорятся они не без цели. Боже. избави нас от них!

История показывает, что те, кто никогда не думали об этой маленькой индивидуальности, были величайшими благодетелями человеческого рода, и что чем больше люди думают о себе, тем меньше они способны трудиться для других. Одно бескорыстие, другое – себялюбие, постоянное повторение которого – крайний эгоизм. Он является не от жажды истины, или желания добра другим существам, но от чрезмерной черствости сердца, от мысли: "Я хочу иметь все и не забочусь о других". Так это представляется мне. Я хотел бы видеть в мире больше нравственных людей, похожих на тех великих древних пророков и мудрецов старого времени, которые отдали бы сотню жизней, если б могли этим принести пользу даже одному маленькому животному. Толки о нравственности и пользе ближним в настоящее время не более, как пустая болтовня.

Я хотел бы видеть нравственных людей, похожих на Гаутама Будду, который не верил ни в Личного Бога, ни в личную душу, никогда ничего не требовал, никогда не просил, держал себя настоящим агностиком, и вместе с тем всю жизнь трудился для блага всех, готов был положить жизнь за каждого. Прекрасно выразился его биограф: "Он рожден для пользы и блага многих". Он никогда не удалялся в лес, чтобы размышлять ради своего спасения. "Мир в огне: кто-нибудь должен найти выход"... "Зачем так много страданий?" Эта одна мысль управляла всей его жизнью. Думаете ли вы, что мы так же нравственны, как Он? Чем безнравственнее человек или раса, тем они эгоистичнее. Раса, выделяющая себя из других, самая жестокая и злая. Не было религии более дуалистической, чем религия пророка Аравии, и никто не пролил столько крови, не был так жесток по отношению к другим существам, как ее последователи. У этих фанатиков есть даже учение, что человека, неверующего как они, можно убить; это будет доброе дело. И самое верное средство попасть на небо с прекрасными гуриями и всякого рода чувственными наслаждениями – убийство неверных. Подумайте, сколько кровопролития было следствием этой религии. В религии Христа не было жестокости. Между Его чистой религией и Ведантой очень мало различия. В ней проповедуется идея о Единстве, но проводятся также и дуалистические идеи, с целью дать людям за что-нибудь ухватиться, чтобы затем подняться к высшему идеалу. Пророк, молившийся: "Отче наш, иже еси на небесах", учил также: "Я и Отец – одно". Этот Пророк знал, что через Отца на небесах путь лежит к "Я и Отец – одно". В Его религии были только благость и любовь; но, как скоро в нее внесли черствость, она выродилась в нечто только немногим лучшее, чем религия жестоких сект пустыни. Это произошло от невежества, от борьбы за свое маленькое я, от

заботы сохранить это я не только в настоящей жизни, но и после смерти. Нам говорят, что это бескорыстие, что это основание нравственности. Избави нас. Боже, от такой нравственности. Эгоизм основание нравственности! Люди, которые должны бы иметь лучшее об этом понятие, приходят в ужас, думая, что если эти маленькие я исчезнут, вся нравственность погибнет. Лозунг всякого благополучия, всякой нравственности, – "Не я, но ты". Кому какое дело, есть ли такие вещи, как небо или ад, имею ли я душу и, если имею, то изменяется ли она или нет? Есть мир, и он полон страданий. Идите, подобно Будде, в мир и постарайтесь уменьшить его страдания, или умрите, пытаюсь сделать это. Забудьте о себе; это первое, чему надо научиться, деист вы или атеист, агностик или ведантист, христианин или магометанин. Всем нам ясно одно правило: "не я, но ты", – уничтожение маленького я и восстановление действительного Я.

Две силы постоянно действуют рядом друг с другом. Одна говорит: "Я", другая – "не Я". Они проявляются не только в людях, но и в животных, не только в высших животных, но и в самом ничтожном из червяков. Тигрица, погружающая свои когти в горячую кровь человека, отдает свою жизнь, защищая тигренка. – Самый развращенный человек, ставящий ни во что жизнь своих братьев-людей, сделает все, чтобы спасти свою умирающую с голоду жену или своих маленьких детей. Таким образом, две эти силы работают рядом во всем творении, и где вы найдете одну из них, там найдете и другую. Одна – эгоизм, другая – бескорыстие. Одна – присвоение, другая – отречение. Одна все берет, другая все отдает. Все во вселенной, от самого низшего до самого высшего, представляет арену для этих двух сил. Это настолько всем ясно, что не требует доказательств. Какое право имеет одна часть общества приписывать всю работу эволюции вселенной действию одной из них, именно – соперничеству и борьбе? Какое она имеет право приписывать эту работу страстям, ссорам, раздорам и дракам? Не спорим, что все это существует. Но какое она имеет право не признавать действия другой силы? И можно ли отрицать, что любовь, отречение, выражающееся в словах "Не Я", – единственная положительная сила вселенной? Другая сила – только ложно направленное применение той же силы, любви, так как соперничество вызывается любовью. Истинное происхождение соперничества – в любви. Настоящая причина зла – бескорыстие. Создатель зла – добро, и цель его тоже добро. Человек, убивающий на улице другого, может быть, был побужден к этому любовью к своему ребенку. Его любовь стала узкой, ограничилась одним маленьким ребенком и оторвалась от миллионов других душ вселенной. Но, ограниченный или безграничный, это все-таки тот же самый Бог.

Таким образом, движущая сила всей вселенной, как бы она ни проявлялась, не что иное, как эта удивительная вещь, называемая бескорыстием, отречением. Истинная любовь единственная живая сила. Поэтому Ведантист и настаивает на Единстве, а не на двойственности. Мы также настаиваем на этом объяснении, потому что наука и знание, которыми мы так гордимся, заставляют нас признать, что, если одна причина может объяснить всю серию следствий, то такое объяснение должно быть признано верным, предпочтительно перед всякой теорией, требующей для объяснений того же числа следствий многих причин. Так, например, если мы признаем, что, вследствие ограничения того же единства, прекрасная и удивительная любовь может оказаться злом или подлостью, мы должны всю вселенную объяснить одною силою любви. Если же не допускаем возможности происхождения зла от любви, то должны признать

две причины вселенной, добрую и злую, две силы любовь и ненависть. Что же более логично? – Конечно то, что предполагает только одну причину.

Теперь я перейду к понятиям, которые никоим образом не принадлежат дуалистам. С дуалистами я не могу дольше оставаться. Я их боюсь. Я хочу показать вам, что высший идеал нравственности, и бескорыстная идет рука об руку с высшими метафизическими идеями, что для осуществления требований этики и нравственности нет надобности принижать свои идеи, а – напротив – необходимо достичь самых высших философских и научных понятий. Человеческое знание не враждебно человеческому благосостоянию. Наоборот, только знание спасет вас во всех областях жизни. Чем больше мы знаем, тем лучше. Ведантист говорит: причина всего, кажущегося дурным, заключается в ограничении безграничного, в любви, которая будучи заключена в узкие каналы, кажется злом, но, выходя из них, на другом конце проявляется, как Бог. Веданта же утверждает, что причина кажущегося зла - в нас самих. Не вините сверхнормальные существа, не теряйте надежды, не падайте духом и не думайте, что вы в какой-то норе и не можете из нее выбраться, если не придет кто-нибудь и не протянет вам руку помощи. Этого не может быть, – говорит Веданта. Мы похожи на шелковичных червей; из собственной субстанции мы вытягиваем нити, делаем кокон и со временем оказываемся заключенными в нем. Но не навсегда. В этом коконе мы должны развиться в бабочку и выйти из него свободными. Мы опутали себя сетью кармы, чувствуем в своем невежестве – как будто связаны и по временам плачем и вопим о помощи. Но помощь извне не приходит, хоть призывайте всех богов вселенной. Она придет изнутри вас самих. Я целые годы взывал о помощи, и после долгого времени увидел, что помощь пришла. Но она пришла изнутри. И я должен был переделывать то, что ошибочно было сделано мною. Я должен был разрезать сеть, которую опутал себя, и сила для этого была во мне. Из этого я пришел к уверенности, что ни одно мое стремление в жизни, хорошо или дурно направленное, не пропало даром, но что я – результат всего моего прошлого, как хорошего, так и дурного. Я делал в моей жизни много ошибок, но уверен, что если бы исключить хотя одну из них, я не был бы тем, что я есть, а я вполне доволен собою. Я этим не хочу сказать, что вы должны делать ошибки. Не поймите меня в этом ложном смысле. Но не смущайтесь, если сделаете несколько ошибок. Знайте, что в конце концов все исправится. Иначе быть не может, потому что правильность действий и чистота – в нашей природе, а природа никогда не может быть никакими средствами устранена. Сущность нашей природы всегда останется та же самая.

Мы должны понять, что то, что мы называем ошибками, или злом, мы делаем вследствие нашей слабости, слабы же мы потому, что невежественны. Я предпочитаю называть это ошибками, так как слово "грех", хотя первоначально и очень точное, приобрело некоторый оттенок, который пугает меня. Кто делает нас невежественными? – Мы сами. Мы сами закрываем себе глаза руками и жалуемся, что темно. Уберите ваши руки, и увидите, что вам всегда светит свет, – самосветящаяся природа человеческой души. Разве вы не видите ее? Что говорят ваши новейшие люди науки? Какая причина всей эволюции? – Желание. Животное хочет сделать что-то новое, но не находит удовлетворительных для этого условий, и потому вырабатывает себе новое тело. Кто его вырабатывает? Оно само, своею собственной волей. Вы развились из самой низшей амебы. Применяйте ту же волю, и она поднимет вас еще выше. Воля всемогуща. Если она всемогуща, – скажете вы, – почему я

многого не могу делать? Но вы думаете при этом только о вашем маленьком я. Оглянитесь назад и проследите себя от состояния амебы до человеческого существа, и скажите, кто сделал все это. – Ваша собственная воля. Можете ли вы тогда отрицать, что она всемогуща? То, что подняло вас так высоко, может сделать вас еще выше. Но для этого нам нужен характер, укрепление воли, а не обессиливание ее. Поэтому, если бы я учил вас, что ваша природа зла, и говорил вам, чтобы вы шли домой, оделись в рубище, посыпали голову пеплом и всю жизнь сокрушались, что сделали несколько ложных шагов, это не помогло бы вам, но еще больше ослабило, и я указал бы вам путь скорее ко злу, чем к добру. Если бы эта комната была полна тьмы в течение тысяч лет, и вы вошли бы в нее и начали плакать и кричать: "Ой, темно!" – разве тьма исчезнет? Внесите в нее свет, зажгите спичку, и в один момент станет светло. Какая вам польза всю жизнь думать: "Я совершил дурное дело, я наделал много ошибок". Внесите свет, и зло исчезнет в одно мгновение. Укрепляйте свою действительную природу, становитесь лучезарным, блистающим, вечно чистым, и вызывайте то же в каждом, кого видите. Я хотел бы, чтоб всякий из нас достиг такого состояния, чтобы внутри даже самого худшего из людей он мог видеть Бога, и чтоб, вместо того чтоб осуждать его, мог сказать: "Встань, лучезарный, встань, вечно чистый, нерожденный и бессмертный, встань, всемогущий, и прояви свою истинную природу. Эти маленькие проявления не приличны для тебя!" Это самая высокая молитва, которой учит Адвайта. Единственная истинная молитва состоит в том, чтобы помнить о своей природе, о Боге, Который всегда в нас, думать о Нем всегда, как о Бесконечном, Всемогущем, Вечно-Благом, всегда Благотворительном, Беспристрастном, лишенном всех маленьких я, всех маленьких ограничений. Кого может бояться тот, кто ничего не желает для себя? Кто может утратить его? Чем страшно ему может быть зло? Если мы Адвайтисты, мы должны думать, что с этого момента мы мертвы и нас нет. Старый человек ушел, он был просто каким-то суеверием, а то, что осталось, вечно чисто, вечно энергично, могущественно и всеведуще. Это остается у нас, и тогда весь наш страх исчезает. Кто может причинить вред мне, вездесущему? Таким образом, все слабости мои исчезают и мне предстоит только одно дело, – вызывать то же состояние у моих ближних. Я вижу, что они такие же, только не знают этого. Я должен научить их, помочь им пробудить в себе их бесконечную природу. Вот что я нахожу необходимым для всего мира. Эти доктрины стары, старше, чем многие горы. Всякая истина вечна. Она не составляет ничьей собственности: никакая раса и никакой индивидуум не может претендовать на исключительное обладание истиной. Истина есть природа всех душ. Кто может предъявлять особенное право на нее? Но она должна быть практична, проста, так как вы видите, что высшие истины в то же время самые простые. Она должна быть настолько проста, чтобы могла проникнуть в каждую пору человеческого общества, чтобы могла стать достоянием как самого высокого, так и самого обыкновенного ума, мужчины, женщины, ребенка. Все рассуждения логики и метафизики, все теологии и обряды могут быть хороши в свое время; но попробуем упростить понятия и приблизить золотые дни, когда каждый человек станет поклонником, а сущность каждого человека – предметом поклонения.